Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 12 30 ИЮНЯ № 12

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Передовая.—К пленуму ИККИ 3

Ульбрихт, В.—Проблема политики КПГ 19

Ярославский, Ем.—Под знаком развертывания борьбы . . . 25

Зиновьев, Г.—Верно ли, что новые революции невозможны без войны? 33

Каценеленбоген, Мих.—„Социальная мимикрия" кулака 41

Мицкевич-Капсукас, В.—Положение в компартии Польши 58

Критика и библиография.

Злотин, В. и Щипицын, И.—За большевистскую историю профдвижения 71

1 9 2 9

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ

„ПРАВДА"

Главлит № А—37080. Изд. газ. „Правда" Тираж 70.000 экз.

Типография газеты „Правда". Москва, Тверская, 48.

К пленуму ИККИ.

X пленуму ИККИ приходится работать в весьма сложных и ответственных условиях мировой обстановки.

Если экономические черты третьего периода — все растущее противоречие между известным развитием производства и чрезмерным отставанием рынков на основе превышения довоенного уровня и капиталистической рационализации—уже достаточно выявились перед VI конгрессом Коммунистического Интернационала, если уже к этому времени обострение империалистических противоречий выдвинуло опасность новой полосы грабительских и контрреволюционных войн империализма, как стержень всего международного развития, то со всей замечательной силой классовая борьба пролетариата развернулась после VI конгресса. В этом отношении год, протекший со времени конгресса и подтвердивший очень убедительно всю генеральную установку VI конгресса, особенно достоин внимания всего международного коммунистического движения. Все это развитие классовой борьбы международного пролетариата, — эта новая ступень развития всемирной пролетарской революции, быстрое созревание ее суб'ективных условий,—выдвигает вопрос о наших коммунистических партиях, как решающий вопрос для исхода борьбы между трудом и капиталом, между диктатурой пролетариата и диктатурой империализма.

Тактика «класс против класса», положенная в основу решений VI всемирного конгресса, означает приближение решающих боев в классовой борьбе между пролетариатом и буржуазией, она означает, что произошли большие сдвиги в классовых отношениях во всем мире и коммунистическая партия практически и конкретно становится единственным руководителем всех форм борьбы рабочего класса за свои частичные и конечные цели и требования, она означает поэтому, что коммунистическая партия, как таковая, а не вообще вопрос о партии, становится решающим фактором классовой борьбы в всемирно-историческом значении; классовая борьба после VI конгресса со всей очевидностью выявила это. Она показала новую ступень развития Коммунистического Интернационала, рост его влияния в рабочих массах и консолидацию его рядов, рост его ответственности за ход борьбы рабочего класса. Это означает, что мы творим новую ступень международной пролетарской революции, ступень в общем непосредственной подготовки, а кое-где и кое-когда — и это общее для всей эпохи войн и революций — и развертывания, или завязки решающих классовых битв.

Речь идет именно о новой ступени.

Ленинская политика есть пролетарская политика, строящаяся на почве фактов и тенденций развития. Поэтому мы против как всякого выдумывания и сочинительства «новых ступеней», «новых фазисов» и «новых черт» и т. д., так и *особенно* такого же выдумывания навыворот, т.-е. *замазывания* действительно нового, действительно особенного и конкретного для данного времени, данной страны, данной исторической полосы развития борьбы рабочего класса. Общей для правых и примиренцев является именно эта вторая черта, когда политикой хвостизма, отражающей также настроения и цеховые интересы *наиболее отсталых* в классовом отношении слоев рабочего класса, защищаются и представляются — созиательно или бессознательно — интересы классовой борьбы буржуазии. Но хвостизмом для коммунистического авангарда является и забегание вперед, заскоки, которые могут превратиться в уклон, оппортунизм наизнанку, если пытаться превратить их в систему стратегии и тактики, в политическую линию. Это *также* есть хвостизм, ибо такие тенденции или такая линия показала бы, что коммунистический авангард или часть его перестает быть авангардом, организатором и руководителем всей классовой борьбы пролетариата и вместо этого отражает лишь, плетется в хвосте забегающих вперед, невыдержанных, нетерпеливых, отсталых в смысле классовой сознательности прослоек рабочего класса, не стряхнувших еще с себя полуанархический, мелкобуржуазный прах, склонность к быстрому переходу от уныния к увлечению и наоборот. И та и другая политика является хвостизмом.

Но сейчас, как и в общеисторическом масштабе борьбы рабочего класса вообще, особенно опасен хвостизм откровенно-оппортунистический.

Единственной политикой революционного *авангарда* является ленинская политика, организующая *всю* борьбу рабочего класса, подчиняющая всякую тактическую задачу *основной* стратегической установке — завоеванию большинства рабочего класса *для* завоевания власти, диктатуры пролетариата, достижения конечной цели. Эта политика со всей решительностью отвергает и «левый» и, особенно, раньше всего, правый хвостизм.

Эти вопросы встают при всяком историческом повороте в борьбе рабочего класса. Со всей решительностью разбивая хвостистскую линию правых и примиренцев, Коммунистический Интернационал чужд и всякой тенденции — как бы она слабо ни проявлялась — к заскокам и забеганиям вперед. Эта постоянная истина ленинской внутрипартийной тактики, связанная неразрывно с общей линией коммунистической партии, сохраняет свою силу для наших партий как в третий период вообще, так и для текущего и ближайшего его этапа в частности. В этом — при беспощадной борьбе против основного, правого хвостизма — гарантия того, что коммунистические партии смогут успешно очиститься от правых, до конца преодолеть примиренчество и, превращаясь все больше в массовые революционные партии, будут способны выполнить свою решающую роль на нынешнем этапе развития борьбы рабочего класса против буржуазии.

Развитие после VI конгресса наполнило *конкретным* содержанием

те *общие* формулировки, которыми Коминтерн охарактеризовал тогда третий период развития всеобщего кризиса капитализма. Эта конкретизация формулировок VI конгресса прежде всего замечательно быстрым под'емом классовой борьбы пролетариата подтвердила правильность характеристики современной стабилизации капитализма как гнилой, временной, неустойчивой, расшатывающейся.

Правым и примиренцам ужасно не нравятся эти прилагательные к стабилизации, вошедшие в резолюции XV с'езда нашей партии и VI всемирного конгресса К. И. и в программу Коммунистического Интернационала. Иначе как с социал-демократическим смешком и пренебрежением они не могут говорить и писать об этом характере стабилизации. Правые при этом выступают открыто против VI конгресса, но защитниками якобы ленинского, «трезвого» анализа стабилизации. «Трезвый» анализ означает оценку мирового положения, свободную от революционных элементов и перспектив. «Трезвый» анализ означает социал-демократическую оценку мирового положения, разбавленную марксистской и «диалектической» водицей. «Трезвый» анализ означает такую оценку мирового положения, которая говорила бы рабочему классу: ты еще очень слаб, не смей переходить в контрнаступление против буржуазии, буржуазия еще должна тебя бить, а ты обороняясь должен отступать. «Трезвый» анализ говорит компартии: ты еще совсем слаба, и куда тебе самостоятельно выступать против могучей с.-д. во главе рабочего класса, ты должна в едином фронте с «левыми» с.-д. «нажимать» снизу на правых с.-д. — большее запрещено «законами истории». «Трезвый» анализ говорит об укреплении капитализма, революционные перспективы маячат где-то вдали, и к ним нет никакого практического мостика от сегодняшнего дня. С такими трезвенниками большевизму приходится сталкиваться не впервые на своем историческом победном пути. Все дезертиры из лагеря революции в лагерь контрреволюции начинали с этой проповеди антиреволюционной трезвенности. У всех у них «да здравствует трезвенность» означало «долой революционность». Отражая нажим буржуазии и с.-д., эта трезвенность является знаменем, под которым капитулянты переплывают от берега революции к берегу контрреволюции. Большевизм под руководством Ленина вырос и растет в исторической борьбе против этой трезвенности капитулянтов перед буржуазией, перед слугами буржуазии.

Если правые борются за прочную стабилизацию капитализма, стоя на внекоминтерновской почве, на почве с.-д. и фашизма, и *открыто* выступают против линии VI конгресса, изображая ее как ультра-левую, то примиренцы хотят бороться против линии VI конгресса, якобы стоя на почве Коминтерна и даже его VI конгресса. Они изображают линию VI конгресса как ужасно «умеренную» и «трезвую». Если правые говорят, что нет различия между вторым и третьим периодами, ибо капитализм и тогда укреплялся и укрепляется сейчас, то примиренцы «стоят целиком» на почве решений VI конгресса и заявляют, что есть различие между вторым и третьим периодом. В третий период мы имеем, видите ли, «экономическое усиление нынешней базы относительной стабилизации, а тем самым и политической власти буржуазии». И, мол, для того и введен третий период, чтобы подчеркнуть это усиление и укрепление капитализма. Как видим, тут есть определенное «различие» между пра-

выми и примиренцами. Правые говорят, что не только третий, но и второй период был периодом укрепления и ликвидации кризиса капитализма, а примиренцы,—они более «левые», они, молча о втором периоде или трусливо говоря о том, что мы тогда якобы «преувеличивали известные реальные факты» кризисных сторон капитализма, — заявляют, что третий период есть период экономического и политического укрепления и реконструкции капитализма. Понятно должно быть для каждого, что в лучшем случае это есть различие между вчерашними и сегодняшними капитулянтами перед давлением буржуазии. Политические выводы из этой позиции примиренцев в лучшем случае вытекают те же, что и у правых. Поэтому так легко примиренцы в Коминтерне заняли очищенное место правых, поэтому так естественно они стали кристаллизационным пунктом всех правых настроений и элементов в Коммунистическом Интернационале. И правые и примиренцы стоят на почве и исходят из перспективы *укрепляющейся* стабилизации капитализма.

Еще шаг—чисто формальный для одних, более значительный для других—и социал-демократы братски примут их всех в свои об'ятия.

Действительное развитие опрокинуло всю установку правых и примиренцев в пользу линии VI конгресса. Наиболее характерное и важное для периода развития после VI конгресса—это как раз *ускорение общего темпа развития всех основных мировых антагонизмов*. Это означает *быстрое назревание решающих противоречий* капитализма. Это накладывает *решающий* отпечаток на все развитие. Это развитие, будучи ускоренным и протекая неравномерно, делает *исключительно напряженной* всю мировую обстановку. Кто не поймет этого основного момента—*ускоренного темпа расшатывания капиталистической стабилизации*—не увяжет с ним все прочие вопросы, тот навряд ли будет способен на дело революционного авангарда развертывающейся борьбы рабочего класса. Это ускорение темпа развития сказалось по линии обострения борьбы между империалистами, борьбы между империализмом и колониями, между рабочим классом и буржуазией, между империализмом и СССР, и, наконец, по линии развития противоречий между социал-демократией и рабочим классом и развития внутрипартийных отношений в Коммунистическом Интернационале. Дельнейшее расшатывание капиталистической стабилизации, о котором говорят решения VI конгресса — и что особенно не нравится правым и примиренцам — *ускорилось*.

Это нарастание напряженности мировой обстановки целиком выявилось за прошедший год.

Уже после конгресса развернулся новый этап борьбы между британским империализмом и империализмом Соедин. Шт. Возобновление англо-французской Антанты, фактическое восстановление англо-японского союза, усиление программы больших вооружений всех родов и прежде всего морских Англией и Америкой — все это указывает на то, что империалистический мир твердо вступил на путь *стремительной* подготовки военной борьбы, в которой уже достаточно ясно выкристаллизовалась основная линия мирового капиталистического размежевания. Ультра-империалистические и пацифистские разговоры, россказни о растущем, якобы, мировом тресте, который устранит неизбежность военных конфликтов, опрокидываются историческим развитием с замечательной быстротой. *Никогда* угроза новой всемирной империалистической войны не была так остра, как в настоящее время. В этом грядущем столкновении не останется ни одного нейтрального уголка в капиталистическом мире

Лига Наций—орудие англо-французского империализма—активно подготовляет эту войну. Пакт Келлога есть система военно-политической борьбы С. Штатов. Мирная политика СССР наталкивается на глухую стену растущего милитаризма. Вокруг СССР ведется бешеная военно-политическая подготовка с Запада и Востока для интервенции империалистов в страну строящегося социализма. Ряд малых войн, отражающих основные противоречия империализма и переплетающихся с элементами гражданской войны, идет постоянно (Мексика, Марокко, Колумбия, Китай, Парагвай, Боливия, Афганистан, Южная Персия и т. д.). Все это показывает, что империалистические отношения и отношения между классами доходят до крайней степени остроты.

При всем этом противоречие между СССР и капиталистическим миром как двумя классово-противоположными общественными системами, несмотря на огромное обострение противоречий в империалистическом лагере, является *осью* всего мирового развития. Как раз расшатывание капиталистической стабилизации при бурном социалистическом росте СССР, при всех кон'юнктурных изменениях все больше выдвигает это противоречие на первый план, как общую направляющую мировых отношений.

Капиталистическая стихия не во власти определить *ни сроки, ни очереди* нарастающих рядов конфликтов в грядущую решающую новую полосу войн и революций. «Малые» внешние и внутренние «войны» могут разрастись и в прямое и непосредственное вооруженное столкновение двух империалистических лагерей, они могут переключиться и в великую гражданскую войну пролетариата против буржуазии, они могут перерасти и в решающую борьбу между угнетенными рабоче-крестьянскими массами колоний и полуколоний и империализмом, они могут привести и к новой полосе военной борьбы между мировым империализмом и советской страной и дать самое разнообразное сочетание всех этих элементов. Коммунистический авангард должен усвоить ясно одно, что все эти конфликты в *эпоху кризиса капитализма* неразрывно увязаны и вытекают из роста и обострения решающих и коренных противоречий между пролетариатом и буржуазией, что малая борьба между двумя классовыми способами разрешения мировых противоречий *быстрым темпом* вследствие нарастающего кризиса капитализма ведет к великой решающей борьбе. Это — борьба между капиталистическим способом и пролетарским. Буржуазия мобилизует всю свою систему для войн и контрреволюций — это ее исторический способ «разрешения» растущих противоречий капитализма. Международный пролетариат организуется для гражданской войны против буржуазии, для действительной ликвидации всех противоречий современного капиталистического общества.

Какая из этих двух противоположных систем «разрешения» (т.-е. развертывания) и действительного и окончательного разрешения мировых противоречий разбернется раньше, или каково будет их основное историческое переплетение и сочетание, решит лишь борьба между пролетариатом и буржуазией, между коммунизмом и империализмом.

Задача Коммунистического Интернационала мобилизовать все силы рабочего класса для борьбы за второй путь, для победы этого пути в исходе всей борьбы.

Такова стратегическая установка Коммунистического Интернационала по этому важнейшему вопросу о войне и революции. Коминтерн поэтому решительно отвергает право-оппортунистическую установку и всякую тенденцию, пытающуюся поставить вопрос так, что без войны или контрреволюции революция невозможна, что гражданская война является законным продуктом лишь войны империалистической и т. д. Эта установка неразрывно увязывается с правой оценкой (т.-е. переоценкой) стабилизации капитализма, оппортунистической постановкой вопроса о внутренних и внешних противоречиях империализма (вторые, якобы решающие) особенно неправильной в эпоху начавшихся пролетарских революций, в эпоху кризиса капитализма, в эпоху существования и роста страны пролетарской диктатуры, и по существу она сводится к отрицанию всеобщего кризиса капиталистической системы. Эту оппортунистическую установку пассивного выжидания революции (авось капиталисты ее развяжут)—отвергая одновременно тенденцию к недооценке роли и места особых войн, войн империализма в эпоху кризиса капитализма, их тесной связи с условиями пролетарской революции—сейчас надо разоблачать со всей решительностью, ибо она имеет достаточно массовую базу и питается социал-демократическими пережитками, провинциализмом, национальной ограниченностью, слабостью боевого интернационализма, капитулянтством перед буржуазией и реформизмом, фаталистически-хвостистским пониманием силы и роли рабочего класса в историческом перевороте и т. д. Без борьбы против этой установки и настроений, без их беспощадного разоблачения и преодоления невозможна действительная и успешная мобилизация рабочего класса для решения его всемирно-исторических задач.

Главный вопрос сейчас заключается не в том, что эта установка Коммунистического Интернационала верна вообще (с этим могли бы согласиться, пожалуй и правые с примиренцами), главный вопрос заключается в том, что обострение классовых противоречий, организация сил революции, полевение рабочего класса, обострение капиталистического кризиса идет таким ускоренным темпом, что мы в своих тактических установках ставим перед собой как решающую задачу подготовку и организацию борьбы за власть, как реально-возможный путь—в настоящей исторической обстановке — к уничтожению империализма и предупреждению его войн, что в ином случае станет единственно правильной подготовкой к превращению войн империализма в гражданские войны пролетариата против капитала. Вот с этим правые и примиренцы совершенно не согласны.

А условия решения этой задачи нарастают с каждым днем. Установка VI конгресса о полевении широких масс рабочего класса подтвердилась быстрей и лучше, чем мы, может быть, могли ожидать. Со времени VI всемирного конгресса резко обозначился ускоренный темп полевения международного рабочего класса и нарастание под'ема революционного рабочего движения. За прошедший незначительный период со времени конгресса мы были участниками ряда крупнейших выступлений и упорной и широкой борьбы рабочего класса: Лодзинская всеобщая стачка, показавшая большую активность и революционную сознательность пролетариата; борьба в Руре, где рабочие под руководством нашей Германской компартии дали стойкий и единодушный отпор наступлению тройственного союза капиталистического государства, предпринимателей и реформистской бюрократии. Во всем капиталистическом мире поднимается стачечная волна. Эта волна проходит как в высоко развитых империалистических странах, так и в отсталых колониях, временами и кое-где переплетаясь с элементами упорной революционной борьбы и гражданской войны. В борьбу втягиваются и активно выступают массы неорганизованных, большие массы сел.-хоз. рабочих, кое-где борьба перебрасывается и на наиболее низко оплачиваемых государственных служащих. Рост недовольства и полевения масс захватывает и миллионные толщи с.-х. рабочих и угнетенного крестьянства. Достаточно перечислить наиболее крупные из этих движений, чтобы увидеть, как гнилая стабилизация капитализма подрывается со всех сторон растущей классовой борьбой: в Германии—борьба в Руре, стачка портовых рабочих; в Польше—всеобщая стачка в Лодзи, забастовка сел.-хоз. рабочих; во Франции—стачка горняков, текстильщиков, докеров, почтовиков; в Чехо-Словакии—огромное стачечное движение сел.-хоз. рабочих; в Греции—всеобщая стачка; в Болгарии—стачка табачников; расшатывается стабилизация империализма Соед. Штатов—1928 год, год «просперити», был свидетелем огромного под'ема стачечного движения в САСШ, рабочий класс САСШ побил мировой рекорд, дав 32 млн. потерянных рабочих дней в своей упорной борьбе с капиталом; даже молодой капитализм Австралии втягивается в орбиту обостряющихся противоречий всемирного кризиса капитализма, здесь тоже происходит огромное забастовочное движение. Забастовочные движения последних месяцев превзошли по количеству дней и участников забастовок ряд последних лет.

Вся эта борьба выявила четыре характерных черты: во-первых — высокое боевое настроение борющихся масс, их стремление, а временами и переход в контрнаступление против буржуазии и социал-фашизма; во-вторых—самостоятельное руководство этими боями против социал-демократии и реформистского профсоюзного аппарата нашими секциями, коммунистические партии становятся единственными руководителями всех форм и все нарастающих боевых форм борьбы рабочего класса; в-третьих—миллионные массы неорганизованных все шире вовлекаются в это движение, по своей активности и боевому настроению нередко оставляя позади организованных в реформистских профсоюзах рабочих; в-четвертых — борьба все больше ширится, вовлекая в свою орбиту все новые массы, стремясь об'единить отдельные участки движения в мощное контрнаступление про-

гий тройственного союза эксплоататоров. В процессе этой борьбы создаются новые формы единого фронта рабочего класса на основе классовой борьбы, новые боевые организации руководства выступлениями рабочих масс. Сознательность, организованность, боевая активность растет неизменно. Дело идет не о «ряде заострений», как вынуждены под давлением фактов писать германские примиренцы в своей последней платформе на XII с'езде германской компартии, а о резком полевении и революционизировании всей классовой борьбы пролетариата. Это есть действительность, и об этом идет речь.

Характер современной борьбы рабочего класса неразрывно связан с процессами развития буржуазного государства и социал-демократии, их все большей фашизации. Это определяется тем, что темп развития кризиса капитализма в третий период, острота этого кризиса оставляет все меньше места для реформистско-демократических маневрирований буржуазии и социал-демократии. Процесс сращения предпринимательских организаций, реформистского профсоюзного аппарата и социал-демократии с буржуазным государством пошел в силу этого настолько далеко, что экономическая борьба рабочего класса при мало-мальски крупных размерах этой борьбы переплетается или перерастает в борьбу политическую. Борьба направляется против всего капиталистического строя, буржуазия пускает в ход все средства политической борьбы вплоть до вооруженного отпора и подавления движений. У рабочего класса отнимаются все социально-политические завоевания. Это толкает рабочий класс, в свою очередь, на политизацию своей борьбы, на развертывание ее вширь. Это ставит перед рабочим классом и коммунистическими партиями, как ближайшую решающую проблему и метод борьбы и мобилизации рабочего класса, политические массовые забастовки. Первомайские выступления рабочего класса во всем мире и прежде всего баррикадные бои в Берлине были крупнейшим этапом перерастания экономической борьбы рабочего класса в политическую, носящую сугубо революционный характер. Таким следующим международным пунктом должно стать выступление рабочего класса в Международный Красный День 1 августа. Та подготовленность, с которой германская буржуазия и социал-фашизм, как и государственные организации буржуазии в других странах (Франция, Польша и т. д.), встретили первомайские выступления рабочего класса, подготовив и мобилизовав весьма удовлетворительно свой государственный аппарат, полицию, армию, социал-демократию (социал-фашизм), буржуазные партии, фашистские организации, те известные политические и организационные недочеты в подготовке и проведении первомайского выступления, которые обнаружились со стороны секций КИ, показывают, что перед нашими партиями встает серьезнейшая задача изучать условия и опыт, изучать и применять искусство массовых политических выступлений рабочего класса, его политических забастовок. Это важнейшее искусство надо изучать так же, как большевистская партия изучала и изучает искусство самой высокой формы классовой борьбы пролетариата, без такого тщательного изучения опыта и условий подготовки и проведения как и реализации результатов политических стачек пролетариата

в наступившиий период борьбы рабочего класса, невозможно успешное завоевание большинства класса, выступление во главе его масс против буржуазии и социал-фашизма, подготовка пролетариата к более грандиозным и решающим битвам в борьбе за диктатуру пролетариата.

Это стремительное полевение рабочего класса капиталистических стран сопровождается подтягиванием, а кое-где мощным под'емом, колониальных революционных резервов. Капиталистическая стабилизация в Китае никак не может устаиовиться. Китайская буржуазия перешла в лагерь империалистических врагов независимости Китая. Беспрестанная внутренняя борьба различных клик буржуазии, феодалов и милитаристов, отражающая, прежде всего, борьбу империалистов за раздел и колониальную эксплоатацию Китая, показывает, что об'единение Китая и освобождение его от империализма неразрывно связаны и могут быть разрешены лишь рабоче-крестьянской революцией под знаменем советов. Могучее революционное движение развертывается в Индии, где трудящиеся классы под руководством пролетариата все более самостоятельно берут в свои руки дело национального и социального освобождения сотен миллионов угнетаемых хищным и издыхающим британским империализмом. Буржуазия здесь уже на прошлых этапах борьбы и до под'ема нового широкого революционного движения перешла в лагерь империализма под знаменем трусливой оппозиции и борется против революционных классов и революционного движения. Вновь разворачивается революционная борьба в ряде других колониальных стран, как Латинская Америка, Марокко, Конго и т. д. В отличие от прошлого этапа эта борьба с самого начала принимает все более характер самостоятельного движения рабоче-крестьянских масс, выковывающих свое революционное руководство, проходит при систематическом и значительно более организованном и ускоренном под'еме рабочего движения в метрополиях, при несравненно большем укреплении СССР — опоры международной пролетарской революции.

Навстречу этому росту сил революции за пределами страны пролетарской диктатуры идет поток могучей и широкой социалистической реконструкции в СССР. Невиданный и немыслимый при капитализме темп развития народного хозяйства, рост крупной ведущей индустрии, коллективизация сельского хозяйства и его под'ем на новой технической основе, трудовой под'ем масс и социалистическое соревнование, огромное культурное строительство,—все это создает из СССР все более могучий опорный центр растущей борьбы рабочего класса против буржуазии, вырывая с корнем остатки капитализма на ⅙ части земной суши и создавая плацдарм для уничтожения загнивающего капитализма во всем мире.

Таким образом, силы международной пролетарской революции все больше организуются и растут, все больше зреют условия для решающих столкновений с капиталом. Темп этого роста неравномерен,— тут возможны и неизбежны и известные кон'юнктурные замедления,— он распределяется неравномерно на различных участках мировой борьбы, и такая всемирно-историческая подготовка к решающему перевороту всего векового исторического развития и не может проходить иначе. Буржуазия и социал-фашизм терпят жестокое фиаско по всем решаю-

ным линиям: разговоры о пацифизме, о «мире для мира» сопровождаются бешеным ростом военной опасности; на политику мира в промышленности, т.-е. на попытку принудить пролетариат к безропотной и все растущей и самой беспощадной эксплоатации рабочий класс отвечает все большим отпором, все лучшей революционной организацией своих рядов; на попытки раздавить национальное революционное движение рабоче-крестьянские массы колоний и полуколоний отвечают новой и самостоятельной организацией революционно-освободительного движения; на политику окружения СССР, принуждения его к капитуляции, политику его капиталистического перерождения рабоче-крестьянские массы Союза отвечают мощным трудовым под'емом для дела социалистической перестройки страны, для вырывания из ее почвы всех побегов и оставшихся корней капитализма.

Наконец, потерпели фиаско надежды буржуазии и социал-фашизма на закат Коминтерна, на отрыв коммунистической партии от масс рабочего класса. Коминтерн за последние годы вырос, его ряды прошли процесс дальнейшей консолидации. Фашизация с.-д., контрреволюционное перерождение троцкизма, социал-демократическое ренегатство правых показывают, что класс действительно становится против класса, что вне коммунизма нет никакой другой, даже оппозиционной силы капитализму. Это показывает вместе с тем, что Коммунистический Интернационал стал и становится действительно авангардом к л а с с а в его борьбе за свержение капитализма, за пролетарскую диктатуру. Это показывает дальнейшую и быструю поляризацию классовых отношений.

Как раз обратной стороной этого процесса и является фашизация социал-демократии.

Вопреки утверждениям правых о том, что современная социал-демократия ничем существенным не отличается от с.-д. 4 августа, вопреки утверждениям правых и примиренцев, что левые с.-д. представляют какое-то существенно оппозиционное течение, «реформизм» (т.-е. реакционный реформизм) проделал значительнейшую эволюцию не только до VI конгресса, но и после него за истекший после конгресса год. Дело, разумеется, не в том, что не изменилась классовая сущность реформизма, как пытаются ставить вопрос правые, а в том, что—в с в я з и с развитием и обострением всего кризиса капитализма, в связи с обострением классовых противоречий, нарастающим новым революционным под'емом в рабочем классе, ростом военной опасности, ростом влияния Коммунистического Интернационала, утерей влияния с.-д. в рабочих массах—изменились соотношения и отношения двух основных классов современного общества и п о э т о м у изменилась существенно п о л и т и к а и ф у н к ц и я, а в связи с этим несколько и сама социал-демократия. Постановка правыми и примиренцами вопроса о социал-демократии показывает именно, что они не хотят и не видят вот этого развития кризиса капитализма. Не видеть существенной разницы между рабочей партией и реформистскими профсоюзами в 1924—1925 году, времени всеобщей забастовки, времени Англо-русского комитета с тогдашними Перселями, Хиксами, Ленсбери, Куками и рабочей партией сегодня, проводящей активно политику «промышленного мира», политику рационализации, политику агрессивного империализма и милитаризма, политику, ничем существенным не отличающуюся ни от программы либералов, ни от программы консерваторов, не видеть известной разницы между социал-демократией 2—3 года назад и американизирующейся социал-демократией, уничтожающей все остатки демократии во всей своей деятельности и организациях, социал-демократией, активно организующей и участвующей в подготовке войны и особенно войны против СССР, строящей броненосцы, вносящей законы о военизации всего населения, для которой война и ее организация будет не какой-то неожиданностью, а активно подготовляемым контрреволюционным империалистическим делом, не видеть, наконец, еще д а л ь н е й ш е й эволюции социал-демократии после VI конгресса, когда на Магдебургском конгрессе влиятельнейшей партии II Интернационала ее вожди после майского расстрела мирной демонстрации рабочих заявляют, что если нужно будет в борьбе против рабочего класса и коммунизма, то они — с.-д. — вместе с профсоюзами «прибегнут к методам диктатуры», когда открытая фашистки-буржуазная диктатура становится новой п р о г р а м м о й с.-д. — не видеть всей этой эволюции международного «реформизма» можно лишь при одном условии — е с л и с а м о м у с к а т ы в а т ь с я о т к о м м у н и з м а к с о ц и а л - д е м о к р а т и и, с о ц и а л - ф а ш и з м у в о в с е х о с н о в н ы х в о п р о с а х к л а с с о в о й б о р ь б ы п р о л е т а р и а т а и о ц е н к и м е ж д у н а р о д н о г о п о л о ж е н и я.

Классовая сущность буржуазного государства точно так же не меняется: оно было органом классового господства и до империалистической войны, и во время ее, и во все последовавшие два периода кризиса капитализма и в наступивший третий период. Оно является органом классового господства буржуазии, ее диктатуры и в Германии, и в Англии, и в Японии, и в Америке, и в Италии, и в Польше. Однако, мог бы отрицать существеннейшую эволюцию этого государства, существенную разницу в этом вопросе в разные времена и в разных странах только тот, кто сам эволюционировал бы параллельно с этим государством. А фашистская эволюция этого государства и есть функция развития и обострения кризиса капитвлизма, а фашистская эволюция международного реформизма и есть функция развития и обострения того же кризиса капитализма и фашизации буржуазного государства.

Социал-демократия и до войны была по существу лишь партией реформ и классовой борьбы в рамках капитализма. После 4 августа социал-оппортунизм перерос в социал-шовинизм. После войны и с началом пролетарских революций социал-демократия играла роль контрреволюции. Во «второй период» она начала быстрей развиваться к социал-империализму. Уже до VI конгресса в связи с обострением противоречий капиталистической стабилизации и развитием тенденций с своеобразному госкапитализму, т е н д е н ц и й, с в я з а н н ы х п р е ж д е в с е г о с о б о с т р е н и е м к р и з и с а к а п и т а л и з м а, в ней начали проявляться фашистские тенденции. После VI конгресса социал-демократия начала быстро о ф о р м л я т ь с я в социал-фашистскую партию. Роль международной социал-демократии в майские дни, берлинские расстрелы, Магдебургский с'езд—были поворотным этапом на этом

пути. Не только война и революция, но и всякое классовое выступление пролетариата ни сейчас, ни в будущем не застанут социал-демократию врасплох, они встретят ее с готовой и оформленной контрреволюционной, фашистской и империалистической «программой действий» и организацией. Эволюцию, которую проделала социал-демократия в отношении капитализма, проделала примерно и «левая» с.-д. в отношении «правой» социал-демократии.

В повседневной классовой борьбе пролетариата во всех уголках капиталистической земли заметно и незаметно, в разных формах и размерах растут идеологические и политические баррикады нарастающей конечной борьбы. Все мало-мальски существенные грани в лагере контрреволюции стерлись и стираются. Словесные различия рассыпаются и отбрасываются, как ненужная шелуха. Кто не видит этого, тот этим самым показывает, что незаметно, но верно сам скатывается по ту сторону баррикад.

Было бы совершенно не ленинским представлением думать, что все это международное развитие совершается и идет по какой-то прямой линии, равномерно по странам и в разные периоды. Это совершенно не так. Правда, чем дальше, тем все меньше возможности у капитализма в разных странах и в разные периоды не задержать, но хотя бы несколько смягчить это обострение классовых противоречий, маневрировать, смягчить процесс все растущего переплетения и перерастания экономической борьбы рабочего класса в политическую, переплетения экономической и политической борьбы с элементами революционной и гражданской войны, с элементами войн и революций национальных, с все растущей руководящей революционной ролью СССР. Но эти возможности есть, они далеко не исчерпаны, большинство рабочего класса идет еще не за комунизмом, и завоевание масс, завоевание — но революционное, для пролетарской революции — большинства решающих слоев пролетариата остается первейшей и главнейшей задачей, определяющей всю нашу повседневную работу и тактику.

Поэтому такое новое и несравненно более важное политическое значение приобретают проблемы организации наших партий. Отсюда огромное новое значение проблем профсоюзной тактики, которые будут в центре внимания пленума ИККИ.

Победа рабочей партии в Англии не меняет этой международной обстановки. Выборы в Англии показали полевение рабочего класса. Это выявилось в разных формах, отражая разные ступени этого процесса. Начало несомненно массового революционизирования и радикализации пролетарского движения обнаружилось в десятках тысяч голосов, собранных компартией при тактике «класс против класса», по существу в каких-нибудь десяти—пятнадцати округах из 615. Удельный вес этих голосов несравненно больше, чем при прочих выборах. Эти голоса были голосами почти безоговорочно за диктатуру пролетариата. Полевение масс сказалось в большом поражении консервативной партии. Массы избирателей отходили от откровенно-консервативной капиталистической политики. Часть из них с преобладанием

мелкой буржуазии и буржуазии отошла к либералам. Часть с преобладанием пролетарских элементов отошла к рабочей партии. Здесь процесс значительно сложнее. Здесь есть и недовольство консервативно-капиталистической политикой, но не капиталистической политикой вообще. Здесь есть и недовольство капиталистической политикой, но еще не капитализмом. Здесь есть желание свергнуть во что бы то ни стало консерваторов и поэтому голосовать за рабочую партию. Здесь есть и усталость, депрессия надеющихся получить от рабочей партии хотя бы какую-нибудь передышку. Здесь есть и желание в последний раз испытать рабочую партию. Наконец, здесь есть большая масса элементов рабочей аристократии, которые голосуют против всеобщей стачки, за «промышленный мир», за мондизм. Рабочее правительство есть, прежде всего, правительство рационализации, «классового мира», т.-е., как показал уже исторический опыт, его период правления будет периодом роста экономической борьбы рабочего класса, периодом ускоренного обострения классовой борьбы в Англии, периодом обостренной организации английского реформизма. Совершенно неправильно говорить сейчас в связи с приходом к власти рабочей партии о какой-то новой демократически-пацифистской эре. Это значит обнаруживать непонимание радикального отличия теперешнего периода от 1924 года. Тогда был период после поражения революционного под'ема 1923 года, период начинающейся стабилизации капитализма, период «оппозиционного» реформизма, период начала большевизации коммунистических партий. Сейчас период расшатывающейся стабилизации капитализма, роста и обострения международных и внутренних противоречий капитализма, огромного социалистического роста СССР, фашизации с.-д. и утери ею влияния в рабочих массах, перехода рабочего класса в контр-наступление. Сейчас реформистские партии есть полностью партии классовой борьбы против пролетариата, есть партии активной подготовки и организации империалистической войны, войны против СССР, прежде всего войны против колониальных народов. И говорить о демократически-пацифистской даже хилой эре сейчас это значит поставить все на голову. Это могут делать лишь оппортунисты. Это, разумеется, не означает, что совершенно нет почвы для пацифистских иллюзий. Наоборот, почва есть, и сеятели пацифизма на этой почве тоже есть, и именно в связи с этим надо сейчас еще больше усилить борьбу и разоблачение «левой» социал-демократии, этого главного орудия обмана рабочих масс, торможения их отхода от социал-фашизма, их перехода к коммунизму. И это еще больше подчеркивает необходимость усиления борьбы против правой опасности, разоблачения правых ренегатов, ликвидации примиренчества.

Но обострение классовых противоречий меняет и формы и методы классовой борьбы. Одно дело элементарная форма экономической борьбы, другое дело экономическая борьба, перерастающая в политическую, экономические стачки, перерастающие в стачки политические, политическая борьба, перерастающая в революционную, и, наконец, революционная борьба в обстановке непосредственно революционной ситуации, перерастающая в восстание. Обострение и напряженность классовых противоречий в третий период именно таковы классовая борьба все время настолько близко вращается во-

крут революционного пункта обострения противоречий, что она в *повседневном* своем развитии не может удержаться в рамках экономической борьбы, она перерастает в политическую, насыщается революционными элементами, перерастает иногда и кое-где или сочетается в той или иной мере с революционным столкновением. Именно *этим — повседневной напряженностью* — характерна классовая борьба в третий период, и *это* ставит перед компартиями проблему политической массовой забастовки, как решающую проблему для ближайшего периодв. Компартия не может избежать, она должна возглавить эти все более высокие формы классовой борьбы пролетариата, виосить больше единства в распыленные зкономические выступления рабочего класса, проводить широкую мобилизацню пролетарских масс, быстро увеличивать их политический опыт, подводя их к непосредственной борьбе за диктатуру пролетарната.

Только правильно понимая весь зтот ход борьбы рабочего класса, можно разрешать стержневую задачу междуиародного пролетариата, задачу, постоянно подчинениую проблеме завоевания власти, задачу борьбы против военной опасности. Примиренческие элемеиты любят иногда ужасно щегольнуть, особенно примиренцы в ВКП(б), выпиранием проблемы военной опасности на первый план, как будто в этом состоит основное откровение для ленинца в эпоху войн и революций. Но достаточио ближе присмотреться к этому ужасно теоретически обоснованиому выпиранию военной опасности, чтобы увидеть и всю его фальшь и всю его иесостоятельность, увидеть за всем этим довольно прозрачно выглядывающие оппортунистические уши. *Нельзя* по революционному ставить вопрос о борьбе с военной опасностью при оппортунистической оцеике стабилизации, оппортунистической постановке вопроса о внутренних и внешиих противоречиях империализма, оппортунистическом понимании роли и тактикн компартии в современиой классовой борьбе. В то время как Коммунистический Интериационал, ставя вопрос о военной опасности, как задвче стержиевой, но подчинениой проблеме завоевания власти, т.-е. свержению квпитализма и установлению диктатуры пролетариата, и потому своим острием напрввленной против СССР, дает ленинскую устаиовку в этом вопросе, увязывает неразрывно вопрос о борьбе против войны с повседневиой и конечной обостряющейся *классовой борьбой* пролетариата, борьбой, в которой пролетариат переходит в контрнаступлеиие и, таким образом подготовляя и подводя пролетариат к проблеме борьбы за власть, за диктатуру пролетариата, *оргвиизует* действительную борьбу против военной опасиости, — примиренческие крикуны в этом вопросе по самому существу своей позицин по международным вопросам и в вопросах тактики компартии *ие могут* стввить вопрос и ставить правильно вообще об обострении военной опасности против СССР и итти дальше чисто пропагандистской и по существу пацифистской постаиовки вопроса, с которой у них тесно увязано пассивное выжидание революции. Ленинская борьба против военной опасности мыслима лишь при повседневной революционной оргаиизацни пролетариата под *самостоятельным* руководством компартии.

Прошедший со времени VI конгресса период был столь же напряженным и для развития наших партий. Развитие классовой борьбы требовало весьма

быстрой перестройки иаших партий для возглавления этой борьбы. Установка VI конгресса о борьбе против правой опасности как главной линии во внутрипартийной борьбе, увязанная с оценкой классовой международной ситуацни, оказалась совершенно правильной. Развернувшаяся борьба пролетариата показала, что без этого наши партии не справились бы со своими задачами, что без твердого проведения курса на борьбу против правой опасности, очищеиия Коминтерна от правых элементов, беспощадного преодоления прнмиренчества силы международной революции весьма далеки были бы от того укрепления, которое мы имеем сейчас. Выступления правых и примиренцев в Германии в связи с делом Витторфа, выступления правых в Чехо-Словакни в связи со стачкой текстильщиков. Оценка правыми н примиренцами положения американского капитализма и вся их линия в АКП (Пеппер—Ловстон), позиция правых и примиренцев в ВКП(б) по вопросам об индустривлизации страны, социалистической реконструкции с.-х., классовой борьбе и в проблемах Коминтерна, поведение примиренцев в Коминтерне в связи с этими выступлениямн показалн, куда привела бы политика примиренчества в отношенни к правым, политика нерешительности в отношении примиренцев, если бы оиа имела руководящее влияние в Коминтерне. Такая политика в лучшем случае привела бы на значительное время к весьма существенному ослабленню Коммунистического Интернационала, разводнению его социал-демократическими элементами, к значительному задержанию развития и темпа развнтия пролетарской революции. Только благодаря твердому проведению линии VI конгресса вопреки и против правых и примиренцев Коммунистический Интернационал укрепил свои ряды, возглавив борьбу рабочего класса, вскрыл в своих рядах *в ходе развертывающихся классовых* боев оппортунистические элементы и гниль, игравшие в этих боях штрейкбрехерскую роль, и очистился от них, ведя решительную лнннию на преодоление примиренцев, занявших место правых и защищающих их политику внутри Коминтерна. Как раз развитие последнего времени выдвигает в этой борьбе против правых и примиренцев новые задачн, подчеркивающие всю необходимость дальнейшего вскрывания право-оппортунистических злементов в наших партиях. Развертывание социалнстической реконструкцни в СССР, развертывание классовой борьбы в капиталистических странах выдвнули в ВКП, как и в других секциях КИ, вопрос о борьбе с правой опасностью *и на практике*. В партиях, в партийных кадрах есть еще много элементов, которые, принимая все ортодоксальные резолюции, вместе с тем в практической повседневной работе не проводят, не способны их проводить, не хотят этого делать и образуют резерв правой опасиости в Коммунистическом Интернационале. Ликвидация правой опасности и в этой форме становится также одной из *важнейших* задач. Перестройка наших партий к новым задачам отнюдь не закончена. Проблема кадров для руководства выполнением этих задач отнюдь еще не разрешена. Развитие классовой борьбы каждый день выдвигает новые задачи, требующие большей революционной мобилизации, большей четкости, большего развития массовой самокритики н виутрипвртийной демократии прн железной революционной дисциплине. Разрешить надвигающиеся задачи несравненно трудней, они еще

грандиозней, они потребуют в 10 крат больше революционного напряжения наших партий. Борьба против правой опасности и примиренчества отнюдь не закончена. В этой борьбе каждый день встают новые задачи, новые трудности, выдвигаются новые методы. Беспощадная борьба против правых и примиренцев, как и до сих пор, остается главнейшим внутрипартийным условием для разрешения задач социалнстического наступления в СССР, контрнаступления и революционного под'ема пролетариата на Западе и Востоке. Ннкакнх послаблений тут быть не может.

Наибольшую опасность для компартий сейчас представляет возможность отставания их от темпа развития массового революционного движения. Поэтому борьба против оппортунистнческого хвостизма остается главнейшим условием способности компартий выполнить свою роль авангарда рабочего движения, ведущего рабочий класс к новым боям и победам.

X пленум ИККИ даст революционное, ленинское разрешение этим жгучим вопросам. Он станет этапом на пути дальнейшей мобилнзации н подготовки рабочего класса к решающим боям, к дальнейшему и ускоренному расшатыванию капиталистической стабилизации растущей классовой борьбой, за большевистский ленинскнй путь разрешения исторического вопроса о войне и революции.

В. Ульбрихт.

Проблемы политики КПГ.

В связи с работой и решениями партс'езда КПГ важно выделить некоторые вопросы, нмеющие особо важное значение для политики Коминтерна.

1. О характере нынешних боев. К началу 3-го периода в Германии стала нарастать волна экономических стачек. Начав с частичных стачек на отдельных предприятиях, движения стали расти и превращаться в широкие экономические движения и стачечные движения, на которые предприниматели зачастую отвечали локаутом. После того, как кон'юнктура в Германии перевалила через кульмннационный пункт, с конца 1928 г. стало наблюдаться частичное снижение кон'юнктуры; экономические бои в более широкой мере стали приобретать политический характер.

Со времени рурской борьбы экономические и политические бои проходят под знаком концентрации сил классовым врагом при одновременном формировании пролетарского классового фронта под руководством КПГ. Бои носят характер встречных боев, и частично рабочие переходят в наступление.

Буржуазия больше прежнего применяет фашистские методы, стараясь разгромить организованные силы рабочего класса, чтобы помешать борьбе пролетариата и подавить эту борьбу. Рабочие массы все больше н больше начннают понимать, что требования пролетарната осуществлять приходится не только в борьбе с предпринимательской организацией, но и в борьбе с капиталистической государственной властью и социал-фашистами. В обстановке политического гнета со стороны государственной власти, орудующей в интересах буржуазии, стремящейся снизить до голодного уровень жизни пролетариата, последний тоже начинает применять высшие формы борьбы. Проведение организованных демонстраций наперекор полицейскому террору, применение орудия политической массовой стачки, баррикадная борьба во время первомайских боев в Берлине, принятие самооборонительных мер партизанообразного характера пред лицом полнцейской атаки,—все это свидетельствует об ускоренном темпе обострения классовой борьбы в Германии. Политические массовые стачечные движения, развернутые теми или иными частями пролетариата в Берлине и других важных промышленных округах после 1 мая, служат сигналом не только для германского пролетариата, но и для рабочих всех стран. Орудие политической стачки в настоящее время становится важнейшим орудием рабочего класса в борьбе против господства трестов и соц.-фашизма. Эти политические массовые стачечные движения вначале носили характер частичных стачек. Слои пролетариата, обладающие сравнительно крупным опытом борьбы и сравннтельно благоприятнымн предпосылками для борьбы, первыми вступили в борьбу. Но это залог того, что в грядущих боях все в большей и в большей мере будут участвовать рабочие решающих крупных предприятий командных отраслей промышленности. На ряду с этим широкая международная кампания солидарности, в связи с уличной борьбой н стачечным движением в майские дни,

свидетельствует о росте классового сознания и боеспособности международного пролетариата.

2. *Проблема социал-фашизма*. По мере того, как капиталистическая стабилизация шатается и загнивает, а классовая борьба обостряется, капиталистическая государственная власть все в большей и в большей мере прибегает к непосредственному вмешательству в экономические и политические вопросы, она расширяет свои полномочия на благо финансовому капиталу и в интересах всех капиталистических сил, вместе взятых. Это находит свое выражение во все более и более тесном сращивании государственного аппарата и предпринимательских организаций и во включении социал-демократического и реформистского аппарата в капиталистический государственный аппарат.

Фашизация капиталистического государства сказывается в централизации капиталистической государственной власти, в борьбе за единое государство, руководить которым финансовому капиталу легче, чем децентрализованным государственным аппаратом; сказывается она и в урезывании избирательного права, в отмене парламентаризма, в изменении уголовного уложения, в издании закона о коалиции, с помощью которого пытаются ликвидировать все некапиталистические рабочие организации, в усилении армии и полиции, усиленном применении арбитража, в отказе от социальной политики при одновременном непосредственном перевалировании социально-политических тягот на пролетариат. Эта фашизация государства происходит в Германии шаг за шагом «легальным путем», при руководящем участии соц.-демократии. Специфическая роль соц.-демократии в настоящее время заключается в проведении этого процесса фашизации, так как эти рабочие предатели обладают наибольшим опытом в деле подавления рабочего класса и лучше других умеют маскировать фашизацию республиканскими фразами.

В связи с фашизацией государственной власти социал-демократия и реформистская профсоюзная бюрократия сами эволюционируют в сторону соц.-фашизма. Коалиционная политика и политика так наз. хозяйственной демократии (сотрудничество с представителями предпринимателей в частно-правовых и государственно-экономических органах) суть вехи по пути к соц.-фашизму. *Внутри соц.-демократии выражением этого развития служит «политика народного единения» на империалистической основе, программа диктатуры под руководством соц.-демократии, мира в промышленности, уничтожения всех рабочих движений и рабочих организаций, ведущих борьбу против капитализма. Эволюция в сторону социал-фашизма* ярче всего сказывается в сращивании с государственным аппаратом, в руководящем сотрудничестве соц.-демократов при реорганизации, т.-е. усилении капиталистической государственной власти, в тенденции к превращению рабочих массовых организаций в организации буржуазные,— орудие капиталистической, экономической и государственной политики. Не случайно Зеверинги, Гржезинские и К° применяют фашистские методы в борьбе с коммунистической партией, рабочими демонстрациями и проч., а профсоюзная бюрократия—в борьбе с профсоюзной членской массой. Фашизация сказывается затем и в сращивании буржуазных и соц.-демократических военных организаций с военными силами государства, в применении сообща насильственных мер—реформистами и государством в отношении бастующих рабочих, в сотрудничестве Стального Шлема и Имперского Флага, в организации подвижных отрядов велосипедных команд для подавления революционных рабочих.

Такое изменение роли соц.-демократии влечет за собой изменение социального *состава* этой партии. Рабочие все в большей и в большей мере

эту партию покидают (убыль голосов у соц.-демократии на выборах фабзавкомов и на парламентских выборах). По мере сращивания соц.-демократии с госаппаратом растет и удельный вес бюрократии. Прогрессирующая коррупция социал-демократических функционеров, обусловленная возложением на них (или перспективой возложения) государственных или иных бюрократических функций, ускоряет развитие по пути к соц.-фашизму.

Эта эволюция реформизма и соц.-демократии в сторону соц.-фашизма неизбежно требует поворота в применении нами тактики единого фронта и в профсоюзной работе.

3. *О применении тактики единого фронта*. В борьбе за руководящую роль в рабочем движении решающее значение приобретает большевистское применение тактики единого фронта. Во второй период тактика единого фронта применялась в первую очередь в рабочих массовых организациях. Коммунистические фракции и революционная оппозиция пытались расшевелить рабочие массы *в рамках самой организации*, чтобы они *организованно* выносили боевые решения. При удушении движения реформистами делались попытки дать дальнейший толчок движению. Воздействие на неорганизованных и завоевание их происходило преимущественно *через голову профсоюзов* и друг. массовых рабочих организаций. Функциональные изменения в реформизме, отмена профсоюзной демократии, рост влияния коммунистической партии на рабочие массы, активная, стимулирующая движение роль неорганизованных в переживаемый период нарастания революционного вала, необходимость формирования пролетарского классового фронта в противовес классовому фронту трестовского капитала, государственной власти и реформизма,—все это потребовало изменения форм и методов тактики единого фронта. Тактика единого фронта должна применяться *исключительно снизу*, как средство мобилизации и организации масс. Разоблачение реформизма не может происходить путем каких-либо обращений к реформистским руководящим органам, а должно происходить путем организации борьбы. Во времена, когда реформисты открыто переходят на сторону классового врага и явно проводят свою штрейкбрехерскую политику, надлежащим методом борьбы с реформизмом является самостоятельная организация пролетарской борьбы в целях прорыва реформистской штрейкбрехерской политики. Сообразно этому в текущий период *основной формой применения тактики единого фронта служит образование революционных боевых органов*, начиная с предприятий. В последнее время партия прибегает к созыву *рабочих делегатских конференций* при подготовке и проведении движений. Делегаты избираются на заводских собраниях; на конференциях они намечают лозунги и тактику и, в зависимости от степени развития движения, избирают комитет для подготовки борьбы или комитет борьбы. Эти делегатские конференции являются важным средством мобилизации масс во время подготовки движения; их численность, их состав и существо прений служат сравнительно надежным критерием степени развития движения. На ряду с этим такие делегатские конференции дают наилучшую возможность максимального поднятия боеспособности рабочих, путем коллективного обсуждения и вынесения решения. Комитеты борьбы, избираемые на таких конференциях, пользуются гораздо большим авторитетом, чем те комитеты, которые образуются на основе соглашений между фабзавкомами нескольких предприятий или иным путем.

На ряду с образованием комитетов борьбы проведение *выборов в фабзавкомы* в Германии тоже служит образцом применения тактики единого фронта. Приняв меры к устранению трещины между организованными и неорганизованными рабочими, путем мобилизации всего заводского рабочего коллектива на основе пролетарской демократии, постаравшись привлечь

массы к обсуждению и ответственности за составление списков, партия этим самым активизировала их, создав более широкий массовый фронт против реформизма. При выборах фабзавкомов необходимо путем создания избирательных комитетов по выборам в фабзавкомы привлекать наиболее активных рабочих к подготовке выборов в фабзавкомы. Эта тактика в процессе подготовки боев пролетариата и при выборах в фабзавкомы наглядно показывает все более и более широким рабочим массам, что коммунистическая партия есть единственная рабочая партия и что только она ведет борьбу за классовое единство пролетариата.

Вышеназванные боевые органы в настоящее время носят характер лишь временных органов. Они не заменяют собою рабочих массовых организаций. Историческое значение этих боевых органов в том, что с их помощью рабочие массы усваивают боевой опыт, который делает их способными в остро-революционный период под руководством коммунистической партии образовать постоянные боевые органы и органы власти—советы.

Таким образом, применение такой тактики единого фронта имеет в виду самостоятельную организацию борьбы и изоляцию социал-демократии и профсоюзной бюрократии. Дело в том, чтобы охватить те широкие круги беспартийных рабочих и те рабочие массы, которые до сих пор на выборах голосовали за соц.-демократию. Поскольку мы вместе с частью организованных рабочих и с более широкими массами беспартийных и неорганизованных рабочих формируем самостоятельный пролетарский боевой фронт, перед массами, сочувствующими реформистской профбюрократии или соц.-демократии, ясно встанет вопрос, какой классовый фронт угодно им выбрать. Организация самостоятельной борьбы, опираясь на определенные части рабочего класса, есть предпосылка для отрыва больших рабочих масс от соц.-демократии.

4. Борьба с полицейским террором. Чем больше обостряются капиталистические противоречия, чем больше растет массовое влияние компартии, тем резче становятся применяемые капиталистической властью меры политического угнетения рабочего класса. Организованную силу рабочего класса всеми средствами стараются разгромить. Этой цели служит в настоящее время в первую очередь воспрещение рабочих массовых демонстраций. Берлинские первомайские бои показали, как можно проводить массовые демонстрации вопреки полицейскому террору; для этого необходимо наличие двух предпосылок: во-первых, основательная агитационная и пропагандистская подготовка на предприятиях и в жилых кварталах, чтобы в демонстрации приняли участие подлинно широкие массы, и, во-вторых, хорошая внутренняя организация демонстрации. Оба эти условия могут быть лучше всего выполнены, если демонстрации будут иметь отправным пунктом предприятия и если в период подготовки на основе предприятий будут образованы пролетарские органы самообороны, в качестве органов единого фронта, для придания демонстрации политического характера, создания внутренней организационной спайки демонстрантов и для обеспечения некоторой маневренной способности в виду мер, принимаемых полицией. Отчеты о происходивших за последнее время демонстрациях единогласно свидетельствуют о том, что полиция наносила самые свирепые удары демонстрантам там, где рабочие меньше всего оказывали организованное сопротивление. Как только полиции удавалось распылить демонстрацию, атаки ее усиливались. Итак, в первую очередь необходимо, чтобы организованные кадры заботились о внутренней сплоченности демонстрантов и препятствовали бы распылению демонстрации маневрами шпиков и использованием несознательных элементов. В этих массовых выступлениях рабочие будут неизбежно прибегать к мерам самообороны, в виду полицейского террора, чтобы по крайней мере ослабить свободу движения и наступательную силу полиции. Таким средством служат препятствия, воздвигаемые на путях сообщения и затрудняющие движение автомобилей, порча полицейских автомобилей, постройка баррикад и пр. При нынешней ситуации такие меры носят партизанообразный характер. Эти боевые меры, принимаемые рабочими против полиции, поднимают боеспособность рабочих, деморализуют противника и внедряют в сознание широких масс тот факт, что полиция не непобедима.

5. Фабзавкомы и революционный делегатский корпус на предприятии. Успехи коммунистической партии на выборах фабзавкомов свидетельствуют о росте в массах сочувствия нашей партии и Коминтерну. Важнейшая задача — претворить эти симпатии в революционное дело. По существу это зависит от того, насколько фабзавкомы под руководством ком'ячеек сумеют вести на предприятиях борьбу за ближайшие требования рабочих, освещать тысячи мелких вопросов заводского характера под углом зрения общей классовой борьбы с капиталистическим строем, поднимать уровень классового сознания рабочих и вовлекать их в политическую борьбу. В целях воспитания фабзавкомов и выполнения этих задач на предприятии необходимо регулярно устраивать конференции фабзавкомов и избирать руководящие органы (комитеты фабзавкомов). Результаты выборов фабзавкомов наглядно иллюстрировали соц.-демократии и реформистской бюрократии опасность изолирования от рабочих масс. Теперь они принимают все меры к тому, чтобы образовать на предприятиях профсоюзный делегатский корпус и очистить его от оппозиционных рабочих, дабы иметь возможность вести снизу борьбу против революционных фабзавкомов и против коммунистического влияния на предприятиях. В ответ на непризнание реформистами оппозиционных рабочих профсоюзными функционерами и назначение реформистских функционеров коммунисты и все революционные рабочие должны избирать революционных делегатов по всем цехам предприятия. Таким образом, друг другу будут противостоять делегаты реформистской бюрократии и делегаты, избранные рабочими. Проблема создания революционного делегатского корпуса не нова. Последние годы в горной промышленности, где профсоюзная демократия была уничтожена раньше всего и беспощаднее всего, делались попытки образования такого делегатского корпуса. Но это удавалось лишь в незначительной мере. Только теперь, после успехов на выборах фабзавкомов и в результате дальнейшей эволюции реформизма в сторону социал-фашизма, проблема организации революционного делегатского корпуса все более и более усваивается рабочими массами.

6. Наша работа в профсоюзах. По мере сращивания профсоюзного аппарата с экономическим и политическим аппаратом государства, по мере уничтожения профсоюзной демократии и роста удельного веса профсоюзной бюрократии, должна несколько видоизменяться и наша работа в профсоюзах. В прежнее время мы, работая в профсоюзных организациях, старались в рамках профсоюзов толкнуть членскую массу на борьбу, а при попытках удушения движения продолжать борьбу и вопреки воле профсоюзного правления. Раньше мы вели общую вербовочную работу по привлечению в профсоюзы, потому что мы имели возможность—на профсоюзных собраниях, в профсоюзном активе и пр.—отстаивать нашу оппозиционную точку зрения, хотя и с помехами, и вербовать рабочих на сторону профсоюзной оппозиции. Ныне реформистские профсоюзы превратились в органы капиталистической экономической политики, их задача заключается в отстаивании общих капиталистических экономических интересов перед требованиями рабочих. Эта задача осуществляется путем коалиционной политики,

арбитража и сотрудничества с предпринимателями в экономических органах. При таких условиях уставы и постановления профсоюзных инстанций есть не что иное, как перенесение законов капиталистического государства на рабочие организации. Борьба рабочих за улучшение условий существования должна в силу этого вестись не только наперекор решениям арбитражных инстанций, но и наперекор решениям реформистской бюрократии. Основная задача в настоящее время заключается в том, чтобы усиливать работу в профсоюзах, вербуя профсоюзную членскую массу на сторону самостоятельного развертывания борьбы и преодоления профсоюзной законности. Такая профсоюзная работа должна расстроить реформистскую штрейкбрехерскую политику. Вербовка в профсоюзы тоже должна служить исключительно цели усиления революционной оппозиции. Раньше работа профсоюзной оппозиции в значительной мере велась на заседаниях профсоюзных правлений, на профсоюзных собраниях и иных профсоюзных выступлениях. Наша профсоюзная работа протекала в рамках профсоюза. Уничтожение профсоюзной демократии, снятие с постов многих профсоюзных функционеров-коммунистов и задача организации борьбы на предприятиях заставили видоизменить метод нашей профработы. Хотя и сейчас необходимо улучшить нашу работу на профсоюзном собрании и об'единять оппозиционно-настроенных членов профсоюзов, однако, центр тяжести в деле вербовки профсоюзных членов должен быть перенесен на предприятия. Главная работа возлагается на ком'ячейки. В связи со всеми этими изменениями профработа нашей партии стала делом партии в целом. Наконец-то дело обстоит так, что парткомы и все парторганы считают организацию экономических боев и профработу важнейшей частью своей политической работы.

В ответ на успешную борьбу КПГ с соц.-фашизмом реформистская бюрократия прибегает к массовым исключениям коммунистических функционеров и целых организаций. В противовес этому профсоюзная оппозиция, в связи с борьбой за ближайшие требования рабочих, мобилизует не только организованные, но и неорганизованные рабочие массы против реформистской политики раскола. Борьба против диктатуры соц.-фашистской бюрократии ведется на заводских собраниях, профсоюзных собраниях, путем сбора подписей, путем бойкота реформистских эмиссаров, путем непризнания исключений и снятия функционеров. В некоторых случаях бюрократия прибегает к исключению таких организаций, где в активе преобладает оппозиция, ведущая за собою массы членов. Оппозиция отвечала на это созданием соответствующей партийной организации, энергичной работой по вовлечению еще неорганизованных рабочих в сферу деятельности соответствующей организации и борьбой за восстановление ее в профсоюзе.

Ем. Ярославский.

Под знаком развертывания борьбы.

(Итоги 2-го с'езда воинствующих безбожников).

Закончившийся недавно второй с'езд безбожников подвел итоги большой полосе работы. С'езд этот показал, что мы с полным основанием считали предыдущий период работы периодом организационного и идеологического разброда, шатаний, нащупывания и выработки правильных методов работы. Этот с'езд подвел итоги большой полосе работы, которая должна была создать первые кадры безбожников и на опыте и практике показать ценность и правильность марксистского ленинского подхода к религии.

Это было тем более необходимо, что у нас с начала революции не было никакого серьезного опыта в этой борьбе. С одной стороны, у нас был опыт борьбы с поповщиной в Великую Французскую Революцию, но этот опыт происходил в иной исторической обстановке, когда действовали другие классы общества и ставились иные цели, чем в советском государстве. Другой опыт — опыт антиклерикальной борьбы западно-европейских капиталистических стран. Но и этот опыт не затрагивает большей частью существенных основ религии. Самые «радикальные» постановки вопроса о борьбе с религией у социал-демократов, у партий II Интернационала мирились и мирятся с тем, что в рядах этих партий благополучно подвизаются попы, получающие свободу религиозной пропаганды даже в рядах членов партии, ибо эти партии II Интернационала понимают дело так, что религия это частное дело даже для члена партии. Мы не говорим уже, что речь идет не только о терпимости по отношению к религиозной поповской пропаганде в рядах западно-европейских и иных «социалистических» партий. Речь идет о том, что сами «социалистические» партии вступают теперь в союз с поповщиной. Германский социал-демократ Отто Браун подписывает соглашение с папой, которое дает еще больше средств потомкам средневековых инквизиторов для духовного закрепощения рабочих масс, ибо это духовное закрепощение является необходимым для того, чтобы капитализм мог и физически закрепостить массы. Германские социал-демократы (и не только германские) состязаются с буржуазными партиями на выборах в церковные советы. Дальше итти некуда. Как исказили и фальсифицировали социал-демократы даже собственные лозунги и принципы партии, которых они некогда придерживались! Когда сейчас читаешь то, что писали Маркс и Энгельс о религии, то, что писал Иосиф Гицген, то, что говорили все время такие старые социал-демократы, как Либкнехт и Август Бебель, становится особенно ясным, что у нынешних социал-демократов нет ничего общего с теми революционными социал-демократами, которые в конце XIX столетия боролись за организацию классового об'единения рабочих.

Второй с'езд безбожников является несомненно серьезным показателем роста безбожия в стране пролетарской диктатуры. Правда, рост этот еще совершенно недостаточен и правильно поступил с'езд, что он вопрос о создании массового союза безбожников поста-

вил как один из важнейших вопросов, как насущную очередную задачу. Но факт тот, что мы смогли собрать около тысячи (956) делегатов от местных организаций, из которых рабочих с производства и бывших рабочих было 319, а крестьян, занятых в сельском хозяйстве, 108. Примерно половину этого с'езда составляли беспартийные. Это значит, что мы имеем уже беспартийный актив безбожников.

Дело идеологической борьбы с религией, конечно, прежде всего дело коммунистической партии и комсомола. Но нелепо было бы думать, что партия одна, опираясь на комсомольскую организацию, может выкорчевать корни религии, может переделать религиозное сознание масс, десятков миллионов крестьян и рабочих. Без втягивания самих масс в союз безбожников, без выработки из беспартийных рабочих, крестьян и красноармейцев кадра пропагандистов-агитаторов, нельзя и думать о серьезной постановке антирелигиозной пропаганды, о серьезной борьбе с религией и с влиянием религиозных организаций.

Следует отметить, что в активе союза безбожников мы уже сейчас имеем довольно большое число работников просвещения—учителей. Так учителей, профессоров и научных работников на этом с'езде было 70, а членов союза рабпрос 343. Это очень важно, если принять во внимание, что до революции в нашей стране (а во всех капиталистических странах и по сегодняшний день) школа являлась серьезным рассадником поповского влияния.

То, что на этом с'езде было 108 делегатов крестьян из деревни, свидетельствует о том, что безбожие проникло и проникает в такие массы, которые до сих пор считались крепостью поповщины. Деревня с ее отсталым хозяйством, с ее подавляющим влиянием стихийных сил природы, с ее индивидуализмом, с ее вековым страхом перед богами, святыми и всякой «нечистой силой», с властью колдунов, шептунов, знахарей, гадалок и всякой поповщины и чертовщины,—деревня приобщается к безбожию. Когда на с'езде с котомкой за плечами и с посохом в руках появилась старуха 63 лет — активная безбожница и прошла «по-хозяйски» смело через краснознаменный зал Дома Красной Армии в президиум, сняла свою котомку и села за стол,—с'езд разразился громом аплодисментов, потому что в лице этой старухи безбожницы крестьянки пришла деревня, которая веками молилась закопченным деревянным доскам с ликами богов и святых, которая поддерживала поповщину. Эта деревня уже освобождается, хотя еще далеко не освободилась, от власти религии и религиозных организаций. Поэтому особое значение имело присутствие на с'езде почтенных стариков и старух, рабочих, крестьян и крестьянок, активных безбожников.

Точно так же следует отметить сравнительно пожилой состав этого актива. Главная масса, по возрасту падает на делегатов от 23 до 40 лет—579 человек (около 60 проц.). Среди присутствующих 209 человек от 40 до 60 лет и 6 человек свыше 60 лет. Лишь 162 делегата, т.-е. немного более одной шестой части с'езда, были моложе 23 лет. Это, прежде всего, опровергает всякие сказки о том, что безбожники это только комсомольцы. Конечно, среди комсомольцев есть много активных безбожников, само собой разумеется, что мы должны обращать внимание особенно на молодежь, но тот факт, что мы смогли собрать такой взрослый актив безбожников не только коммунистов, но и беспартийных, свидетельствует о том, что мы имеем в рабочем классе, в передовых бедняцко-середняцких массах крестьянства огромный неисчерпаемый запас для создания актива. И надо над этим работать, ибо здесь выравнивается фронт классовой борьбы на одном из участков, где массы особенно отстают.

Идеологические формулы часто бывают необычайно консервативны и особенно консервативны они в крестьянских массах, благодаря отсталости крестьянского хозяйства, благодаря отсталости всего культурного уровня этого хозяйства и благодаря тому, что власть кулака на селе гораздо сильнее, чем власть нэпмана в городе. Здесь выравнивается фронт классовой борьбы потому, что поп, мулла, ксендз в деревне еще имеют возможность оттянуть на свою сторону более или менее значительные массы. Этот фронт выравнивается и в том отношении, что рабочие и крестьяне на безбожном фронте идут плечо к плечу против самой доподлинной «нечистой силы», которую представляют собой религиозные организации.

Однако, надо отметить, что до сих пор еще мы слишком мало втянули этот беспартийный актив. Союз безбожников насчитывает в настоящее время около одного миллиона членов. Беспартийные в нем составляют меньше половины (46,5 проц.). Это значит, прежде всего, что коммунисты и комсомольцы, а их вместе около 4 миллионов, слишком слабо еще участвуют в союзе безбожников. Необходимо, чтобы большее число коммунистов и комсомольцев вступило в этот союз, необходимо, чтобы антирелигиозная пропаганда была делом каждого партийца, каждого комсомольца. С другой стороны, перед нами задача из значительно выросшей безбожной массы рабочих и крестьян, освободившихся от религии, создать массовый союз. Не сотни тысяч членов должен насчитывать этот союз; он должен насчитывать миллионы. И мы ставим себе задачу создать многомиллионный союз безбожников. Каждый успех на социалистическом фронте должен быть успехом и на фронте антирелигиозном, на фронте безбожном.

С этой точки зрения надо также внимательно отнестись к тому, что мало еще вовлечено в союз безбожников женщин, которых в союзе около 200 тысяч (около 20 проц.). Между тем мы знаем, что влияние поповщины на женскую часть населения и через женщину на семью повсюду и во всех странах гораздо сильнее, чем на мужчину. Вот почему было особенно ценно, когда на с'езде безбожников присутствовали и выступали многочисленные делегации работниц и крестьянок.

Всей этой работе надо придать гораздо более широкий размах, чем это было до сих пор. Если сейчас в городе немного более 4 тысяч ячеек безбожников, а в сельских местностях 32.539 ячеек, то надо так раздвинуть работу, чтобы мы имели в ближайшие же годы в городе десятки тысяч ячеек, а в сельских местностях сотни тысяч. Не должно быть села без ячейки безбожников, не должно быть предприятия и учреждения без ячейки безбожников, как не должно быть коммунистов, комсомольцев и пионеров, не ведущих антирелигиозной работы. Вот лозунг, который мы должны выдвинуть.

С'езду предшествовало партийное совещание, организованное Агитпропом ЦК ВКП(б). Это партийное совещание рассмотрело все важнейшие вопросы, стоявшие на с'езде безбожников, и приняло принципиальные решения, которые легли в основу решений с'езда. И правильно поступило партийное совещание, что связало задачи антирелигиозной пропаганды с задачами социалистического переустройства в ближайшие годы. Мы прямо должны связывать все наши работы с развертыванием пятилетнего плана. Поэтому и резолюция об очередных задачах антирелигиозной работы подчеркивает, что «в период социалистического строительства, связанного неразрывно со все развертывающимся наступлением на капиталистические элементы города и деревни, в период напряженной борьбы за культурную революцию, за полное торжество единого революционного пролетарского

мировоззрения, особенно резко проявляется контр-революционная политическая роль всех и всяческих религиозных организаций». Резолюция отмечает, что «нет ни одного мероприятия, проводимого советской властью, против которого не выступали бы в том или другом районе служители культа и представители религиозных организаций, прикрываясь цитатами из библии, корана и из других так называемых «священных книг».

Таким образом и на этом фронте мы должны развернуть наступление. Мы должны всем рабочим и крестьянам раз'яснить, что всякая религиозная организация является только ширмой для капиталистических элементов, что через церковные организации капиталистические элементы ведут замаскированную религиозными лозунгами контрреволюционную политическую работу. Мы должны реагировать на каждый шаг церковников, сектантов и всяких религиозных организаций, который направлен на то, чтобы вмешаться в политическую жизнь страны, в перевыборы советов, кооперации. Мы должны зорко следить за тем, как поповщина борется на деле против строительства колхозов, против перехода на многополье, распространения займов, строительства школ, изб-читален, радиофикации деревни, против нового быта, против социалистической культуры. Мы должны особенно разоблачать попытки «обновленцев» всякого рода подделаться под коммунизм, обмануть кое-какими фразами массы, припрятать реакционную сущность религии в внешне как будто бы революционную оболочку.

Это наступление наше на антирелигиозном фронте должно, конечно, протекать в рамках революционной законности. Религиозным организациям предоставлена свобода религиозного исповедания. Но мы не должны допускать ни одного случая, когда религиозная организация пытается выходить за эти рамки, когда она превращается в воинствующую церковь, когда она пытается мобилизовать массы против того или иного мероприятия советской власти, когда она делает попытки выйти за пределы культа, за пределы религиозных обрядов. Ни на одну минуту мы не должны забывать, что борьба с религией есть классовая борьба.

Во время с'езда некоторые критики линии союза безбожников упрекали нас в том, что мы считаем возможной организацию сектантских колхозов. Конечно, мы имеем в виду не организацию сектантских колхозов по религиозному признаку. Против религиозных колхозов мы должны самым решительным образом бороться. Мы имеем в виду организацию колхозов среди сплошных масс населения, входящих в ту или иную сектантскую религиозную организацию. Но и там и в этих сплошных религиозных массах мы должны организовать колхозы по классовому признаку и здесь противопоставлять сектанта-бедняка сектанту-кулаку, интересы которых различны, противоположны, непримиримы. Здесь борьба классов сталкивается с вопросом религии, здесь борьба классов расшатывает религиозные связи бедняка и кулака. В этом и состоит умение вести антирелигиозную пропаганду: не просто повторять «классовая борьба, классовая борьба», а уметь в каждом данном отдельном случае найти эту линию классовой борьбы.

Большие практические вопросы стояли перед с'ездом и одним из этих больших вопросов является подготовка кадра активных антирелигиозников. За последнее время развернулась сеть семинариев, начали развивать свою деятельность и очень успешно на первых же порах антирелигиозные университеты, вечерние антирелигиозные курсы и т. п. Такие университеты и курсы охотно посещаются рабочими; умело поставленные антирелигиозные кружки привлекают лучший деревенский актив. Однако, до сих пор эта задача еще не была поставлена, как задача большой важности. С'езд принял ряд решений, на основе которых эта работа и будет развертываться.

Здесь на первом плане стоит вопрос о школе. Школьная секция с'езда безбожников поставила вопрос о том, что активно-религиозному просвещенцу не место в учреждениях народного образования и в частности в учреждениях социального воспитания. В самом деле, ведь до сих пор еще не редко поповичи и поповны (не по социальному происхождению, а по своим умонастроению и мировоззрению) держат в своих руках дело воспитания детей и подростков. Наглядный пример этому недавно закончившийся процесс учительницы Лапшиной, где дьяконица Никольская сумела загнать в гроб беднячку Лапшину—активную безбожницу, не встретив противодействия в местных партийных и профессиональных организациях.

С'езд наметил создание при Институте по повышению квалификации педагогов и при других соответствующих организациях антирелигиозных курсов для учительского актива, а также проведение антирелигиозной работы на всякого рода курсах по переподготовке, разработку соответствующих программ, создание целой сети семинариев и кружков для подготовки актива в деревне, развертывание сети антирелигиозных музеев, создание детских секций при советах союза безбожников и пр.

В особенности необходимо обратить внимание на развертывание сети антирелигиозных музеев. Пора прекратить использование попами всякого рода учреждений Главнауки в целях религиозной пропаганды. Кое-где в таких учреждениях горят еще неугасимые лампады перед образами. Не пора ли им погаснуть, хотя бы в учреждениях Главнауки.

С'езд подвел итоги большой рыботы, проделанной союзом безбожников в деле проведения антирелигиозного воспитания в школе. К этому делу до сих пор подходили слишком робко. Еще ни один общественный строй не подходил с такой робостью к ломке прежней системы воспитания в школе, с какой подошел, пожалуй, советский строй. Мы не вдаемся здесь в об'яснение причин этой работы. Она в значительной степени об'яснялась тем, что педагогический состав не был подготовлен к антирелигиозному воспитанию в школе.

Теперь этот вопрос поставлен на иную почву. У нас имеется уже опыт, а главное имеется совершенно определенная установка Наркомпроса. Совершенно ясно теперь, что антирелигиозное воспитание в школе есть неот'емлемая часть социалистического воспитания, что нельзя провести в жизнь социалистическое воспитание в школе, оставив нетронутой такую область, как область религии, где бесконтрольно хозяйничают религиозные организации, а иногда и семья, парализуя своим реакционным влиянием влияние трудовой школы.

Особая секция с'езда разработала вопрос об антирелигиозной пропаганде среди членов профсоюзов, в деревне, в Красной армии, среди женщин и среди отсталых национальностей. Необходимо на основе этих решений тщательно разработать план антирелигиозной работы среди пионеров, дать популярные указания, как вести антирелигиозную пропаганду в семье и т. п. Но это задача не одного союза безбожников. Это задача всей партии, комсомола, профсоюзов, задача всех общественных организаций, которые еще до сих пор недостаточно втянуты в работу.

С'езд союза безбожников несомненно дает серьезный толчок к развертыванию антирелигиозной работы и к активизации членов союза. И с'езд показал, что он ставит ряд вопросов не как вопросы теоретические, а как боевые вопросы антирелигиозной борьбы. В особенности оживленные прения развернулись вокруг таких вопросов, как вопрос о закрытии церквей, отмена религиозных праздников, новое летосчисление, запрещение колокольного звона, ограничение издательской деятельности религиозных организаций, больший контроль над деятельностью церковных советов, отказ от обслуживания культа (электрическим освещением и т. п.).

Вопрос о закрытии церквей особенно волнует активных безбожников, потому что этот вопрос связан с невероятной бедностью всех наших промышленных центров и крупных сельских центров какими бы то ни было культурными учреждениями. Шестидесятилетняя крестьянка говорила с волнением о том, что у них нет школы, а рядом стоит церковь, в которой молятся несколько стариков и старух. Ведь не этим старикам и старухам жизнь строить, а той молодежи, которая идет на смену и которой негде учиться. Любой паршивенький уездный городишко насчитывает полтора—два десятка церквей, но не имеет ни одного хорошего помещения для собраний.

Конечно, в вопросе о закрытии церквей были и есть перегибы, самоуправство, несоблюдение законов. Но есть, несомненно, и другого рода перегибы, когда мы подходим к этому вопросу с непозволительной уступчивостью и робостью по отношению к реакционным элементам. На с'езде приводился пример, когда, несмотря на постановление губернского исполнительного комитета, несмотря на то, что 70—80% избирателей голосовали во время перевыборов советов за закрытие церкви с превращением ее в народный дом или клуб, Главнаука накладывает запрет на это потому, видите ли, что там имеется какой-то венчик, характеризующий эпоху торгового капитала. Можно было бы подарить этот венчик Главнауке, а рабочим дать помещение под народный дом. Такие факты имеют место в ряде случаев.

С'езд дал решительный отпор всякого рода административным увлечениям, которые кое у кого проявлялись и которые особенно сказались в статьях тт. Галактионова и Лунина в «Комсомольской Правде». С'езд подчеркнул, что закрытие церквей предполагает предварительную большую антирелигиозную работу в массах и мобилизацию этих масс не только безбожников, но и верующих вокруг этого вопроса. Однако, нет никакого сомнения в том, что ближайшие годы неизбежно будут годами наступления и на этом фронте.

Так же страстно был поставлен вопрос и о запрещении колокольного звона, особенно в городах, где рабочие работают в три смены и где короткий сон рабочего, короткий его отдых нарушается безумным, бессмысленным и никому не нужным колокольным звоном.

Почему мы должны вести летосчисление «нашей эры» (как пишут теперь) со времени мифического рождества Христова, а не со времени такого революционного, массового, всем близкого, вошедшего в плоть, кровь и сознание масс факта, как Октябрьская революция? Почему при бумажном голоде, когда нехватает бумаги на учебники, должны издаваться поповские издания? Почему церковные советы действуют бесконтрольно и могут на своих заседаниях келейно обсуждать такие вопросы, как выставление списков во время выборов в советы, как попытки сорвать то или иное мероприятие советской власти? Вот все эти и другие вопросы показали, что борьба с религией ведется не в области отвлеченных теорий. Она затрагивает жизненные вопросы существования всякой религиозной организации, показывает, что на этом участке борьбы рабочие и крестьяне не могут не задеть материальную базу существования религиозных организаций.

Конечно, было бы совершенно неправильно, если бы вся борьба с религией была направлена по линии административных мероприятий. Не отказываясь от законных административных мер по отношению к той или иной организации, союз безбожников должен центр тяжести перенести на антирелигиозную пропаганду. На ряду с глубоко научно, по-марксистски, по-ленински поставленной, у м н о поставленной антирелигиозной пропагандой, административные меры, идущие от масс, по почину самих масс, будут иметь совершенно иное принципиальное значение.

Активизация антирелигиозной борьбы сказалась не только в том, что союз безбожников постановил назвать себя союзом воинствующих безбожников. Антирелигиозная пропаганда действительно переходит на новую стадию—активизацию масс. Несомненно, в стране имеется больше десятка миллионов трудящихся, порвавших со всякими религиозными организациями. Однако, этот выход из церкви, отход от церкви до сих пор происходит «втихую», молча. Необходимо, чтобы порывающие с церковью активно, открыто разрывали с ней, чтобы они этим открытым разрывом, заявлением о разрыве с церковью помогали отделиться от церкви тем колеблющимся массам, которых связывают с религиозной организацией не классовые интересы (ибо большинству трудящихся масс социальные классовые интересы религиозных организаций в р а ж д е б н ы). Эта активность должна сказаться в усилении антирелигиозной пропаганды, привлечении к антирелигиозной пропаганде всех общественных организаций, в улучшении и расширении издательской деятельности, в применении все более тщательно продуманных массовых форм антирелигиозной пропаганды. Заинтересовывать массы «и так и этак», как говорил Ленин,—вот в чем задача.

Дискуссия на с'езде безбожников по вопросу о формах и методах антирелигиозной пропаганды представляет большой интерес. Приходится только пожалеть, что открытая за четыре месяца до с'езда на страницах «Безбожника» и «Антирелигиозника» дискуссия не была поддержана ни партийными организациями, ни комсомольскими. Партийная и комсомольская печать осталась как-то в стороне от этой дискуссии, и только в самом начале с'езда в «Комсомольской Правде» появились статьи, которые, однако, по своему теоретическому уровню и содержанию вызвали решительный отпор с'езда. На только что закончившейся конференции комсомола секретарь ЦК ВЛКСМ тов. Рахманов отметил это выступление, как пример расхождения между комсомольской печатью и линией комсомольской организации.

Основная ошибка выступления товарищей Галактионова, Лунина и Бухарцева заключается в том, что даже помимо их воли у них получилось принижение роли культурной политико-просветительной работы, являющейся неот'емлемой частью антирелигиозной пропаганды. Без культурно-просветительной работы немыслима антирелигиозная пропаганда, а в статьях и выступлениях этих товарищей получилось противопоставление этих двух сторон одной и той же работы. Другой ошибкой является их утверждение, что нельзя заменить религиозное сознание сознанием социалистическим. Они выразили это в схоластической формулировке—«не заменять, а разрушать». Самую мысль о том, что можно религиозное сознание заменить социалистическим, «Комсомольская Правда» об'явила пошлой, реакционной, оппортунистической идеей. Между тем, партия и комсомол изо дня в день проделывают эту работу переделки мелкобуржуазного сознания элементами социалистического. Ведь в том и состоит выработка материалистического мировоззрения, что н а м е с т о разрушенного не научного, иногда утопического, иногда мелкобуржуазного оппортунистического сознания вырабатывается сознание марксистское, ленинское. К сожалению, неправильные мысли были поднесены в такой острой форме, что это помешало правильному выяснению вопроса.

Третий вопрос, который был выдвинут в этой дискуссии в «Комсомольской Правде», это вопрос о корнях религии. «Комсомольская Правда» все свела к социальным корням религии и пыталась доказать, что никаких других корней религии нет. Такая постановка вопроса, противоречащая тому, что неоднократно писал и говорил по вопросам религии Ленин, означала бы суживание задач антирелигиозной пропаганды.

Можно сказать, что и в этой дискуссии было кое-что хорошее: она дала повод показать на примере неправильной постановки вопроса, как и какими методами на самом деле должна вестись антирелигиозная

пропаганда. Что в антирелигиозной пропаганде могут быть и правый уклон и примиренческое отношение ко всякой поповщине, в этом сомнений нет. Что надо вести борьбу против таких уклонов — это также для нас азбучная истина. Но такой же азбучной истиной для нас является и необходимость борьбы со всякого рода левизной в антирелигиозной пропаганде и со всякого рода нетерпением в антирелигиозной пропаганде, когда нахрапом хотят заменить серьезную и глубокую антирелигиозную пропаганду. Необходима борьба со всяким упрощенством в области антирелигиозной пропаганды, со всякими антирелигиозными упрощениями в деле борьбы с религией, ибо, как и в других областях нашей идеологической борьбы, и на этом фронте левые уклоны мешают борьбе с правыми извращениями.

Второй с'езд союза безбожников закончился принятием обращения к рабочим и крестьянам, которое является своего рода манифестом союза безбожников. В нем в популярной форме излагаются наши задачи, оно бросает в массу призыв к борьбе с религией и религиозными организациями. Необходимо, чтобы это обращение нашло самое широкое распространение в массах, необходимо, чтобы о с'езде безбожников и его решениях узнали не только все безбожники, но и верующие крестьяне и рабочие, чтобы перед ними поставить вопросы, волнующие пока еще меньшую часть трудящихся, но все более и более проникающие в массы.

Особенно должна обратить внимание на антирелигиозную пропаганду партийная организация. Она должна обеспечить серьезное руководство всей этой работой на местах, должна постоянно иметь перед собой эту задачу, как одну из важнейших задач борьбы на идеологическом фронте, захватывающую самые широкие массы. Путь к социализму есть путь классовой борьбы. Для многих и многих на этом пути классовой борьбы стоит религия. Сотни тысяч и миллионы рабочих и крестьян не могут полностью слиться с задачами коммунистической партии, потому что их связывает по рукам и ногам их религиозное сознание. Разрубить этот узел, распутать эти путы, освободить от религиозного дурмана массы, — это значит помогать новым миллионам трудящихся сомкнуться с передовой частью рабочего класса для социалистического наступления большим широко развернутым фронтом.

Г. Зиновьев.

Верно ли, что новые революции невозможны без войны?

Верно ли, будто Ленин считал, что новые революции вообще невозможны без войны? Верно ли, что, оценивая положение вещей в своих последних произведениях перед смертью, Ильич связывал следующий революционный взрыв «непосредственно» с грядущей войной?

Это вопрос в высшей степени важный, это один из узловых вопросов всей тактики ленинизма.

Ни Маркс, ни Ленин никогда не считали, что революция рождается только из войны. Они только считали, что некоторые войны при известных обстоятельствах являются ускорителями революционного развития. Движущие силы всякой революции это — классовые противоречия, классовая борьба. Война есть продолжение политики только другими средствами. Войны при известных обстоятельствах могут в известных странах ускорить революцию. Но порождают революцию противоречия между классами, борьба классов.

В таком ответственном документе, как ленинские тезисы «Социалистическая революция и право наций на самоопределение» Ленин в 1916 году писал так:

«Социалистическая революция может разгореться не только из-за крупной стачки, или уличной демонстрации, или голодного бунта, или военного восстания, или колониального мятежа, но и из-за любого политического кризиса вроде дела Дрейфуса, или Цаберкского инцидента, или в связи с референдумом по вопросу об отделении угнетенных наций и т. п.» (Том XIX, стр. 170).

Вот программное заявление Ленина, не оставляющее места никаким кривоистолкованиям. На это заявление ссылался Ленин и во время III конгресса Коминтерна в комиссии, вырабатывавшей тактическую резолюцию. Этой мыслью целиком проникнута тактическая резолюция III конгресса, в составлении которой Ленин принимал руководящее участие.

Социалистическая революция, говорил, таким образом, Ленин, может начаться не только из военного восстания, или колониального мятежа, но из крупной стачки, из политического кризиса вроде дела Дрейфуса и т. д. и т. п.

Чем ближе надвигалось подлинное начало пролетарской революции, тем напряженней думал Ленин о том, каким именно будет конкретный ход этой революции. Как в 1905 году на III с'езде партии, накануне первой буржуазно-демократической революции в России Ленин напряженнее всего думал о том, каков же именно будет конкретный ход этой революции, каковы будут конкретные формы движения (соединение всеобщей стачки с вооруженным восстанием и т. п.),—так, накануне 1917 года Ленин все глубже задумывался именно над вопросом о том, каковы будут конкретные формы развития революции социалистической.

«Социальная революция не может произойти иначе, как в виде эпохи, соединяющей гражданскую войну пролетариата с буржуазией в передовых странах и целый ряд демократических, революционных, в том числе и национально-освободительных движений в неразвитых, отсталых и угнетенных нациях» (том XIII, 369),—писал Ленин в своей полемической статье «Империалистический экономизм», направленной против «левых» коммунистов того времени (тт. Пятаков, Бухарин и др.).

«Думать, что мыслима социалистическая революция без восстания мелких наций в колониях и в Европе, без революционного взрыва части мелкой буржуазии со всеми ее предрассудками, без движения несознательных пролетарских и полупролетарских масс против помещичьего, церковного, монархического, национального и т. п. гнета «думать так, значит отрекаться от социалистической революции» (XIX, 219),—писал Ленин в полемике против сторонников Розы Люксембург.

«Социалистическая революция,— раз'яснял неоднократно Ленин, — не один акт, не одна битва по одному фронту, а целая эпоха обостренных классовых конфликтов, длинный ряд битв по всем фронтам, т. е. по всем вопросам экономики и политики, битв, которые могут завершаться лишь экспроприацией буржуазии» (XIX, 169).

Войны угнетенных наций, восстания в колониях, перерастающие в революционные войны, войны империалистов между собой — все это, разумеется, играло крупнейшую роль в построениях Ленина. Но ни в коем случае в этих классических определениях Ленина нельзя найти той «мысли», будто революции возможны только в связи с войной.

Война есть продолжение политики. Империалистические войны суть продолжение империалистической политики. Эти войны являются важнейшим показателем того, что растут классовые противоречия в национальном и интернациональном масштабе, что обостряется борьба во всем мире, что тесно производительным силам в национальных рамках, что быстро катится капитализм к гибели.

Империалистские войны самым фактом того, что они имеют место, доказывают, что империализм действительно есть последняя стадия капитализма. Империалистские войны сигнализируют быстрое приближение краха капитализма. Развитие пролетарских революций, которые не могут не закончиться экспроприацией капиталистов, неизбежно. Но причина пролетарских революций не только в империалистских войнах. Напротив, сами империалистические войны являются производными от классовой борьбы. Ленин насквозь диалектик. Ленинские формулировки всегда дышат жизнью. Ленин берет всю сумму явлений в целом. Ленин показывает нам действительное нарастание пролетарских революций в результате сочетания целого ряда факторов. Войне среди этих факторов принадлежит не последнее место — но далеко не единственное.

Война при известных обстоятельствах становится величайшим ускорителем революционного движения.

Наиболее наглядным примером этого можно было бы взять роль империалистской войны в русских революциях 1917 года.

Назревание революционного кризиса в России с 1912 года шло с громадной быстротой. В 1914 году революционный под'ем в России достиг уже очень большой интенсивности. Совсем незадолго до об'явления войны дело доходит уже в Питере до баррикад. Война сначала на время задержала дальнейший революционный под'ем, но зато потом в чрезвычайной мере ускорила революционное развитие в России. В 1917 году в России разразилась первая из больших революций во время войны — именно потому, что уже в 1914 году Россия была ближе всего к революции; именно потому, что Россия была беременна революцией.

Такова живая диалектика, которая не мирится со схоластикой. Ленин впоследствии указывал (в «Детской болезни левизны») на то, что четыре фактора, четыре «специфических условия», как выражался Ленин, помогли России первой начать социалистическую революцию.

1) Возможность соединить советский переворот с окончанием благодаря ему империалистской войны, невероятно измучившей рабочих и крестьян;

2) возможность использовать на известное время смертельную борьбу двух, всемирно могущественных групп империалистских хищников...;

3) возможность выдержать сравнительно долго гражданскую войну, отчасти благодаря гигантским размерам страны и худым средствам сообщения;

4) наличность такого глубокого буржуазно-демократического революционного движения в крестьянстве, что партия пролетариата взяла революционные требования у партии крестьян... и сразу осуществила их благодаря завоеванию политической власти пролетариатом (ср. Ленин, XVII, 153).

Империалистская война играет в этом анализе Ленина не маленькую роль, — но вовсе не исчерпывающую. Ленин берет историческое подготовление русской революции во всей его многосложности и многоцветности. В таком подлинно ленинском анализе нет ни грана схоластики.

В той же «Детской болезни» Ленин в классической форме изображает нам, каковы те условия, которые необходимы для революции. Это одно из самых замечательнейших мест в одном из самых замечательнейших произведений Ленина. Ленин формулирует то, что он называет «основным законом революции». Он говорит:

«Основной закон революции, подтвержденный всеми революциями, и, в частности, всеми тремя русскими революциями в XX веке, состоит вот в чем: для революции недостаточно, чтобы эксплоатируемые и угнетенные массы сознали невозможность жить по-старому и потребовали изменения; для революции необходимо, чтобы эксплоататоры не могли жить и управлять по-старому. Лишь тогда, когда «низы» не хотят старого и когда «верхи» не могут по-старому, лишь тогда революция может победить. Иначе эта истина выражается словами: революция невозможна без общенационального (и эксплоатируемых и эксплоататоров затрагивающего) кризиса» (XVII, 172).

Перечисляя, так сказать, «обязательные», конститутивные признаки революций, Ленин отнюдь не говорит здесь даже, что в числе других признаков обязательным признаком является война. Ленинская формулировка «основного закона революции», разумеется, отнюдь не исключает (а предполагает), что при известных обстоятельствах война может послужить громадным ускорителем революции. Но нигде у Ленина вы не найдете и намека на то, что только из войны может начаться революция.

Большевизм вошел в империалистскую войну 1914 года с лозунгом демократической диктатуры пролетариата и крестьянства для России. Большевизм к концу войны провозгласил социалистическую революцию и для России. Роль империалистской войны не только как ускорителя, но и как «углубителя» революции здесь очевидна.

И в 1905 году Ленин, разумеется, отнюдь не проповедывал «самоограничения» революции, как это ему приписывали одно время все меньшевики, вплоть до тогдашнего меньшевика Троцкого. Ленин знал, что ровно в меру своих сил, в меру сил рабочего класса мы будем двигать победоносную демократическую революцию в России к социалистическому перевороту в России, к развязыванию международной пролетарской революции. Это подразумевалось само собой и в 1914 году и в начале империалистской войны, когда для России Ленин выдвигал попрежнему для начала лишь программу демократической революции. Но именно изменившееся мировое положение,

в частности, изменившееся положение внутри России, в ходе империалистской войны ускорило приближение и наметило своеобразные пути к социалистическому перевороту в России и привело к тому, что перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую совершилось в России в течение 9 месяцев—с февраля по октябрь 1917 года.

В той же «Детской болезни «левизны» Ленин анализирует не только положение в России, но и положение в Англии. Он говорит: «В Англии... явно нарастают оба условия успешной пролетарской революции» (XVII, 173), т.-е. и то, что низы не хотят старого, а верхи не могут по-старому. Что в Англии нарастают «оба условия успешной пролетарской революции»,—это написано Лениным в 1920 году, когда ни о какой войне, в которой решались бы судьбы Англии, не было и речи. К Англии настойчиво возвращался Ленин, взвешивая дальнейший конкретный ход мировой революции. Ленин пишет:

«Пример: Англия. Мы не можем знать—и никто не в состоянии наперед определить, как скоро разгорится там настоящая пролетарская революция и какой повод более всего разбудит, разожжет, подвинет на борьбу очень широкие, ныне еще спящие массы... Возможно, что «прорвет», что «сломает лед» парламентский кризис; возможно, что кризис, вытекающий из безнадежно запутанных, все более и более болезненно складывающихся и обостряющихся колониальных и империалистских противоречий; возможно, что-либо третье и т. п.» (т. XVII, 183). Ленин явно считает очень опасным, чтобы в рядах коммунистов укоренилась мысль, будто революция возможна только в связи с войной. Он подробно разжевывает вопрос применительно к Англии, выдвигая на видное место «парламентский кризис» и т. п. Ленин не довольствуется примером Англии и берет еще пример Франции. «Не забудем, что, напр., в буржуазной французской республике, в обстановке, которая и со стороны международной и со стороны внутренней во сто раз менее была революционна, чем теперь, достаточно оказалось такого «неожиданного» и такого «мелкого» повода, как одна из тысяч и тысяч бесчестных проделок реакционной военщины (дело Дрейфуса), чтобы вплотную подвести народ к гражданской войне!» (Там же). То, что пишет Ленин об Англии и Франции, теперь еще более применимо к такой стране, как Германия и т. п.

Все это сказано Лениным в «Детской болезни «левизны»—произведении особенно глубоком и особенно зрелом. Ни на иоту этого своего взгляда Ленин не пересматривает и в его предсмертных статьях и записях. Какие же есть основания утверждать, будто Ленин ждал новых революций только «непосредственно» в связи с войной? Никаких! Всеобщая забастовка в Англии в 1926 году могла сыграть гигантскую, прямо таки решающую роль в деле ускорения революции в Англии. А ведь ни о какой войне в 1926 году не было и речи. В настоящее время замечательное по своей силе и размаху развитие стачечного движения в Индии внушает серьезные надежды на значительное ускорение революционных процессов в Индии. А что означала бы революция в Индии для революции в Англии!

Революционное восстание в Индии вызвало бы, конечно, со стороны Англии попытки «усмирить» это восстание кровью и железом. И тем не менее такой вариант развития революции в Англии отнюдь не похож на схоластический антидиалектический тезис: революция может родиться только из войны.

Марксизм ничего общего не имеет с пацифизмом. Марксизм знает, что бывают войны и войны. Марксизм, разумеется, ни на минуту не зарекается от того, чтобы использовать в интересах угнетенных классов ту или другую войну рабовладельцев между собою, а тем более, чтобы поднять наемных рабов против рабовладельцев, пользуясь любой войной. Марксизм ни на минуту не зарекается от революционных войн, когда к этому создаются необходимые исторические предпосылки. Напротив, марксизм открыто говорит о неизбежности революционных войн. Но сказать «революция может родиться только из войны»—это значит, быть пацифистом наизнанку; это значит в нынешней обстановке подать палец оппортунизму. Оппортунизм возьмет всю руку.

* * *

Большевики говорят, что эпоха, в которую мы живем, есть эпоха войн и революций. И правильно говорят. Возьмем истекшее десятилетие со дня окончания мировой войны. Это десятилетие изображают, как десятилетие «мирного» развития капитализма. Оно действительно «мирное» по сравнению с 1914 — 18 годами, когда кровь лилась рекой, когда на полях империалистской войны гибли миллионы, когда сжигались села и города и опустошались целые области. Но если сравнить это десятилетие (1918—28) с десятилетием, скажем, довоенным (1904—1914), то станет ясно, каков «мирный» характер десятилетия, истекшего со времени окончания мировой войны. В течение десятилетия 1918—1928 гг. мы видели ряд войн, во всяком случае, ряд крупных военных столкновений не только в Европе, но и в Азии, в Африке, в Америке. Небольшой и очень неполный перечень больших и малых схваток, имевших место за это время, будет достаточно убедителен.

Европа. Борьба Германии с Польшей из-за Верхней Силезии. Вооруженная оккупация Рура и так называемое пассивное сопротивление в 1923 г. Захват Польшей Виленщины и бесконечная цепь вооруженных пограничных столкновений между Польшей и Литвой. Захват Италией провинции Фиумэ, итало-греческий конфликт. Греко-турецкая война, т.-е. на деле англо-турецкая война. Балканская вооруженная борьба из-за территории. Захват Румынией ряда земель, входящих в бывшую Австро-Венгрию.

Азия. Гражданская война в Китае и интервенция империалистов с неоднократным разгромом ряда китайских городов английскими и другими военными судами. Война Франции в Сирии и т. п.

Африка. Войны в Марокко.

Америка. Соединенные Штаты и Мексика. Соединенные Штаты — Никарагуа, Боливия—Парагвай и ряд других.

Мы не говорим уже о величайшей гражданской войне в СССР и о внешней войне против СССР, в которой участвовало, как известно, не менее чем 14 государств. Не говорим уже о войне белой Польши против Советов в 1920 году и т. д.

Каков же итог? В течение последнего «мирного» десятилетия мы были свидетелями ряда военных столкновений почти во всех частях земного шара, ряда колониальных войн, ряда войн против пролетарского государства, ряда схваток между буржуазными государствами. И это — в эпоху вильсонизма, Лиги Наций и проч.

Не может быть ни малейшего сомнения в том, что именно в течение этого «мирного» десятилетия 1918 — 1928 гг. завязаны десятки новых узлов будущих войн. Характерная черта так называемого «третьего периода» в том и заключается, что мировые противоречия обостряются, и приближение новой войны идет на всех парах.

Все чаще и чаще в порядке «внезапности» мир узнает о том или другом военном договоре, заключенном между буржуазными странами друг против друга: договор Англии с Францией, договор Франции с Бельгией, ряд договоров пограничных с СССР государств, — договоров, заключенных под протекторатом англо-французского империализма. Но это еще далеко не все. Самыми опасными договорами являются те тайные договоры, которые несомненно заключаются в изобилии именно против СССР. Против нашего же государства заключается ряд более или менее явных военных договоров.

И в то же время в течение «мирного» десятилетия 1917 — 1927 гг. мы были свидетелями следующих революционных событий:

1917 год — Две революции в России.

1918 г. — Революции в Германии, Австрии, на Балканах; советская власть в Финляндии.

1919 г. — Советская власть в Венгрии и Баварии; спартаковское восстание в Германии.

1920 г. — Национальная революция в Турции; захват фабрик и заводов рабочими в Италии.

1921 г. — Мартовское восстание в Германии.

1923 г. — Восстание в Болгарии; революционные события в Германии.

1925 г. — Восстание в Эстонии; Сирия и Марокко.

1926/27 г. — Революция в Китае; всеобщая забастовка в Англии; восстание в Вене.

В 1928/29 г. особенно ясно намечается революционный под'ем в Индии и Германии.

Мы живем в эпоху войн и революций—это вовсе не означает, что все революции обязательно побеждают сразу, а все конфликты между государствами обязательно сразу выливаются в войны.

Мы живем в эпоху войн и революций. В истории не раз бывало, что война ускоряла революционное развитие, а революция в свою очередь приводила к новым войнам. Да и сами войны не раз меняли, так сказать, «на ходу» свой характер. Основное положение марксистской диалектики состоит в том, что все грани в природе и обществе условны и подвижны, что нет ни одного явления, которое не могло бы при известных условиях превратиться в свою противоположность. В своих замечательных работах военного периода Ленин приводит несколько блестящих исторических примеров диалектического превращения одной войны в другую.

«Национальная война может превратиться в империалистскую и обратно», — пишет Ленин. Пример: войны великой французской революции начались, как национальные, и были таковыми. Эти войны были революционны: защита великой революции против коалиции контрреволюционных монархий. А когда Наполеон создал французскую империю с порабощением целого ряда давно сложившихся, крупных, жизнеспособных национальных государств Европы, тогда из национальных французских войн получились империалистские, родившие в свою очередь национально-освободительные войны против империализма Наполеона (т. XII, стр. 439).

Не менее блестящи другие примеры, приводимые Лениным: Англия и Франция воевали в семилетнюю войну из-за колоний, т.-е. вели империалистскую войну (которая возможна и на базе рабства, и на базе примитивного капитализма, как и на современной базе высоко развитого капитализма). Франция побеждена и теряет часть своих колоний. Несколько лет спустя начинается национально-освободительная война Северо-Американских Соединенных Штатов против одной Англии. Франция и Испания, которые сами продолжают владеть частями теперешних Соед. Штатов, из вражды к Англии, т.-е. из своих империалистских интересов, заключают дружественный договор с восставшими против Англии штатами. Перед нами национально-освободительная война, в которой империалистское соревнование является привходящим, не имеющим серьезного значения элементом и т. д. (см. статью Ленина о брошюре Юниуса, т. XIII, 440).

Эти образчики ленинской диалектики должны мы изучать и изучать.

Когда мы, ученики Ленина, вслед за ним говорим, что мы живем в эпоху войн и революций — это отнюдь не значит, что революция может родиться только из войны. Революция может родиться из большой стачки, говорил Ленин в 1916 году. Революция могла родиться и из большой стачки горняков, из всеобщей забастовки в такой стране, как Англия—в 1926 году. Революция в Англии может родиться из всеобщей стачки, перерастающей в восстание—в Индии. Революция в Австрии могла родиться из Венского восстания. А кто решится сказать, что революция в Германии невозможна без войны? Разве из событий того типа, которыми сопровождалась маевка 1929 г., в Берлине не может родиться революция? Кто решится сказать, что революция в Италии,—когда фашизм сгниет,—невозможна будет без войны? Кто решится сказать, что революция в балканских государствах невозможна без войны?

Каждая из таких революций, несомненно, может вызвать и вернее всего вызовет новые войны. Поэтому мы и говорим, что мы живем в эпоху войн и революций. Поэтому мы и видим теперь, как облекаются плотью и кровью пророческие слова Ленина о том, из каких струй «складывается» великая река мировой пролетарской революции. Но свести ленинское учение о войне и революции к тому, что революция невозможна без войны, — значит обкарнать, окургузить учение Ленина, значит извратить его в оппортунистическом духе.

Почему в оппортунистическом? Потому что сказать, что революция родится только из войны, на деле значит «немножечко» «откладывать» революцию до войны, немножечко потакать тем, кто хочет снять «неурезанные» лозунги большевизма (т.-е. всем правым в Коминтерне).

Да, и с.-д. вождям этого только и нужно! Ведь главный «социальный заказ», который ныне получают с.-д. вожди от своих хозяев, капиталистов, заключается в том, чтобы «доказать»: коммунисты ставят-де ставку на новую войну. Посеять это подозрение в рабочих массах крайне необходимо капиталистам, ибо они-то на всех парах готовят войну против СССР. Вожди II Интернационала рисуют ведь весь большевизм, как «продукт войны». Неправильную по существу оппортунистическую формулировку они поэтому постараются использовать вдвойне.

Владимир Ильич «связывал следующий революционный взрыв непосредственно (!) с грядущей войной!» Это «анализ», это толкование политического завещания Ленина немедленно подхватил с великой радостью пресловутый Устрялов, который, конечно, поспешил «дополнить» его: Ленин связывал следующий революционный взрыв непосредственно с войной; а так как пока нет войны, то надо отложить и «революционный взрыв».

«Без особого риска ошибиться позволительно сказать, что пробудить глубоко задремавшую мировую революцию ныне способна разве лишь новая война. А таковой войны ожидать в доступном обозрению будущем нельзя»,— дополняет указанный «анализ» Устрялов. — Дай врагу большевизма палец — он возьмет всю руку.

На основании этого «анализа» Устрялов уже «доказывает», что «мировая революция растворяется в тумане грядущих десятилетий», что «революция уснула летаргическим сном».

Малейшее отступление от Ленина в таком остром и решающем вопросе, как проблема «война и революция—революция и война», чревато самыми губительными последствиями. Это доказано теперь на живом примере.

С учением Маркса и Ленина о войне (а такое учение существует вопреки мнению многих) надо обращаться особенно бережно. Это необходимо именно потому, что мы живем в эпоху войн и революций; именно потому, что новая война, в которой снова будут решаться судьбы советской власти и судьбы мировой революции вообще, несомненно надвигается.

«История учит нас,—говорил Ленин,—что ни один крупный вопрос, ни одна революция не родились иначе, как в ряде войн. Надо быть готовым к тому, что при малейшем изменении положения империалистские хищники

снова набросятся на нас. Надо быть готовыми к этому. Вопрос именно стоит так: долгий ряд войн до сих пор решал судьбы всякой революции, всякой величайшей революции. Такой величайшей революцией является и наша революция.

Мы кончили одну полосу войн, мы должны готовиться ко второй».

Судьбы нашей революции, судьбы мировой революции вообще решатся в ряде жесточайших схваток, в ряде войн. Сказать так, значит рассуждать по-ленински. А сказать, что революция рождается только из войны или сказать применительно к нынешней обстановке (как она сложилась к 1929 г.), что следующий революционный взрыв связывается «непосредственно» только с войной — значит отойти от Ленина «немножечко» в сторону оппортунизма.

У Ленина война есть одно из слагаемых в числе тех факторов, которые приводят к революции, которые приносят при известных обстоятельствах превращение революционной ситуации в непосредственную революцию. Концентрировать внимание пролетариата СССР и пролетариата всего мира на том, что опасность новой войны становится все больше и больше—дело нужное, дело необходимое. Подменять же это тем, чтобы одно из слагаемых выдавать за всю сумму, не только неправильно теоретически, но практически приводит к тому, что питает правые, оппортунистические настроения внутри коммунизма и политически помогает злейшим врагам международного большевизма: контрреволюционной социал-демократии.

Социалистическая революция может разгореться не только из-за войны, но и из-за крупной стачки или уличной демонстрации, или голодного бунта, или военного восстания, или колониального мятежа, может разгореться из-за любого политического кризиса вроде дела Дрейфуса, из-за маевки «берлинского» типа, из восстания типа венского в 1927 г. и т. п. Вот чему надо учить рабочих, если оставаться верным Ленину.

Новый революционный взрыв в Европе, да и во всем мире, отнюдь не «откладывается» обязательно до новой войны. Уже и нынешнее «мирное»— якобы мирная полоса развития капитализма со всеми его «стабилизациями», «рационализациями», техническими прогрессами и т. д., не только не снимает с очереди революционные взрывы, но приближает их с громадной быстротой.

Кто из всей сложившейся мирной обстановки не видит, не чувствует приближения нового революционного взрыва, у того поистине атрофировано всякое чутье революционера-большевика.

Новые революции возможны и без войн. Но новые войны должны стать невозможны без революций. Так ставит вопрос большевизм.

Мих. Каценеленбоген.

„Социальная мимикрия“ кулака.

Сигнал XV партс'езда к развитию дальнейшего наступления на кулачество, к принятию ряда новых мер, «ограничивающих развитие капитализма в деревне и ведущих крестьянское хозяйство по направлению к социализму», — боевой сигнал XV партс'езда услышан и воспринят кулаком с достаточной полнотой и «проработан» им весьма основательно.

Подросший за последние годы кулак сам готовился к наступлению. Срыв хлебозаготовительных цен был наиболее действенным лозунгом, под которым он пытался начать атаку на пролетарское государство еще до XV партс'езда. Не рассчитав, что на ряду с ним, обогоняя его рост, крепнут социалистические элементы хозяйства, растет влияние командных высот пролетарского государства, кулак не ожидал такого мощного удара по всему фронту борьбы. В особенности, в начале, по ряду мест, кулак даже проявил известную растерянность перед лицом развертывающихся сил пролетариата. Он в отдельных случаях доходил до самораскулачивания, действительного свертывания своего хозяйства. Но эти «упадочнические настроения», отнюдь не господствовали в кулацком лагере. Кулак в массе своей, как и следовало ожидать, в панику не бросился, он без боя не собирался сдавать своих позиций. Быстро ориентировавшись в обстановке, он выработал план действий. Хлебный саботаж, как испытанное орудие в борьбе за срыв государственных цен, в борьбе с общей политикой советской власти, — стал проводиться им особо упорно, особо настойчиво.

Не рожденный официальными с'ездами кулачества — ряд тактических кулацких лозунгов, тем не менее, получил достаточно широкую популярность в зажиточной верхушке села. «Продайте нам трактор— получите хлеб», «что вы нам за хлеб мануфактурку суете, даешь трактор и молотилку», «верните голос — получите хлеб», «не помогайте бедноте, не занимайтесь колхозами, сделайте ставку на крепкого мужика, доброго хозяина— и он отплатит вам сторицей», — эти и подобные им лозунги-требования можно услышать от кулаков любого района страны. Эти лозунги показывают, что кулак борется отнюдь не только за хлебные цены, он пытается продиктовать свои «поправки» к общей политике партии, навязать свою программу реконструкции сельского хозяйства.

Классовое чутье подсказывает кулаку всю значимость нынешнего этапа борьбы, не даром он напрягает все силы на приостановку, торможение наступательного движения социализма.

Кулак хорошо разглядел неразрывную взаимосвязь между все шире развертывающейся положительной программой социалистического строительства (колхозы, совхозы, контрактация машино-тракторные станции и т. д.) и проводимыми мерами непосредственного ограничения роста капиталистических элементов деревни (налог, землепользование, наем рабочей силы и т. д.)—и повел одинаково упорную, отчаянную борьбу против этих обеих форм наступления на него.

Крайне ожесточенная борьба кулака против политики партии характерна многогранностью своей тактики. Открытые удары в роде хлебной забастовки, убийств, поджогов, погромов чередуются с тактикой искусного приспособления, попытками «подстричься под декрет», отнюдь не выпуская при этом рычагов эксплоатации, маскируясь, но не сдавая позиций. Кулак лихорадочно прощупывает весь свой арсенал классового вооружения, он бросает в борьбу все, что есть действенного. Он с бешеной энергией ведет «массовую работу» среди батрачества, бедняков, середняков. Богатством методов своей агитации, организационной гибкостью, умением вербовать сторонников из вражеского лагеря (т. н. подкулачники и т. д.) кулак лишний раз показывает всю сложность борьбы с ним, показывает, что к вековой сноровке эксплоататора он прибавил приобретенную за годы революции большую выучку к приспособлению, искусной маскировке, внешнему перекрашиванию в защитные цвета.

И если, невзирая на отчаянную сопротивляемость, классовый враг все же принужден шаг за шагом отступать под напором растущих сил социализма, — то тем упорнее его борьба за существование, тем гибче и неуловимее становится его тактика. В ряде случаев ему удается при этом, пусть временно, но укрепляться даже на таких участках борьбы, где у нас достаточно сил, чтобы его уже оттеснить сегодня, а затем и вытеснить. Сплошь и рядом ему удается отвести наши удары, выходить сухим из воды. Это прежде всего упирается в далеко не всюду и далеко не всегда достаточное наше умение практически осуществлять наступление на кулака.

Недостатки практической борьбы с кулачеством в значительной мере упираются в плохое знание конкретного лица классового врага. Вместо тщательного прощупывания, изучения тактических приемов врага, его новых методов борьбы[1]), вместо индивидуального изучения его опорных пунктов, командных позиций, у нас все еще подчас оперируют «средними цифрами», все еще продолжают топтаться на общих данных о диференциации села, ограничиваться «соответствующими» достаточно энергичными резолюциями «против кулака». Идущие от известной части низовых работников, деревенских коммунистов, разговоры о том, кто «в нашей деревне (районе) кулака нет»,—далеко не всегда об'ясняются сознательным нежеланием видеть кулака (правда, при существующей засоренности деревенских парторганизаций об'яснение лежит в значительной мере и в этом), но и тем, что выявлять врага, прощупать его замаскированные позиции по-настоящему значительная часть деревенских (да и не только деревенских) организаций не научилась.

Между тем, и сейчас, а чем дальше, тем больше кулак будет прибегать к тактике внешнего осереднячивания, к приспособленчеству, маскировке. Он, судя по целому ряду отрывочных сведений, приступает именно с этой целью, к переустройству, своеобразной «реорганизации», «рационализации» своего хозяйства. Плохое наблюдение за этим крайне важным процессом, слабая осведомленность о том, что делается в кулацком хозяйстве, как кулак практически реагирует на наше усиленное наступление, в особенности по линии направления своего хозяйства, плохое знание конкретного лица врага, подчас приводит к ничем не обоснованным, самодовольным рассуждениям, в роде: кулак уже разбит на-голову, он свертывает свое хозяйство, он больше не опасен и т. д. Подобные настроения, к сожалению, не единичны. Можно привести массу примеров, как иные работники, которые отнюдь не являются правыми уклонистами, все же, обманутые известным сокращением посевных площадей кулака, приходят к мысли о свертывании кулацкого хозяйства и отсюда готовы сделать ошибочные выводы. Это происходит прежде всего потому, что им неизвестны более глубокие процессы, происходящие в кулацком хозяйстве в связи с проводимым на него наступлением.

[1]) Говоря о новых методах борьбы кулака, надо, конечно, иметь в виду, что целый ряд из них (методов) кулак применял и ранее. Новыми они являются постольку, поскольку за последнее время кулак особо широко преимущественно прибегает именно к этим приемам борьбы.

Кстати, если верить исчислениям тов. Ларина («Большевик» № 22, 1927 г.),—две трети нынешнего кулачества—продукт дореволюционной формации. Видимо, на деле процент «сохранившихся» дореволюционных кулаков меньший. Но уж одно то, что значительная часть кулаков удержала средства производства, пронесла свое кулацкое (пусть временно, частично законсервированное) хозяйство через огонь революции, комбеды, гражданскую войну, показывает, что смешно было бы тешить себя мыслью, будто год усиленного наступления может сломать хозяйственную мощь кулака. Требуются годы социалистического строительства, чтобы этого добиться.

Дать полное освещение экономических процессов, происходящих в кулацком хозяйстве и вызванных проводимым на него усиленным наступлением, не представляется возможным. Эти процессы нужному изучению (если не считать отдельных районов, в роде Сибири) не подвергались. Самое большое, на что может рассчитывать эта статья—послужить дополнительным материалом при общей постановке изучения этого в высшей мере интересного вопроса.

Кулак и индивидуальное обложение

Прежде, чем перейти к разбору самих методов борьбы кулака за сохранение и расширение своего эксплоататорского хозяйства,—полезно хоть вскользь коснуться результатов проведенного индивидуального обложения по ЕСНХ. Это несколько поможет ответить на вопрос — в какой же мере кулаку удаются его маневры, рассчитанные прежде всего на то, чтобы скрыть эксплоататорский характер своего хозяйства, вывести возможно большую часть своих доходов из поля зрения государственного учета (не только чтобы избавиться от повышенного налога, но—что для кулака не менее важно, — чтобы скрыть свое лицо, не лишиться избирательных и прочих прав, льгот, кредитов и т. д.), обратить возможно большую часть своих накоплений в необлагаемые об'екты, сохраняющие, однако, возможность дальнейшей эксплоатации и закабаления маломощных слоев крестьянства. Опыт проведения индивидуального обложения может помочь проверить не только качество нашей налоговой практики, но в известной мере и результаты «маневренной деятельности» кулака.

Как известно, вместо 3% хозяйств, намеченных к индивидуальному обложению, на деле привлеченными оказались только 1,5%, при чем в результате проведенного пересмотра — процент индивидуально обложенных хозяйств еще более сократился. Так, по 21 району РСФСР до пересмотра было привлечено 1,4%, — после пересмотра — 0,7%, по Уралу — соответственно 1,6%—0,6%; по Сев. Кавказу—3%—1,6% (НКФ ориентировочно намечал 4%), отдельно по Кубани, известной достаточно мощной прослойкой кулачества—2,6%—1,6%; по Самарскому округу—1,5% (вместо намеченных 3%)—0,6%; по 23 округам Украины—2,24% (вместо намеченных 3%)—1,1%.

Эти цифры невольно вызывают вопрос: неужели в стране не имеется «в наличности» 2—3% кулацких хозяйств, достойных включения в состав индивидуально обложенных? Если плодом больной фракционной фантазии и предельной демагогии была появившаяся в свое время оппозиционная арифметика, по которой кулак «исчислялся» в десятках процентов, то, ведь, не более серьезным и стоящим не большего доверия будет утверждение, будто 3% кулаков, подлежащих индивидуальному обложению, не имеется. А, ведь, нужно иметь в виду, что учет подлежащих индивидуальному обложению прошел до ноябрьского пленума ЦК, т.-е. до специального указания на необходимость обложения лишь наиболее богатой части кулаков. Из всего сказанного следует, что значительная часть кулаков ухитряется целым рядом маневров, маскировок, приспособления уйти от учета и от индивидуального обложения.

В известной степени отсюда же вытекает об'яснение того факта, что при безусловном недообложении в индивидуальном порядке кулака, оказалось незаконно обложенным некоторое количество середняков, что и вызвало необходимость в серьезном пересмотре и отсеве «индивидуалов». На этом примере (как и на примере самообложения, а также проведенных в прошлую хлебозаготовительную кампанию процессов по 107 статье) легко убедиться в том, что часто перегиб в отношении середняка (а иногда даже бедняка) является прямым следствием или во всяком случае сопровождается явным недогибом в отношении кулака. То, что частенько, на ряду с недовыявлением кулака переоблагается середняк, об'ясняется как недостаточной гибкостью налогового аппарата [1]), наличием прямых злоупотреблений, взяточничества, проявлением чиновнического рвения («главное нагнать свои 3% и раз я кулака не обнаружил, не беда, если середняк поплатится»), так и сознательной деятельностью самого кулака, умело использующего все возможности, чтобы отвести удар от себя и перевести его на середняка или бедняка.

Тот, кто голосует против индивидуального обложения кулака, — должен бы призадуматься над прошлогодним опытом проведения этого мероприятия. Если значительная (чуть не большая) часть кулаков ухитрилась скрыть свои доходы даже при индивидуальном обложении, то как можно надеяться на их действительно полное обложение при обычных налоговых нормах? Если индивидуальное обложение перестанет быть делом одних только органов фиска, если низовая партийно-советская общественность всерьез займется подготовкой, организацией, проведением этой важнейшей политической кампании—она (эта кампания) сможет значительно помочь индивидуальному, достаточно полному изучению кулака, выявлению динамики и конкретных путей развития эксплоататорского хозяйства, нащупыванию конкретных позиций кулака. Все это поможет не только наиболее полно выявить доходы кулака и их обложить, но, что не менее важно, это поможет в местной практике лучше ориентироваться для максимального сосредоточения сил и средств против тех из экономических позиций кулака, где он в условиях данного района особо силен.

Переходим к изложению самых методов кулацкого «приспособления».

„Работа" через машину.

С.-х. машина приобретает для кулака то ценное преимущество (перед посевом, скотом), что, являясь в его руках серьезнейшим орудием эксплоатации безынвентарных и малоинвентарных хозяйств, она (с.-х. машина) вместе с тем обычно сравнительно легко внешне принимает вполне «трудовой» вид, скрывая свое эксплоататорское нутро и значительные доходы, которые она приносит своему хозяину. При том положении, когда у зажиточно-кулацкой верхушки села в основных производящих районах сосредоточено до одной трети всех с.-х. машин, в то время как на долю 30% низших групп хозяйств приходится только 5—7% всех средств производства (а сложных машин совсем мизерный процент)—одно лишь усиление эксплоатации машин может вполне компенсировать пробел в кулацком хозяйстве, получаемый от сокращения им посевных площадей.

В этой связи значительный интерес представляют данные о перегруппировке в социальном распределении с.-х машин по Сибири за последний год [1]). При сохранении в общем и целом основных пропорций в распределении с.-х. инвентаря—кулацкая группа увеличивает свою долю в молотилках и зерноочистителях, т.-е. наиболее доходных (по крайней мере, в условиях Сибири) машинах. «Обладая «культурной» молотилкой БДО—34..., иной просвещенный сельский хозяин и при средних размерах собственного посева ухитряется «намолотить» в свои закрома 2—3 тысячи пудов полновесной соседской пшеницы. С миру по нитке» [2]). По данным обследования группы кулацких хозяйств Алейского района, Барнаульского округа, от сдачи одной только молотилки на протяжении одного сезона кулацкое хозяйство получает в среднем 400 рублей дохода.

Можно привести еще такие примеры: «Лепешкин—кулак сжал полдесятины беднячке Уткиной, за это она у него 4½ дня молотила и возила» (Средняя Волга). «Ножин живет в Благовещенске, а паровик и молотилка работают на него в селении Волково. Молотит Ножин крестьянам с 13-го пуда. За день ему приходится за обмолот десять кулей». (Амурский округ).

О том, что кулак энергично приналег на рычаги эксплоатации через свои машины и прочий с.-х. инвентарь, ярко свидетельствуют данные гнездового обследования по Сибири. Процент кулацких хозяйств, сдававших сложные с.-х. машины, за последний год возрос с 76,5 до 87,1; сдававших простой с.-х. инвентарь—с 17,7 до 39,9; рабочий скот с простым инвентарем—с 15 до 27,8. Изучение этого вопроса по другим районам (Ср. Волга) показало, что благодаря значительной тяге в особенности маломощных слоев деревни к увеличению своих посевов при их нищенской обеспеченности инвентарем—расширение размеров сдачи кулаком своего инвентаря отнюдь не сопровождается снижением цен за прокат. При том положении, когда, например, по Сибири 65,6% бедноты прибегает к найму сложных машин (в прошлом

---

[1]) К слову сказать, не совсем хорошо звучит в устах представителя НКФ, каковым является тов. Лившиц, заявление, сделанное им в № 2 «Большевика» (М. Лившиц—«Обложение сельхозналогом в индивидуальном порядке»), о том, что «вряд ли к обложению в индивидуальном порядке в будущем году будет привлечено больше хозяйств, чем в истекшем году». Из директивы пленума ЦК о применении индивидуального обложения лишь в отношении наиболее богатой части кулацких хозяйств и притом не более 3% всех хозяйств, отнюдь не следует, что обнаруженное практикой прошлого года неумение полностью выявить эту группу кулаков можно возвести в добродетель и на этом успокоиться. Следует добиться не только недопущения перегибов в отношении середняка, но и наиболее полного выявления кулаков. Разговор о «стабильности» явно неуместен. Тов. Лившиц зря ссылается на решение пленума ЦК.

[1]) Коврайский и Гусинов—«Классы и классовые отношения в современной советской деревне».

[2]) Там же.

году 60,1%) 35% (в прошлом году 27,2%)—к найму простого инвентаря[1]) кулаку жаловаться на отсутствие спроса не приходится.

Успешно маневрировать своим с.-х. инвентарным резервом кулаку (кроме общего недостатка в деревне с.-х. инвентаря) особо помогает крайне медленный темп в развертывании государственно-кооперативного машинного проката, безобразная бесхозяйственность, царящая во многих прокатных пунктах, слабая организация использования не полностью загруженного инвентаря колхозов, совхозов. Вот почему большую ценность приобретает проведенный рядом районов (Средняя Волга, Сев. Кавказ, ЦЧО и др.) в этом году широкий опыт вовлечения в плановое использование всего наличного в деревне с.-х. инвентаря—через супряжный кредит, заключение договоров с владельцами машин и многолошадниками на обработку за установленную плату полей бедноты, обмолот хлеба, заключение договоров между ККОВ и колхозами и т. д.

Сдача в аренду на более или менее продолжительное время с.-х. машин влечет за собой увеличение налога. Однако, скрыть наличие, а в особенности размер сдачи машин, при нынешнем состоянии нашего налогового аппарта, его «гибкости»,—дело уж не такое трудное. Во всяком случае куда более легкое, нежели скрыть часть посева или даже скота. С этой целью, в частности, кулак предпочитает «работать» в чужих деревнях. Если доход со сложной молотилки в той или иной мере учитывается, то сдача в прокат простой молотилки чаще всего—вне налогового контроля. Между тем при умении с 8- и даже 6-конной молотилки «умный хозяин» выколачивает изрядное количество хлеба. Вот пример: по с. Смышляевке (Самарского округа). У Клычкова В. — 3 лошади, 2 коровы, 10 овец, 13 гектар посева, платит налогу 76 р. Имеющаяся у него конная молотилка, нисколько не облагаясь, приносит ему дохода до 13 тонн пшеницы в сезон. Надо учесть, что по установившимся традициям людей и лошадей на молотьбу поставляют наниматели, а не владелец молотилки. Расчет, как правило, производится натурой, зерном. Следовательно, излишне не расширяя посевов, Клычков приобретает солидный хлебный запас, особо выгодный тем, что он крайне плохо поддается учету, и поэтому наиболее подходящий для спекулятивного маневрирования.

„Рационализаторская" деятельность кулака.

В поисках наиболее доходных и вместе с тем наименее поддающихся учету и обложению об'ектов накопления кулак начинает все более энергично разворачивать «рационализаторскую» и «культурническую» работу в своем хозяйстве.

Он в ряде мест проводит твердую линию на породистый скот. «Вместо 6 навозниц—3 породистые молочные коровы», «племенной производитель—вместо крестьянской коняки» и т. д., и т. д. От подобной деятельности кулака приходит нередко в священный восторг иной земотдел, и кулацкое хозяйство получает звание «культурного». Один пример по той же Смышляевке. Кулак владеет племенным производителем, которым обслуживает все село, по 5 рублей за покрытую матку (гос. случного пункта нет во всей округе). Как культурник, этот кулак получает в бесплатное пользование луга, в которых село сильно нуждается, он пользуется и рядом других льгот.

По разным районам пути изменения направления кулацкого хозяйства разные. Так, напр., по Сибири кулак особо рьяно переходит от коровы к овце; по Средней Волге он усиленно занялся свиноводством; по отдельным

[1]) Данные по Сибири из книги тт. Коврайского и Нусинова. Примерно такой же процент прибегающих к аренде машин, а также простого с.-х. инвентаря показывают Урал, Средняя Волга, Сев. Кавказ и ряд других районов.

районам Северного Кавказа он увлекается пчелами. Например, в станице Удобной, Армавирского округа, кулак попродавал скот и приобрел пасеку в 50 рамочных ульев. Очень часто и во многих местах своеобразная «рационализаторская» деятельность кулака выражается в форме систематической спекуляции необлагаемым молодняком скота.

«Некоторые зажиточные перестраивают структуру своего хозяйства путем перехода на животноводство, использование своего инвентаря для обработки земли маломощным, наем в извоз, содержание раз'ездных почт и т. п. Вот интересный тип такого хозяйства: Стекольников из хут. Дарганов, Котельниковской станицы.

Стекольников, сокращая посев (в прошлом году было 35 га — теперь 28), выезжает на скоте и использовании рыночной кон'юнктуры. Разводит молодняк (сейчас у него до 30 телят) и по достижении налогового возраста—продает.

Осенью покупает волов по 70—80 руб., за зиму подкормит, а весной продает по 200 руб. Имеет дело преимущественно с частными закупщиками. Фактическая доходность его в 3—4 раза выше показанной. По округе слывет за самого умного и изворотливого хозяина—«вот с кого нужно пример брать»—говорят даже зажиточные[1]) (Сталинградский округ, из материалов обследования отдела ЦК по работе в деревне).

Видимо, также и с этой точки зрения своеобразной «рационализации» своего хозяйства кулак стремится к увеличению своих хлебных запасов при некотором сокращении посевов. Ограниченный в возможности желаемого расширения своего хозяйства (механизация, аренда, наем и т. д.), пользуясь вместе с тем наличием значительного разрыва между заготовительными и рыночными ценами на хлеб—кулак, естественно, особо широко прибегает к натуральной форме накопления. При этом его хозяйственный лозунг в настоящее время не столько: «больше сей», сколько: «меньше продавай государству». Можно привести массу примеров скупки кулаками зерна, в особенности осенью. Имеются даже случаи, когда кулак ухитряется в течение продолжительного времени скупать в кооперации печеный хлеб (Самарский округ).

Если учесть значительный дефицит в хлебе у бедноты (например, данные по Сибири, показывают, что батрацкая группа имеет по зерну дефицит в размере около 42% к валовому сбору), то станет ясной роль хлеба не только как формы натурального накопления, но и отнюдь не последнего рычага в деле хозяйственного и политического закабаления бедноты. И только уверовавший в «мирное» врастание кулака в социализм может думать, что при общей дефицитности зерновой продукции в стране кулак добровольно, «мирно» выпустит из рук такое «убедительное» оружие, как 20—25%[2]) товарной массы хлеба.

Не даром сказано в одном писании: «Мы ему (кулаку) оказываем помощь, но и он нам». И разве не из этой безграничной уверенности в кулацкой помощи исходил тов. Фрумкин, когда на замоскворецком партактиве после ноябрьского пленума ЦК развивал такую мысль: «Мы совхозы должны строить, но не в ударном и сверхударном порядке, а спокойнее. Я думаю, что не будет в этом ни левого, ни правого уклона, если я скажу, что, построив одну фабрику, посмотрим, что из этого выйдет, а потом года через 2 построим другую». Разве можно обвинять тов. Фрумкина

[1]) Между прочим, этот Стекольников... коммунист.

[2]) По данным т. Вольфа (брошюра «Пути реконструкции с. х. в пятилетке»),—10% хозяйства, представляющих зажиточную верхушку села, владеют до 40% всего товарного хлеба.

в недооценке роли совхозов и борьбы с кулаком, когда он так решительно настроен за строительство совхозов... Правда, по одному в 2 года, да и то, если они (совхозы) оправдают его (Фрумкина) доверие. Что же касается хлеба, то его даст кулак, заграница и прочие «добрые люди».

Кулак и наем рабочей силы.

Стремление к скрытию предпринимательского характера своего хозяйства заставляет кулака особо тщательно маскироваться на фронте найма рабочей силы. Закон об из'ятии кулацкого найма из общего положения определенного «временными правилами», угроза лишиться избирательных прав и прочие ограничения, вызванные решениями XV партс'езда, все это прежде всего заставляет кулака изменить *тип* найма. Там, где не удается укрыть батрака под вывеской примачества («племяша», «сиротки» и т. д.) кулак идет прежде всего на изменение сроков найма. Он сплошь и рядом в течение *круглого года* ухитряется маневрировать временными и поденными батраками. Так, например, по БССР за последний год при общем снижении размеров наемного труда количество поденных увеличилось на 13%. Увеличение поденных дает и РСФСР. Сплошь и рядом с одним и тем же батраком кулак заключает договор в течение *многих сезонов*, не числясь при этом хозяйством, прибегающим к постоянному найму[1]). Меняя батраков, но пользуясь ими круглый год, кулак благодаря почти полному отсутствию охвата труддоговорами поденщиков вовсе избегает учета. При этом он особо широко пользуется обусловленным законом 2-недельным испытательным сроком, растягивая его до бесконечности.

О том, как кулак в целом ряде случаев усиленно обходит поставленные рогатки на пути его сверхэксплоатации батрачества, показывают в частности данные выборочного обследования по Средне-Волжской области. В то время как в кулацких хозяйствах сосредоточено до 40% всей наемной силы,— договорами по КЗОТ охвачено только 10%. Остальная масса батраков, работающих в кулацких хозяйствах, или вовсе не охвачена труддоговорами или же работает на основе «временных правил». При чем общий охват труддоговорами кулацких хозяйств *вдвое* ниже среднего охвата всех крестьянских хозяйств.

Следует также упомянуть, что кулак, в особенности за последнее время, занялся энергичным «омоложением» состава своих батраков, а также усиленной вербовкой женщин, в особенности подростков. Так данные по ряду округов Северного Кавказа показывают, что взрослые батраки, составлявшие в 1927 году 84% ко всему найму, в конце 1928 года составляют уже только 64%. Замещение мужского труда женским выявило, в частности, обследование Бийского округа, где мужской труд составлял в 1927 году—64,2%, в 1928 году только 57%. Подобная тенденция вскрылась при изучении этого вопроса и по ряду др. районов Союза[2]). Расчет кулака ясен: зверски эксплоатировать подростка и батрачку куда легче, нежели взрослого рабочего. Меньше хлопот и боязни излишнего активничания, роста классового самосознания и т. п. «неприятностей».

---

[1]) В споре с саратовскими статистиками В. И. Ленин в «Развитии капитализма в России» указывает, что поденный наем—«в высшей степени характерный признак крестьянской буржуазии». Нет сомнений в том, что роль поденщика при нашей, ограничивающей рост кулака политике еще более усиливается, между тем, обычно в практике кулака ищут только среди нанимателей годовых и сезонных рабочих.

[2]) Имеется в виду проведенное отделом ЦК по работе в деревне осенью 1928 г. обследование девяти округов и губерний.

См. также «На Аграрном Фронте», № 11—28 г., статья А. Мельникова.

Вот пара примеров о характере сверхэксплоатации. «Подросток Щербаковский за 2½ месяца работы получил 1 рубаху»; подросток Ильин, проработав 4 месяца, получил только портянки»[1]). «У попа Розанова батрачка Антипова работает за 2 руб. в месяц. Поп возит на ней воду, заставляет работать круглые сутки» (Переясл. район).

Если вообще кулак сплошь и рядом не платит полностью обусловленной договором зарплаты батраку, то чаще, безбоязненнее, наглее всего он это делает по отношению к подросткам. Кстати на примере ЦЧО можно проверить внимание сельсоветов к делу найма. На 1/VII—28 г. 681 сельсовет области вовсе не регистрировали труддоговоров, кроме того очень часто при регистрации молчаливо оформляли явно кабальные условия. Об этом же говорят данные Вятской губернии, Узбекистана и др. районов.

Кулак и аренда земли.

На участке аренды *практически* кулак хуже всего изучен, здесь он особо часто обходит советские законы, в ряде случаев посягая на самые устои национализации земли.

Под'ем бедняцко-середняцких хозяйств, растущее колхозное движение, землеустройство — все это естественно подрезает возможности кулацкой эксплоатации и в этой области, однако, до сих пор еще аренда, как известно, широко распространенное явление, а доля кулака в ней весьма велика. Так, по Сев. Кавказу 5,9% хозяйств со средствами производства свыше 1.600 р. держат в своих руках 33,3% всей арендованной пашни и сенокоса. По РСФСР и Украине—около 20%. Судя по данным ряда районов, последний год дает известное сокращение учтенной кулацкой аренды. Здесь сказываются одновременно—под'ем маломощных хозяйств и более осторожный подход кулака к «излишнему» расширению посевов. Однако, эта осторожность отнюдь еще не означает, что кулак пошел на решительное сокращение аренды. Во многих отношениях кулаку выгоднее сокращать посевы на своей надельной земле, увеличивая при этом аренду. То, что он теряет на арендной плате, кулак часто может компенсировать возможностью более легкого обхода с.-х. налога при «умелой» аренде. При этом, чем более кабальный характер носит аренда, тем легче (так это очень часто в практике) кулаку сохранить внешне «трудовой вид» и скрыть истинный размер аренды.

Невзирая и вопреки специальному положению о том, что «арендованная земля учитывается по хозяйству арендатора» (ЕСХН), сотни примеров показывают, что плательщиком зачастую является сдатчик. Очень часто это— первое и обязательное условие, пред'являемое кулаком при аренде. Если учесть, что основное ядро сдатчиков составляют бедняки, преимущественно вовсе освобожденные от с.-х. налога или платящие крайне незначительный налог, то станет ясным, что за некоторую надбавку к арендной плате кулак легко может доказать хозяйственную выгоду для бедняка, скрыть факт сдачи земли в аренду. Легче всего скрыть следы аренды, конечно, при *издольщине*. Что стоит выдавать это в качестве «супряги»[2]), «добрососедской помощи» и т. д., при этом особо безнаказанно диктуя кабальные условия.

Данные ЦСУ (гнездовое обследование) показывают особое расположение кулака к этой форме аренды. Например, из всех арендующих землю

---

[1]) Из еще неопубликованных материалов средневолжской облпрокуратуры, обработаниых т. Ерихонотовым.

[2]) Для пущей «популяризации» идеи коллективизации в некоторых местах лозунг «вперед, к крупному общественному хозяйству» готовы подменить лозунгом «все в супрягу». Несомненно, имеется необходимость в большем изучении широчайше распространенных супряжных форм и вскрытия элементов закабаления, заложенных в самой супряге (при супряге зажиточного с бедняком, со вдовой и т. д.).

кулацких хозяйств по Украине 51,6% прибегают к издольщине, по БССР—60%, по Закавказью—89,6%, по Туркмении—82,8%. То обстоятельство, что издольщина довольно широко развита не только в отсталых районах Союза (в роде Казахстана, республик Средней Азии), для которых типично сохранение некоторых докапиталистических пережитков, но и в районах, где сравнительно давно и с достаточной полнотой расчищены остатки этих отношений в деревне, то обстоятельство, что удельный вес хозяйств, прибегающих к издольной форме аренды, очень часто выше всего в верхушечных слоях, т.-е. наиболее товарных хозяйствах деревни,—все это показывает, что в поисках путей обхода советских законов, в поисках защитного цвета, кулак не может не использовать такую удобную форму укрытия, маскировки, как издольщину, прибегая местами даже к ее реставрации. Недаром, судя по отдельным данным, последний год дал по ряду мест дальнейший рост издольщины.

Интересно отметить один из тактических приемов кулака, примененный им особо широко за последний год и рассчитанный на снижение арендных цен. Кулаком пускается упорный слух: «налоги заели, хватит с нас своей земли, не станем больше землю арендовать». Попутно (в целях «конкретизации») пускается утка, что в таком-то селе арендаторы уже отказались от ранее арендованных участков, «беднота плачет, вдвое цены сбавила, однако, землю никто не берет». Время идет, кулак упорно отмалчивается. Беднота, подсчитав, что при всем желании ей всей своей земли все же не поднять, начинает серьезно беспокоиться, как бы не лишиться прошлогоднего арендного приработка. Она постепенно подготовляется к значительным уступкам, и тогда кулак легко может продиктовать свои условия. Иногда он действительно отказывается от аренды, даже издольно, это означает, что кулак находит более выгодным в данный момент (кон'юнктура!) выступать не в качестве арендатора земли, а в качестве сдатчика с.-х. инвентаря. Хозяйственное «полнокровие» ему это позволяет[1]). Множество кабальных, сделок, вскрываемых по значительному количеству районов в особенности за последнее время (к примеру по одному Илецкому району, Оренбургского округа, недавно вскрыто 200 кабальных сделок, по Пономаревскому району Бугурусланск. окр.—375 и т. д.), красноречиво иллюстрируют характер условий, диктуемых кулаком при обработке им бедняцких наделов.

Недопустимо слабое осуществление низового государственного контроля за арендными отношениями зачастую приводит к прямым и успешным вылазкам кулака против самой национализации земли. За последние месяцы выявлено большое количество случаев купли-продажи земли не только в окраинных, но и центральных районах Союза. Чаще всего под видом «покупки строений не на снос» кулак широко спекулирует землей, покупая и перепродавая земельные наделы под самым носом низовых соворганов. Подобных фактов много по Тверской губ. (Осташковский, Кошкинский уезды), Брянской (торговля хуторами в Столбцах, скупка земли в Бежецком и Клинцовском уездах). О том, что «за последнее время в некоторых округах выявлены массовые случаи скрытой продажи земли», сообщают и с Урала. Подобные сведения идут и с Поволжья, Сибири, Московской, Калужской губерний, с Украины, Ленинградской области и т. д. Характерно, что при этом кулак опять же ухитряется «так сделать, что налог (за эту землю) продолжают платить бедняки» («Тверская Правда»). Проверка уральской прокуратурой соблюдения на местах закона о национализации

---

[1]) Прн изученнн этого вопроса в Чапаевскои районе, Самарского округа, выявилось, что по установнвшимся нормам «божеской ценой» считается 30—40 руб. за вспашку (только вспвшку) хозяйственной десятнны. Однако, смвневрнроввв нв отказе от дальиейшей аренды бедняцких земель, кулак тут же запахивал своим бывшим сдатчикам-беднякам иа значнтельно более квбальных условиях.

земли выявила ряд случаев, когда нарушение советских законов механически штемпелюется низовыми советскими органами. Это типично не для одного лишь Урала. Вот образчик: в одном из районов Нижней Волги сельсовет, как ни в чем не бывало, регистрирует следующий документ: «взамен переуступаемого усадебного и огородного участка получено от гр. Военовича 200 руб. денег».

При освещении арендных отношений кулака следует также отметить практику сдачи в платную аренду госземфонда. В практическом руководстве госземфондом далеко еще не повсюду изжита крайняя бесхозяйственность и классовая бесхребетность, что, конечно, прекрасно используется кулаком. Взять к примеру Самарский округ. Там свыше 70% всей крестьянской аренды зиждется на государственном земфонде. Зажиточная верхушка, невзирая на усиленное налоговое обложение, продолжает и в этом году расширение аренды на землях госфонда. По округу в целом зажиточные хозяйства в 1927 г. арендовали 18% всей сдаваемой (в платную аренду) площади, в 1928 г.—20,5%. По отдельным районам рост еще больший: по Б. Глушицкому району зажиточные арендовали в 1927 г.—24% всей площади, в 1928 г.—34,6%. Особая любовь кулачества к госфонду об'ясняется прежде всего тем, что это—обычно лучшие по качеству участки земли и при этом сдаются они фактически почти бесплатно. Так, на 1/III—29 года числилось до 70% недоимок, при отсутствии точного учета действительного размера участков, используемых арендатором. Прямой расчет посевы на надельной земле не особо расширять, дать ей «поотдохнуть» и бесплатно попользоваться государственными землями.

Ярким (хотя из ряда вон выходящим) примером того, как кулаку удается иногда захватить фактически почти в постоянное пользование участки госземфонда, может служить не так давно раскрытое дело кулаков-арендаторов в Казахстане. Два брата Гавриленко, Урывский и Пивоваров с 1923 года пользовались 810 гектарами прекрасно орошаемой земли. Они засевали максимальную площадь земли под хлопок, грубо нарушили все основные пункты договора и все же сохранили за собой эту землю до середины 1928 г., и владеть бы им ею дальше, если бы казакстанские парторганы вплотную не подошли, наконец, к этому делу.

Надо заметить при этом, что пять обследований, предшествовавших окончательной ликвидации этой шайки, и все высокоавторитетные комиссии, куда входили даже руководители наркоматов, все в основном находили удовлетворительным. Между тем последнее обследование, проведенное под руководством члена ЦКК т. Манжара, пришло к выводу, утвержденному Казакрайкомом, что «с помощью беспощадной эксплоатации земли и рабочих арендаторы Гавриленко, Урывский, Пивоваров выросли из кулаков в помещиков, являясь одновременно организаторами и вдохновителями кулацко-байских элементов и экономической скрытой борьбы против сов. власти», «земля обрабатывалась хищнически», «условия договора грубо нарушались», «батраки и чайрикеры (издольщики) зверски эксплоатировались». Интересная деталь: республиканские судебные органы уже после выявления существа всего этого дела не решились на большее, чем конфискацию имущества Урывского и Пивоварова в половинном размере!

Кулак и колхозы.

Изворотливость, предприимчивость, маневры кулака естественно направлены не только на сохранение своего хозяйства, но и на повышение его «качественных показателей», его механизацию, индустриализацию. Острый кулацкий глаз видит, какое огромное поле имеется для эксплоатации по линии сдачи в прокат машин. Кулак подсчитывает, сколько можно нажить на

промышленной переработке с.-х. сырья, кулак видит настоятельную необходимость лучшего землеустройства. Вместе с тем кулак ощущает тяжелые преграды в осуществлении всех этих своих задач в политике всемерного ограничения его (кулака) доли в машиноснабжении, в кредитовании, жесткой классовой линии в землеустройстве и т. д. В растущем колхозном движении он видит основного и наиболее осязательного своего врага, постепенно вышибающего самую почву кулацкой эксплоатации. И наиболее предприимчивый, смелый, дальновидный кулак лихорадочно ищет путей обхода этих преград, не только пуская в ход обрез, поджог, погром, не только по линии лобовой атаки, но и по линии глубокого обхода в тыл. «Передовой» тип кулака ясно видит, что на сегодняшний день лобовая атака ему не выгодна: «плетью обуха не перешибешь», а раз так, где силой взять нельзя, там надобны маневры, гибкость, приспособление.

Тактика кулака в отношении колхоза при всем своем многообразии в основном сводится к следующему. Вначале он все делает, чтобы помешать колхозному строительству. Провокационным слухом, подкупом, угрозой, а то и поджогом, борется кулак с колхозным движением. С бешеной энергией ведет он «массовую» работу среди крестьянства, прежде всего среди стариков, верхушки середняков, обрабатывает земельное общество, использует церковь, и на время подчас добивается своего. Однако по мере того, как он воочию убеждается, что таким образом остановить движение нельзя, кулак пытается использовать его в своих интересах. Кулак сам вступает в колхоз, а чаще пытается создать свой лжеколхоз. Как в первом, так и во втором случае его основная установка — не выпускать из рук своих рычагов эксплоатации, своих средств производства, стать во главе (самому или через своих ставленников) колхоза, тем самым обеспечив его (колхоза) направление. Задача кулака — идя на обобществление лишь в рамках неизбежного — воспользоваться максимально всеми льготами, машинами, кредитами, вывеской колхоза. Эта форма борьбы кулака с колхозным движением отнюдь не носит единичного характера.

Невзирая на все проводимые в колхозах чистки, отборы при оформлении устава, при приеме новых членов, при кредитовании, кулаку зачастую удается достигать посредством этого метода борьбы значительных успехов. В качестве примера массового применения кулаком именно этого обходного маневра может служить недавно обследованный ЦК ВКП Самарский округ. Там лишь в декабре 1928 г. и то благодаря огромнейшей работе, проведенной местными партийными и кооперативными организациями, удалось выявить и ликвидировать до 25% всех колхозов, 44% машин. товариществ, 100% мелиоративных товариществ. Но даже после чистки процент кулаков в колхозах округа не снизился ниже 8. По этому же округу обнаружились многочисленные случаи, когда лжеколхоз, состоящий почти сплошь из кулаков и зажиточных, значительно щедрее соседних настоящих колхозов снабжался машинами и кредитами.

К примеру, кулацкий лжеколхоз «Труд» (Спасский район), состоящий из 28 дворов, получил 4 трактора (они вскоре разошлись по индивидуальным кулацким дворам), жнейки, косилки, молотилки, другие сложные машины, конечно, все в кредит. Этот лжеколхоз получил в аренду по льготной цене землю госфонда (которая была захвачена 10 самыми крепкими из крепких «колхозников»). Артель имела 36 батраков, из них 20 постоянных. На собраниях эти «колхозники» гордо именуют себя «пионерами машинизации». (Увы, за счет советских кредитов). Когда поближе ознакомились с физиономией этих «пионеров» — 25 глав семей оказались лишенными голоса.

Тут же по соседству имеется другой колхоз «Волна», состоящий из бедняков. Как в отношении машин, так и прочих кредитов этот колхоз на задворках получает все частенько в последнюю очередь. Кстати, несмотря на это бедняцкий колхоз выжил и даже перешел на устав с.-х. коммуны. Характерно, что в описываемом селе (Тростянка), невзирая на большую очистительную работу, приведшую к ликвидации ряда лжеколхозов, все же спустя 2 месяца, при повторном обследовании оказался «незамеченным» и неликвидированным ранее такой «колхоз», как «Новая Деревня», который состоит из 10 дворов, из них 3 брата Блиновых (организаторы, владеют трактором), 2 зятя, сват с сыном и 3 Чернышевых. Получили они в кредит трактор, молотилки и другие машины. Пример с. Тростянки лишний раз показывает эластичность врага, трудность его выявления даже тогда, когда энергии на это дело затрачивается не мало.

Следует привести еще один пример по этому округу из опыта реорганизации хозяйств по типу засухоустойчивому. В свое время (1925—1926 гг.) в отобранные хозяйства для гнездового комплексного кредитования за счет 77-миллионного фонда реорганизации с.-х. в засушливых районах попала известная часть зажиточно-кулацких хозяйств. За эти годы при общем под'еме реорганизуемых хозяйств кулацкая прослойка также значительно выросла. Систематически пользующихся наймом рабсилы было среди реорганизуемых хозяйств 1,6% — стало 7,1%, арендующих землю было 10% — стало 20% и т. д.[1]). Когда местные организации (с конца 1928 года) взяли более четкую линию на усиление коллективизации за счет отпускаемых кредитов и прочей помощи реорганизуемым хозяйствам, когда перед зажиточными хозяйствами тем самым стал вопрос о прекращении их облагодетельствования за счет государства[2]), многие из них, еще недавно срывавшие всякую попытку к коллективизации, переменили тактику. С молниеносной быстротой один за другим наиболее мощные поселки стали создавать «колхозы», конечно, без соответствующего обобществления средств производства. Наиболее ярким примером «механики» этой кулацкой тактики является поселок Алакаевка, Кинельского района. Назвав свой «колхоз» ленинским (в этих местах некогда проживал Владимир Ильич), небольшая группа кулаков - «колхозников» вывески ради приняла в свой состав некоторую часть маломощных хозяйств, получила в кредит 6 тракторов, 6 молотилок, полный набор других сложных машин и, захватив все это в свои руки, приступила к оголтелой эксплоатации как маломощных слоев собственного поселка, так и окрестного населения. Сущность этого «образцового» колхоза была раскрыта лишь в начале 1929 г. благодаря вмешательству окружных парторганов.

Подобных фактов можно привести в достаточном количестве и по другим районам Союза. В Бугурусланском районе с.-х. артель «Правда» в своем составе имела ? торговцев, 2-х мельников, 2-х бывш. жандармов, одного знахаря, 11 кулаков и 4-х, вовсе не связанных, с с. х. Артель занималась всем — спекулировала хлебом, мясом, бакалеей, мануфактурой. Ничего обобществленного в ней не было. А получили кредита 4.000 руб. В Орском районе несколько кулаков организовали машин. т-ва, получив в кредит сложные машины. Путем проката в сезон 1928 года нажили за счет крестьян 130 тонн хлеба.

«В Кокоревской волости (Ярославск. губ., Молочн. уезда) организовалось т-во по совместной обработке земли в составе 12 хозяйств, из которых половину необходимо отнести к кулацко-зажиточным. Цель т-ва—об'единить крепких хозяев, имеющих хорошую землю—для удержания ее во время

---

[1]) На III сессии ВЦИК (ноябрь 1928 г.) подобное явление отмечалось также по Нижней Волге и Северному Кавказу.

[2]) Получается, что на деле лозунг «не мешайте производству кулацкого хозяйства» звучит примерно так: «не мешайте кулаку проглатывать добрую часть государственных кредитов, подыматься на советских кормах».

землеустройства»[1]). Само собой разумеется, что наивыгоднейшей формой лжеоб'единения является не сложный тип колхоза, а простейший, в особенности производственно-*кооперативный*. Недаром чаще всего кулак прячется под вывеской машинного т-ва. Решение Ярославского ГК по итогам обследования машинных товариществ губернии говорит следующее: «Наиболее бурный рост машинных товариществ наблюдается в 1928 г., когда в течение посевной (весенней) кампании их вновь организовалось 139. Незначительное число бедноты в составе товариществ и наличие в них зажиточных и кулаков говорит о том, что зажиточно-кулацкая часть деревни ищет себе выход в получении машин на наиболее выгодных условиях, так как получение их в индивидуальном порядке затруднено». Кулаки с. Барда (Бийский округ) так выразили свое отношение к организации колхоза: «Везде организуются коллективы и всю землю захватить хотят. Нам также нужно организоваться, тем более, что коллективам всюду льготы и поддержка. Нам нужно об'единить только пашню, чтобы ее не отобрали другие колхозы».

Усиление внимания партсоветской общественности к колхозному строительству, усиление борьбы с лжеколхозами все более и более затрудняют возможность создания «чистого» зажиточного кулацкого об'единения. Поэтому, кулак не только организует кулацкие об'единения, он в ряде случаев вступает в бедняцко-середняцкий колхоз. Судя по материалам ЦСУ[2]), процент зажиточной верхушки крестьянства в колхозах по ряду районов снизился. Но это еще отнюдь не говорит за то, что нет *абсолютного* роста кулаков в колхозах. Стихийный рост колхозного движения мог снизить по ряду районов удельный вес кулачества (этой в общем незначительной прослойки села), однако, количество кулаков в колхозах при этом могло увеличиться. Тов. Гайстер в своей работе показывает, что в с.-х. артелях, организованных в 1928 году, процент хозяйств, владеющих торгово-промышленными заведениями, достигает 1%, в то время как в организованных до 1928 г. их было только 0,7%. Хозяйств, сдающих средства производства, нанимающих рабочих и арендующих землю для своих индивидуальных посевов, в составе с.-х. артелей было:

	Отдача в наем скота и инвент.	Наем раб. силы.	Аренда земли.
Организованных до 28 г.	1,4%	1,8%	5%
Организованных в 28 г.	3,5%	2,4%	9%

Конечно, нельзя все эти хозяйства отнести к кулацким, но кое-какую тенденцию эти цифры безусловно показывают. Идя на минимальное обобществление, сохранив значительную часть своих средств производства, зажиточно-кулацкая прослойка стремится, и не без успеха, перенести элементы эксплоатации во внутрь колхозов. При обследовании ряда колхозов Ейск. округа (летом 1928 г.) обнаружился ряд любопытных фактов этой внутриколхозной кулацкой эксплоатации. В колхозе «им. Ворошилова» заправилы зажиточные добились даже того, что роженицы беднячки в отличие от жен зажиточных колхозников не пользовались законным отпуском. Бедноту расселили вдали, в самом худшем месте поселка и т. д. В простейших колхозах эксплоатация бедноты чаще всего идет по линии использования машин (сроки, условия), организации труда и т. д.[3]).

---

[1]) Из материалов отдела ЦК по работе в деревне (обследование Ярославской губернии т. Караваевым).

[2]) А. Гайстер—«Достижения и трудности колхозного строительства». Издание Комакадемии. 1929 г.

[3]) В этой связи несомненный интерес представляют данные (за 1928 г.) о колхозах Одесщины. До 47% всех товариществ по совместной обработке земли, владеющих тракторами, вовсе не имеют обобществленного посева. И только 21% имеют свыше 50 га посевов.

«Мне пришлось видеть на Кубани, что в целом ряде колхозов обязанность труда со стороны отдельных более богатых слоев, являющихся членами колхоза, выполнялась бедняцкой частью этого же колхоза. Это делалось потому, что беднота не в силах предоставить необходимые средства производства и обрабатывала свою долю своей рабочей силой. В результате создавалось в таком колхозе такое положение вещей, когда по существу у более богатой части колхоза был постоянный рынок труда, при чем этот постоянный рынок труда был легальным»[1]).

Эту мысль с другого конца подтверждают данные о форме распределения доходов между членами колхозов по РСФСР. По работе средств производства распределяют доход 15½% артелей и 23% товариществ, т. е. «социальные противоречия, являющиеся результатом частной собственности на средства производства индивидуальных хозяйств, воспроизводились в самом колхозе».

В то же время необходимо сказать, что крайней отвлеченностью разит от т.т., «принципиально» возражающих против приема кулака в колхоз при любых условиях. Эти товарищи ухитряются не видеть такой простой вещи, что если обусловить прием кулака в колхоз — прежде всего сдачей им средств производства и лишением права быть избранным в органы управления—подобный кулак в значительной мере станет «голым королем». Какими рычагами он после этого будет эксплоатировать остальных членов колхоза. Иные т.т. так ставят вопрос:—«Если вы собираетесь обобществить все средства производства кулака, он не пойдет в колхоз». Если так, то и вопрос иному ставить следует. Не в «принципиальной» плоскости: принять—не принять, а пойдет ли на этих условиях, и если не пойдет, следует ли итти на то, чтобы организованным давлением бедняцко-середняцких масс всего села при организации сплошного (в масштабе целой деревни) колхоза заставить вступить и кулака. Нельзя забывать и таких фактов, когда кулак посредством своих сложных машин, подчас и не входя в колхоз, эксплоатирует последний, пользуясь недостаточной механизацией колхоза.

Одно надо сказать: вне зависимости от разрешения вопроса о приеме кулаков в колхозы *необходимо немедленно добиться, чтобы средства производства кулацких хозяйств, уже состоящих в колхозах, были в ближайшее время обобществлены*. Иначе они не должны иметь место в колхозах.

* * *

Основная сила нынешней фазы наступления на кулака—развертывание *положительной* программы социалистического строительства, выкорчевывание «корней капитализма». Надо отдать должное кулаку—классовое самосознание в нем достаточно высоко развито, и он ясно понимает все значение этого этапа борьбы. Кулак принужден отступать, несмотря на всю свою дьявольскую сопротивляемость, гибкость, беспрерывное маневрирование, спекуляцию на наших трудностях. Однако, именно потому, что наступление социалистических элементов успешно развивается, необходимо со всей остротой поставить вопрос—*все ли делается каждой местной парторганизацией, каждым советским и иным учреждением в каждом районе страны для того, чтобы не дать кулаку продержаться ни на один лишний день на той из его позиций, которая, исходя из наших сил и возможностей, должна уже сегодня перейти в наши руки*. Все ли де-

---

[1]) А. Гайстер—«Достижения и трудности колхозного строительства».

ляется для повышения, если можно так выразиться, эффективности, «качественных показателей» наступления.

Пятилетка социалистической реконструкции народного хозяйства—великий календарь классовых боев, до конца продуманный план дальнейшего оттеснения и вытеснения капиталистических элементов в стране. План действий кулака, поскольку инициатива в широком смысле этого слова не в его руках—вывести основные свои силы из-под убийственного огня наступающего противника, сохранив рычаги эксплоатации, маскируясь, без конца приспособляясь, маневрируя. Не все маневры кулака одинаково удачны, не всякий кулак одинаково приспособлен к новым формам борьбы. Однако, практика доказала, что «отсталый» тип кулака в процессе борьбы быстро становится «передовым» или во всяком случае уступает руководство этому «передовому».

Чтобы не дать возможности кулаку обходным путем, путем маневров, удержать лишний час любой из рычагов его эксплоатации, а тем более, хоть на время расширить базу эксплоатации, требуется, кроме всего прочего, хорошее знание каждой кулацкой позиции, не только абстрактно, но, так сказать, «осязательно», тщательное изучение всех процессов, происходящих в кулацком хозяйстве за последнее время, тщательное изучение всех его маневров, всей тактики борьбы. Кулацкое хозяйство имеет ряд общих черт, однако, для каждого района характерен упор кулака на особые «районные» рычаги, местами он «нажимает» на машину, местами на госземфонд, где на переработку продуктов с.-х. сырья и т. д. Задача местных организаций—сопровождать резолюции об «усиленном наступлении на кулака» действительным изучением этих его позиций и сосредоточением сил на атаке, прежде всего, этих его позиций, этих его «командных высот».

Понятно, успех атаки на кулака, например, на «машинном участке» будет зависеть не только от полного учета и обложения его доходов от сдачи машин, но и от лучшей организации машиноснабжения, проката и т. д. Вместе с тем, необходимо индивидиульно изучить не только «порайонные», но и «общесоюзные» черты лица кулака. Учет найма рабсилы, аренды и сдачи земли—эти вопросы должны занять в работе советов и партийных органов особо важное место. Покуда борьба с этими двумя областями кулацкой эксплоатации и сверхэксплоатации остается делом только «соответствующих ведомств», серьезных побед нам здесь не одержать.

В отношении внутриколхозного строительства борьба с кулаком требует, на ряду со значительным усилением процессов обобществления, укрупнения колхозов, лучшей организации труда, также усиления партийно-массовой работы в колхозах, организации бедняцко-середняцких элементов на борьбу со стремлениями кулака перенести элементы эксплоатации внутрь колхозов.

Нельзя себе представить сколько-нибудь умелого наступления на кулака без организации вокруг этого дела широких слоев батрачества и бедноты, между тем, местами еще не изжиты попытки наступления на кулака только... аппаратом. Группы бедноты, несмотря на их количественный и некоторый качественный рост, играют явно недостаточную роль на селе. Надо подумать над мерами по усилению руководства группами и над организационным их укреплением. Усиление влияния бедноты на повседневную работу всех организаций села в частности требует дальнейшего организационного оформления групп бедноты. Не создание комбедов, а повсеместное создание сельских (а быть может, и при районных советских и кооперативных органах, ККОВ) групп бедноты с введением хорошо продуманного уставного положения (может быть, будет даже правильно, наметить круг вопросов работы сельсовета и кооперации, которые обязательно должны предварительно обсуждаться группой) с выделением института постоянных

организаторов (из членов и кандидатов партии) в каждой группе, систематически созывая и инструктируя этих организаторов, с введением специальных инструкторов групп бедноты при парткомах и т. д., и т. д. Вопрос о мерах по усилению работы групп бедноты, слишком большой, чтобы его мимоходом ставить в этих строках, но вопрос, несомненно, назрел, и какие-то мероприятия необходимо провести в этой области в течение ближайшего же времени.

Вопрос о состоянии массовой работы в деревне неразрывно связан с тактикой кулака в области непосредственно политической борьбы. В свою борьбу за овладение низовым государственным аппаратом, за право вести «массовую работу» кулак за последнее время также внес много новых тактических приемов. Однако, эта, если можно так выразиться, «политическая мимикрия» кулака требует специального внимания.

В. Мицкевич-Капсукас.

Положение в компартии Польши.

Внутреннее положение в Польше.

Внутреннее положение в Польше характеризуется сейчас все усиливающимся экономическим кризисом и серьезными политическими затруднениями фашизма. Временная хорошая экономическая кон'юнктура, продолжавшаяся с середины 1926 г., на исходе 1928 г. пришла к концу. Бешеные расходы на армию, поглощающие около половины всего государственного бюджета, и экономическая политика польского фашизма, стремящегося приспособить все народное хозяйство к подготовке будущей войны против СССР, с одной стороны, обеднение широких трудящихся масс Польши и сужение внутреннего рынка, с другой, привели страну к экономическому кризису.

О начале промышленного кризиса прежде всего свидетельствует падение обрабатывающей промышленности. В крупной текстильной промышленности Лодзи, по данным промышленников, около 60% всех рабочих работает только по 3 дня в неделю, только 15% работает полную неделю. В других центрах текстильной промышленности Польши положение нисколько не лучше. Еще хуже обстоит дело в средней и мелкой текстильной промышленности с количеством рабочих от 10 до 300 чел. на одно предприятие. Там рабочий день сокращен до 3—1 дня в неделю, многие тысячи рабочих выброшены на улицу.

Чувствуется застой в строительной промышленности.

Падение производства замечается также в каменноугольной и металлической промышленности. Дневная продукция каменного угля понизилась в феврале по сравнению с январем на 7%, то же самое в металлургической промышленности Верхней Силезии. Только промышленность, работающая на войну, идет полным ходом и даже расширяется, увеличивает количество рабочих часов.

Общее количество безработных в промышленности по официальным данным поднялось с ноября п. г. по март с. г. с 78 тыс. до 184 тыс. Правда, в начале летнего сезона количество безработных пошло на убыль: в конце мая насчитывалось только 128 тыс., но это лишь временное, сезонное улучшение.

Курс промышленных акций понизился с 107,3 и 114,3 в январе и апреле 1928 г. до 95,7 и 92,1 в январе и феврале 1929 г.

Наибольшей остроты достиг денежный кризис.

Процент опротестованных векселей поднялся с 2,47 в ноябре 1928 г. до 5,12 в марте с. г.; в период большого кризиса в феврале 1926 г. он равнялся 4,91. Денежный голод дошел до таких размеров, что частный учетный процент достиг 3,5 в месяц, или 42% годовых (в конце 1928 г. — 20%). Однако, курс польского злотого пока удалось удержать на прежнем уровне, но лишь с большим трудом, тем более, что пассив торгового баланса, достигший в прошлом году 854 млн. злотых, с каждым месяцем увеличивается

(в декабре он составлял 29 млн. злотых, в январе — 52 млн., в феврале — 97 млн., в апреле — 107 млн.).

Все польские займы на иностранных биржах испытывают падение. Новых внешних займов, в виду обнаруженных хозяйственных трудностей в Польше, до сих пор не удалось получить; но если они и будут получены, то это еще более закабалит Польшу иностранному капиталу и лишь временно сможет несколько ослабить остроту кризиса, ибо основные причины, вызвавшие его, останутся в силе. Рассчитывать на расширение внешних рынков для польской промышленности не приходится; напротив, дешевые германские фабрикаты вытесняют польские товары даже из тех мест, куда им уже удалось проникнуть.

Все это, конечно, не говорит еще о катастрофическом положении польского хозяйства, а лишь о больших трудностях, о начале серьезного кризиса, переживаемого им в результате падения покупательной способности сел.-хоз. трудящихся масс и городских рабочих и мелкой буржуазии и бешеных военных приготовлений против СССР.

В связи с экономическим кризисом, несомненно свидетельствующим о шаткости и загнивании капиталистической стабилизации в Польше, наблюдаются и весьма серьезные, все усиливающиеся политические затруднения фашизма перерастающие в кризис. Выход из этого положения он пытается найти в создании так называемого полковничьего правительства, состоящего из бывших полковников, верных слуг Пилсудского, правительства агрессивного фашизма и войны против СССР. При этом сейчас нет двух мнений среди польских коммунистов относительно того, что польский фашизм лихорадочно готовится к войне против СССР не только как орудие английских и французских империалистов, но и в интересах своей собственной экономической экспансии на восток, в целях захвата широких украинских и белорусских рынков для польской промышленности и возвращения помещичьих земель.

Будучи выразителем интересов крупного капитала и помещиков, полковничье правительство стремится все тяготы экономического кризиса переложить на плечи рабочего класса и трудового крестьянства. Картелированный капитал пытается понизить заработную плату, систематически поднимает норму выработки, уменьшает сдельные ставки, удлиняет рабочий день; фашистское правительство, идя навстречу капиталистам, пытается ввести на предприятиях каторжные фашистские регламенты и пр.

В деревне при сохранении старых помещичьих имений форсируется развитие капиталистического земледелия; проводится своего рода столыпинская земельная реформа; ставится ставка на кулака, как опору фашизма в деревне. Это усиливает процесс диференциации в деревне. Основные крестьянские массы изнывают от недостатка земли и непосильной тяжести налогов. Сельскохозяйственные рабочие в целях «рационализации» сельского хозяйства десятками тысяч выбрасываются на улицу. Значительные области Польши, особенно Зап. Белоруссии, постигнуты были в прошлом году неурожаем и переживают еще и теперь настоящий голод. Свирепо преследуется национально-освободительное движение в оккупированных областях, разнуздывается звериный шовинизм по отношению к нацменьшинствам и организуются еврейские погромы (Львов).

Все это вызывает рост недовольства и революционных настроений в широких трудящихся массах города и деревни, рост их активности и в отдельных случаях переход в контрнаступление против капитала и фашистского режима. Лучшим доказательством этого служит двухнедельная все-

общая забастовка лодзинских текстильщиков, имевшая ярко выраженный политический характер, затем ряд упорных длительных забастовок, как, например, забастовка на Видзевской мануфактуре в Лодзи, забастовка текстильщиков на фабрике «Воля» в Варшаве и т. д. В деревне мы видели забастовки сельскохозяйственных рабочих и малоземельных крестьян в Зап. Украине, кончившиеся кровавыми репрессиями, в некоторых местах массовые выступления крестьян против принудительного выкупа сервитутов, могучий рост радикальной крестьянской организации «Самопомощь» (за несколько последних месяцев количество ее членов увеличилось с 6.000 до 16.000) и т. д.

Особенно ярко проявилось полевение и активность рабочих и крестьянских масс в день празднования 1 мая в Польше. Несмотря на то, что накануне 1 мая было арестовано в Польше около двух тысяч рабочих и крестьян, первомайские демонстрации в Польше, организованные коммунистами совершенно самостоятельно, имели в этом году такой массовый характер, какого мы давно уже не видели в Польше. Особенно характерным для 1 мая в Польше было во многих местах массовое участие крестьян в первомайских демонстрациях. Крестьянские массы прорывались через сеть полицейских постов и всякого рода преграды и об'единялись с городскими рабочими. По неполным сведениям в первомайских демонстрациях с. г. принимало участие около 30.000 крестьян и около 70.000 рабочих.

При помощи террора и усиления наступления на рабочий класс, трудящееся крестьянство и национально-освободительное движение, с одной стороны, демагогической фразеологии, коррупции и обмана, с другой, польский фашизм пытается задержать рост революционной активности трудящихся масс. Но это уже оказывается недостаточным. Для непосредственного проникновения в рабочие массы с целью борьбы с революционным движением и лучшей подготовки к войне против СССР он создает специальные фашистские организации, проводит раскол реформистских (пепезсовских) профсоюзов и самой ППС. Создается новая ППС с Яворовским во главе (т. н. яворовщики), которая является прямым проводником идей фашизма в рабочие массы. Одновременно фашизм использовывает и так называемую официальную ППС, которая все более сращивается с фашизмом и его аппаратом и, несмотря на свою «левую», «антифашистскую» фразеологию, на деле является такой же агентурой фашизма, как и отколовшиеся яворовщики, только применяет иные методы борьбы.

Еще в более широком масштабе применяет эти методы борьбы польский фашизм в деревне и среди нацменьшинств.

В результате этого ему удалось не только привлечь на свою сторону всю кулацкую верхушку деревни, все старые крестьянско-кулацкие партии, нацменьшинскую буржуазию и почти всю интеллигенцию, но также отчасти проникнуть в середняцкие слои деревни и увлечь за собой отдельные элементы лучше оплачиваемых рабочих, работающих главным образом на военных заводах и железных дорогах, а также часть наиболее отсталых рабочих города и деревни. При помощи «левой», «радикально-демократической» фразы ППС также удается еще обманывать часть рабочих и держать их под своим влиянием. Однако все это вовсе не отвергает факта общего полевения рабочего класса и трудящегося крестьянства Польши и роста его активности, а указывает прежде всего на те огромные задачи, которые стоят перед компартией Польши, которая должна при общем полевении трудящихся масс вырвать из-под влияния прямых фашистов и социал-фашистов и те массы, которые еще идут за ними.

Борьба КПП за массы.

Работая в этих условиях, ЦК КПП после VI конгресса Коминтерна дал правильную оценку текущего момента, связанного с третьим периодом, правильно указал на шаткость и загнивание капиталистической стабилизации в Польше и чрезвычайное усиление внутренних противоречий. Тезисы январского пленума ЦК КПП говорят: «Хозяйственная политика фашизма все больше выявляет в глазах масс свое крупнокапиталистическое лицо. Она бьет не только по пролетариату и деревенской бедноте, но и по середняку в деревне, по ремесленнику и мелкому торговцу в городе... Прошедший период указывает на растущую активность рабочего класса, который дает все более напряженный отпор наступлению фашизма и даже переходит в контрнаступление». В своей апрельской резолюции Политбюро ЦК КПП правильно указало на новые моменты в положении Польши, выражающиеся в еще большем обострении внутренних противоречий и росте активности рабочего класса и трудящегося крестьянства на основе углубляющегося кризиса всего хозяйства Польши. ЦК КПП в связи с этим совершенно правильно указал на еще большую актуальность для фашизма экспансии Польши на Восток и на еще более лихорадочную подготовку польского фашизма к войне против СССР и в общем и целом правильно наметил основные задачи партии.

Несмотря на все усиливающийся фашистский террор и другие методы борьбы фашистского правительства, о которых мы говорили выше, КПП имеет после VI конгресса серьезные достижения в деле завоевания влияния среди масс и руководства их борьбой, а также в деле организационного закрепления своего влияния (Лодзь, Варшава).

Особенно большое политическое значение имела всеобщая 150-тысячная забастовка в Лодзи, подготовленная и проведенная по призыву КПП в связи с тем, что предприниматели вывесили на фабриках фашистские регламенты. Лодзинская забастовка была большим шагом вперед по пути к осуществлению самостоятельного руководства коммунистами стачечной борьбой. Партия умело разоблачала предательскую роль ППС и руководимых ею профсоюзов; она придала забастовке политический характер, умело соединив политические требования с экономическими. Лодзинская организация КПП сумела и организационно охватить растущее влияние партии как во время, так и после забастовки. Сеть партийных ячеек в Лодзи увеличилась, количество членов партии возросло. Было завоевано партией преобладающее влияние в фабричных делегатских собраниях и в емпееровском профсоюзе (союзе, находившемся ранее в руках Национальной Раб. партии).

Однако, отмечая эти достижения, необходимо указать также, что в практическом руководстве лодзинской забастовкой проявился ряд недостатков и ошибок. Компартия не сумела полностью организационно использовать свое влияние, целиком вырвать руководство забастовкой из рук пепезсовского профсоюза и создать таким образом самостоятельное руководство забастовкой. Корни допущенных ошибок во время лодзинской забастовки находились в неизжитом еще легалистском отношении к пепезсовскому профсоюзному руководству, проявившемся не в одной лишь Лодзи, а и в ряде других мест. Это легалистское отношение выявилось и в красной фракции делегатского собрания представителей лодзинских текстильных фабрик, и в партийном активе, и отчасти даже в самом лодзинском окружкоме КПП. Это дало возможность социал-фашистам получить большое влияние на стачечный комитет и облегчило им срыв забастовки.

За последнее время КПП играла руководящую роль во всех важнейших экономических забастовках Польши. КПП руководила упорной забастовкой

стовкой на Видзевской мануфактуре в Лодзи, на фабрике «Воля» в Варшаве, где были созданы самостоятельные стачечные комитеты, устраивались митинги, организованы были денежные сборы. Партия провела успешную забастовку на фабрике Лильпопа в Варшаве против увольнения революционного рабочего, руководила забастовкой портных в Варшаве и т. д.

В ряде крупных промышленных центров, как Домбровский бассейн, Верхняя Силезия, металлисты в Варшаве и пр., несмотря на усиленную кампанию партии за забастовку, рабочие массы не пошли на нее, и конфликты кончались арбитражем. Не означает ли это, что КПП переоценивает радикализацию и рост активности масс? Такой вывод был бы неверным. Тот факт, что массы важнейших отраслей промышленности оказались еще неспособными пойти на забастовку, свидетельствует лишь о тех огромных трудностях, с которыми сопряжена сейчас всякая крупная забастовка в решающих отраслях промышленности. Против рабочих в случае об'явления забастовки пускается в ход не только весь фашистский режим, все государство со своими органами подавления, но и соглашательские профсоюзы и все соглашательские партии. Поэтому эта борьба неизбежно принимает политический характер и встает вопрос, кто кого. Рабочие решающих отраслей промышленности еще не чувствуют себя достаточно сильными для такой борьбы. Атмосфера еще недостаточно накалилась. Поэтому они не легко идут сейчас на крупные забастовки в решающих отраслях промышленности и транспорта. Но при этом атмосфера все более накаляется. Недовольство широких масс растет и может прорваться раньше, чем мы этого ожидаем. КПП осознает эту возможность, но, к сожалению, не всегда поспевает за развертывающимися событиями.

Все же последние события свидетельствуют о том, что влияние компартии сильно растет, несмотря на некоторые зигзаги, проявившиеся, например, во время выборов в конце п. г. и начале с. г в муниципалитеты и больничные кассы, которые в общем дали значительное увеличение голосов, поданных за ППС, и падение голосов, поданных за коммунистические списки. Лучшим доказательством роста влияния компартии являются массовые самостоятельные первомайские демонстрации этого года под коммунистическими лозунгами, имевшие место, несмотря на огромный террор, в Варшаве, Лодзи, Домбровском бассейне, Люблине, Познани, Львове, Вильне и т. д., большое участие в этих демонстрациях женщин и крестьян. Слабым пунктом оказался 1 мая лишь такой крупный промышленный центр, как Верхняя Силезия, где вовсе не было массовых коммунистических демонстраций. Вовсе не принимали участия в коммунистических демонстрациях рабочие, работающие на военных предприятиях (в Варшаве и в других местах), железнодорожники, сельскохозяйственные рабочие. Это, несомненно, наиболее слабые пункты КПП, на которые она должна обратить особое внимание. Слабее в этом году принимали участие в первомайских демонстрациях рабочие массы Западной Украины и крестьянские массы Зап. Белоруссии. Это об'ясняется прежде всего ослаблением там наших организаций вследствие фашистского террора, слабостью в них пролетарского ядра и недостаточной массовостью существующих левых крестьянских организаций.

Необходимо еще отметить результаты выборов в завкомы на металлических предприятиях Варшавы. Несмотря на террор и демагогию фашистов и социал-фашистов, на важнейших частных предприятиях левые антифашистские рабочие списки получили 15 мандатов, ППС—7. Левые целиком овладели делегациями на фабриках Урсус и Паровоз, увеличили свои голоса на некоторых других предприятиях. Только на предприятиях, работающих на войну, левые вследствие чрезвычайного террора, увольнения рабочих и пр. не получили ни одного места.

По последним данным, на аннулированный список в Люблине, сравнительно небольшом центре, коммунисты получили 6.933 голоса, Бунд—6.486, ППС — 3.224, яворовщики — 601. На выборах в больничные кассы в Пабианицах (лодзинский текстильный район) коммунисты получили 2.368 голосов (14 мандатов — раньше 5), ППС — 604 (3 мандата — раньше 7), яворовщики — 180 (1 мандат), немецкие с.-д. — 250 (1 мандат — раньше 3), «левая» НПР (народная рабочая партия) — 990 (6 мандатов — раньше 8), христ. демократы — 560 (3 мандата — раньше 7).

В области крестьянского движения в коренной Польше имеются серьезные достижения на почве массовых легальных организаций. Этого нельзя сказать о Зап. Украине, где соответствующие крестьянские организации не имеют достаточно массового характера.

В области национально-освободительного движения в Зап. Белоруссии гегемоном остается компартия. Немного хуже обстоит дело в Зап. Украине. Революционное выступление украинских масс во Львове против польских оккупантов 1 ноября не возглавлялось КПЗУ.

Все это говорит о большом росте влияния КПП в рабочих и крестьянских массах, однако организационное закрепление этого влияния, как и в других капиталистических странах, отстает и в Польше.

В виду такого большого роста влияния компартии в Польше во всем буржуазном лагере опять начинается большая тревога. Он начинает разочаровываться в «санации» Пилсудского, которая оказалась неспособной преодолеть коммунистическую опасность. Буржуазия начинает опять направлять взоры на эндэков, которые в связи с экономическим кризисом все выше поднимают голову и громко заявляют, что только они сумеют успешно бороться с коммунизмом и сломить его. Этим об'ясняется большая победа эндэков на выборах в Люблине (они получили увеличение голосов на 55%) и упадок голосов «санации» (с 11.402 при выборах в сейм на 6.672) и ППС (с 9.691 на 3.925 — вместе с яворовщиками). Это начинает вносить разложение в лагерь пилсудчиков и усиливает кризисные явления в фашистском лагере вообще. В связи с полевением масс и ростом их активности усиленным темпом назревают в Польше серьезные события. КПП должна играть в них совершенно иную роль, чем при перевороте в мае 1926 г., но для этого она должна прежде всего освободиться от тех оппортунистических ошибок, которые она допустила, и изжить внутрипартийную фракционную борьбу.

Правые ошибки в КПП.

Открытое письмо ИККИ к членам КПП после VI конгресса Коминтерна указало на то, что правые ошибки и примиренчество с ними, борьбу против которых поставил VI конгресс в качестве центральной задачи всего КИ, в КПП еще более усугубляются вследствие пережитых ею кризисов и тех об'ективных условий, в которых приходится ей работать. Период, отделяющий нас от VI конгресса, полностью подтвердил эти указания ИККИ.

Здесь мы остановимся только на главных, основных ошибках. К ним принадлежат прежде всего многочисленные ошибки, допущенные на местах в связи с недооценкой контрреволюционной и социал-фашистской роли ППС, прибегающей к «левой» фразе. Это, несомненно, центральные ошибки польских коммунистов, имеющие ярко выраженный правый характер. Они особенно опасны в настоящий момент, когда имеются признаки нового оживления в массах демократических иллюзий, с большим успехом используемые ППС и другими соглашательскими партиями. На этой почве на местах отдельные коммунисты, а иногда и отдельные организации, поддавались иллю-

зиям в связи с «левой» фразой ППС, кое-где делались попытки создавать с нею единый фронт против фашизма и т. п.

ЦК партии на январском пленуме раскритиковал эти ошибки, но он запоздал с анализом раскола ППС и оценкой официальной ППС. Первая попытка анализа, данная в центральных органах партии в статьях т. Стефанского, заключала в себе ряд существенных ошибок, которые пошли без всякого примечания от редакции и долго оставались нераскритикованными. Тов. Стефанский дал идеологическое обоснование многочисленным оппортунистическим ошибкам на местах по отношению к ППС, поэтому на его статьях надо несколько остановиться.

Тов. Стефанский по существу присоединился к точке зрения тов. Кощевы, которая еще весной прошлого года высказала взгляд, что фашизм неуклонно стремится к созданию единой, монопольной фашистской партии, что он не может помириться с существованием отдельных политических партий. Он ликвидировал «программу демократического развития» соглашателей, а теперь «забивает и взрывает все партии», ликвидирует соглашательские партии и создает свою монопольную партию, как «пояс спасения для утопающей буржуазии».

Исходя из этой неправильной установки, считающей соглашательские партии носительницами «программы демократического развития» и совершенно не учитывающей тех своеобразных условий, в которых в отличие от итальянского фашизма приходится действовать польскому фашизму, т. Стефанский высказывает мысль, что существование отдельных соглашательских партий по существу несовместимо ни идеологически, ни политически и организационно с фашизмом. Поэтому фашизм «вынужден посягнуть на основы мелкобуржуазной идеологии ППС, не оставляя от нее камня на камне». Отсюда происходит у т. Стефанского «атака фашизма» против ППС и решительное сопротивление ППС фашизму, отстаивание ею своей самостоятельности. Отсюда неправильное утверждение т. Стефанского, что «оппозиционная», «радикально-демократическая» фразеология ППС, по мере нарастания революционного движения, все более будет проявлять обоюдоострый характер, откуда вытекает, что одним своим острием она будет ударять по основам фашистской диктатуры. Отсюда недооценка опасности со стороны ППС, признание, что «левая» фраза ППС может в какой-либо степени играть революционную роль. Такая установка т. Стефанского, несмотря на то, что в других местах своих статей он говорит о срастании ППС с фашизмом, а в выводах предостерегает партию от иллюзий, которые может посеять в массах «радикальная» фразеология ППС, и призывает партию к усилению борьбы не только против явных фашистов — отколовшихся яворовщиков, но и против социал-фашистской ППС, — безусловно способствовала усилению путаницы в рядах партии, но, как впоследствии оказалось, не вполне.

Январский пленум ЦК КПП со своей стороны правильно указал на процесс органического срастания соглашательских партий с фашизмом в силу их внутренней контрреволюционной сущности и целевой политики фашизма. Отражением этого процесса является перерастание псевдо-социалистической идеологии ППС в фашистскую идеологию. Январский пленум правильно, хотя и неполно, указал также на ограничительные, сдерживающие моменты при осуществлении правильно намеченной общей тенденции фашизма к созданию единой, монопольной партии фашизма. В условиях Польши на это влияет прежде всего неустойчивость и загнивание капиталистической стабилизации, крайнее обострение внутренних противоречий и классовой борьбы, наличие многочисленных нацменьшинств, наконец, непосредственное соседство СССР.

Однако, надо сказать, что и формулировка январского пленума ЦК КПП о «сугубой опасности, угрожающей теперь со стороны ППС», была недостаточной, что нашло свое выражение также в статьях после пленума. Только в апрельской резолюции ПБ ЦК КПП, вслед за критикой ИККИ, было признано, что в настоящий момент официальная ППС с ее «левой» фразой представляет г л а в н у ю опасность в Польше. Поэтому необходимо особенно усилить ее разоблачение и борьбу против нее с целью отрыва от нее рабочих масс. Ни о каких соглашениях с ней не может быть и речи. Одновременно должна быть усилена борьба против непосредственного проникновения фашизма в рабочие массы, особенно в тех местах, где фашизм в этом отношении наиболее успел (на военных фабриках Варшавы и в друг. местах).

Нельзя пройти, далее, мимо чрезвычайно тревожных явлений, имевших место в связи с первомайскими демонстрациями. Некоторые организации, поддавшись давлению усиленного фашистского террора, старались сохранить в первомайских демонстрациях легальность и в этих целях замазывали перед массами лицо партии: демонстрировали лишь под знаменами легальных революционных организаций, не выставляли ораторов от имени компартии и пр. Это имело место в Варшаве — пригородной (кое-где коммунисты даже принимали здесь участие в шествиях ППС), Петркове (некоторые руководящие товарищи не допускали пение «Интернационала»), в Верхней Силезии (кое-где здесь коммунисты тоже принимали участие в демонстрациях, организованных социал-фашистами, и вообще обнаружили большую пассивность) и пр. В этих местах коммунисты чаще всего удовлетворялись знаменами ППС левицы, отдельных профсоюзов, фабрик. Иногда прятали знамя партии по настоянию полиции; ораторы не выступали от имени партии, так как полиция не разрешала (Жирардов и некоторые другие места)... Этим, несомненно, ослаблялся боевой характер 1 мая и первомайских демонстраций. Окружной комитет Варшавы — пригородной пытается доказать, что в этом проявилось давление масс, которые якобы проявили упадок боевых настроений и не хотели демонстрировать под знаменами компартии. С этим нельзя согласиться. Напротив, многочисленные столкновения и упорная борьба демонстрантов с полицией и последовавшие после 1 мая демонстрации текстильных рабочих в Лодзи и лодзинском округе и даже баррикады в Пабианицах свидетельствуют о другом. Вернее будет сказать, что наши партийные организации в Польше в некоторых местах отстают от быстро революционизирующихся рабочих масс и идут в хвосте их вместо того, чтобы итти в их авангарде. На это должен обратить ЦК КПП самое серьезное внимание.

Ряд правых ошибок был допущен на местах и некоторыми руководящими органами и в деревенской работе. Эти ошибки выразились в выдвигании требований беспроцентных и дешевых кредитов для крестьян, что усиленно пропагандируется и фашистскими группами, в требовании кое-где частичной конфискации и раздела помещичьей земли («земельная реформа по частям»), в неправильном понимании задач крестьянских комитетов — в присвоении им функций органов мирной, творческой работы и т. д. Во всех этих ошибках проявилось давление зажиточных слоев деревни на некоторые элементы КПП, особенно сильное в Зап. Белоруссии и Зап. Украине. Январский пленум ЦК КПП правильно раскритиковал эти ошибки.

Наконец, необходимо остановиться на ошибках в профдвижении. В связи с лодзинской забастовкой и забастовками в других местах мы видели проявление легализма по отношению к реформистским профсоюзам. После раскола пепеэсовских профсоюзов некоторые коммунисты пошли так далеко, что фактически заключили блок с пепеэсовскими вождями профсою-

зов против яворовщиков. В качестве реакции на эти явно оппортунистические ошибки январский пленум ЦК КПП дал некоторые неправильные формулировки о создании новых профсоюзов, из которых февральское совещание профработников КПП сделало ряд совершенно неправильных выводов. Так, напр., февральское профсовещание, исходя из правильно оцениваемого процесса усиления фашизации всех соглашательских профсоюзов и из необходимости в отдельных случаях итти на создание новых союзов, взяло неправильный курс на создание новых революционных профсоюзов в ближайшее время во «всех важнейших стратегических позициях и важнейших политических центрах». Исходя из этого, решено было создать новые профсоюзы: в Варшаве — союз металлистов, в Лодзи — текстильщиков, в Домбровском и Краковском бассейне — горняков, в Галиции — нефтяников, в Познанском воеводстве — сельскохозяйственых рабочих; решено также итти к созданию параллельного профсоюза железнодорожных рабочих и сельскохозяйственных рабочих во всей Польше. Еще более быстрый темп на создание новых профсоюзов решено было взять взять в Зап. Белоруссии и Зап. Ураине, где условия для этого наименее благоприятны. Решено было не призывать больше ко вступлению в соответствующие соглашательские союзы. Хотя вместе с этим в резолюции профсовещания говорилось и о необходимости продолжать работу внутри соглашательских профсоюзов, но по существу это не могло не усилить бегства из них левых рабочих и вело к ослаблению работы внутри них. В резолюции профсовещания, несомненно, отразились настроения тех левых рабочих, которые в виду огромных трудностей, связанных с революционной работой и проведением самостоятельной линии внутри соглашательских союзов, давно уже стояли за выход из них и создание новых революционных профсоюзов. Резолюция договорилась даже до того, что «в момент загона революционных профсоюзов в подполье они смогут продолжать свое существование, как крепкая, массовая нелегальная профсоюзная организация».

Директивы профсовещания о создании отдельных профсоюзов и существующие в партии настроения привели к ряду серьезных ошибок в разных местах. Между прочим, Варшавский комитет партии и Варшавский комитет КСМ квалифицировали призыв рабочих ко вступлению в существующий социал-соглашательский союз металлистов, как противоречащий решениям IV конгресса Профинтерна и VI конгресса КИ и выражающий оппортунистическую линию.

ЦК КПП уже сам признал ряд перегибов в резолюции профсовещания (организация новых профсоюзов «во всех важнейших политических центрах», возможность существования массовых нелегальных революционных профсоюзов и пр.). «Центром тяжести профработы в Польше, — говорит резолюция ИККИ, — должно быть усиление ее в реформистских профсоюзах и только в исключительных случаях создание новых профсоюзов». При этом особенно должна быть усилена борьба за фабзавкомы и фабричные делегатские собрания, за проведение самостоятельной революционной линии в реформистских профсоюзах. «К созданию новых профсоюзов можно итти только на почве усиленной массовой борьбы (в связи с крупными забастовками) и только там, где реформистские профсоюзы действительно потеряли авторитет и влияние в массах и где левые завоевали фабзавкомы и делегатские собрания рабочих», а также там, «где реформисты выбрасывают целые профсоюзы или крупные их отделения из профсоюзов». Но при этом «вопросы о создании новых профсоюзов должны в каждом конкретном случае решаться ЦК КПП в результате самого тщательного анализа конкретной обстановки».

Внутрипартийное положение.

VI конгресс Коминтерна и открытое письмо ИККИ к членам КПП признали, что основным злом партии, разлагающим ее и мешающим ей выполнить те огромные задачи, которые перед нею стоят, является двусторонняя фракционная борьба, которая раз'едает ее уже в течение двух с лишним лет. Открытое письмо признало, что существующие в партии разногласия не являются столь глубокими, чтобы могли оправдать существование каких-либо фракций. Оно выдвинуло такие основные условия для консолидации партии: 1) правильная политическая линия; 2) борьба против правых ошибок и примиренчества с ними; 3) безусловное уничтожение фракций и фракционной борьбы, решительная борьба против фракционности, вплоть до исключения неисправимых фракционеров из партии и Коминтерна; 4) здоровая товарищеская критика и самокритика, честное признание своих ошибок и критика их; 5) безусловное подчинение ЦК КСМ общему руководству ЦК КПП.

Были ли осуществлены эти условия? Нет.

Правда, открытое письмо ИККИ было хорошо принято в партийных массах. Благодаря его установке, удалось смягчить остроту фракционной борьбы, чуть не доведшую партию летом 1928 г. до раскола. В начале этого года можно было констатировать, что подавляющее большинство решений Краевого Секретариата ЦК принимается единогласно. Решения январского пленума ЦК КПП и пленумов ЦК КПЗБ и ЦК КПЗУ, а также апрельское решение Политбюро ЦК КПП были приняты единогласно. ЦК КПП единогласно принял резолюции, выражающие полную солидарность с ЦК ВКП(б) и ЦК КПГ в их борьбе против правых и примиренцев. Политическая линия ЦК КПП в общем и целом правильная. Несмотря на это, фракционные деления сохранились, и фракционная борьба вовсе не прекратилась. Напротив, несколько притихшая после появления открытого письма, приблизительно с марта с. г. она начинает вновь обостряться.

Где корни этого обострения? Несомненно, в значительной степени они питались старыми фракционными делениями, но при этом весьма большую роль сыграли за последнее время серьезные ошибки, совершенные некоторыми сторонниками бывшего большинства (тт. Кощевой и Стефанским) по вопросу об оценке раскола ППС и так называемой официальной ППС, непреодоление полностью тов. Кощевой ее старых ошибок (взгляд на самостоятельную роль мелкой буржуазии, переоценка капиталистической стабилизации в Польше, в тезисах т. Кощевы и Бранда в 1926 г.), недооценка шаткости и загнивания капиталистической стабилизации в Польше, огромного роста классовых противоречий и полевения трудящихся масс в настоящее время.

Об основных правых ошибках КПП мы уже подробно говорили выше. На местах ошибки по отношению к ППС делались и сторонниками одной группы и другой. То же самое и легалистские ошибки в профдвижении. Эти ошибки выправлялись всем ЦК. Но некоторые сторонники бывшего большинства (тт. Кощева и Стефанский) дали идеологическое обоснование оппортунистическим ошибкам по отношению к ППС и настаивали на своих ошибках. Это, несомненно, обострило борьбу. На последнем пленуме ЦК КПП (июньском) т. Кощева еще углубила свои ошибки. Она выдвинула теорию о трех движущих силах революции в Польше: 1) рабочий класс, 2) крестьянство и угнетенные национальности, 3) трения внутри лагеря буржуазии. Последнее тесно связано с переоценкой трений внутри фашистского лагеря и с возрождением старого неправильного взгляда т. Кощевы на роль мелкой буржуазии, отсюда противопоставление ППС фашизму.

Последний пленум, далекий от того, чтобы всех сторонников быв. большинства считать правыми, охарактеризовал ошибки тт. Кощевы и Стефанского, как сползание с большевистской линии партии, и решительно осудил их, указав также на неопреодоленные ими полностью ошибки прошлого.

По вопросу о профсоюзах июньский пленум полностью принял директивы ИККИ и дал критику ультра-левых тенденций, проявившихся в последнее время в КПП по этому вопросу у обеих групп. Мне кажется, что и по профсоюзному вопросу проявились в КПП по преимуществу правые ошибки, связанные с бегством от огромных трудностей, на которые наталкиваются коммунисты при работе в реформистских профсоюзах.

Что касается самокритики, то при наличии двусторонней фракционной борьбы она страдала у обеих сторон. Несмотря на актуальность брошюры т. Бранда (сторонника б. большинства) об экономическом развитии Польши, переоценивающей способности развития внутреннего рынка Польши и недооценивающей тенденции польского фашизма и промышленной экспансии на восток, и осуждение этой брошюры в открытом письме ИККИ, до сих пор не появилось ее самокритики. Не раскритикована также достаточно брошюра т. Фидлера (сторонника б. меньшинства), давшего неправильный анализ экономической базы фашистского переворота и перспектив экономического развития фашистской Польши. По фракционным соображениям задержалась критика статей т. Стефанского.

Июньский пленум решительно осудил недостаток самокритики и фракционную борьбу, а особенно фракционное отстаивание правых ошибок.

Фракционная борьба в руководящем органе партии иногда парализовала его работу. В связи с нею целые недели посвящались им для согласования предложений и резолюций. При прежнем соотношении сил в ПБ иногда получался паритет, и вопрос вовсе не мог быть разрешен. В результате этого запаздывали ответы на важнейшие политические вопросы. Фракционный подход мешал также борьбе против правых ошибок и примиренчества с ними. Интересы фракции ставились выше интересов партии.

Обострение фракционной борьбы в ЦК переносилось на всю партию. В партии распространялись фракционные документы, устраивались фракционные заседания, велась переписка по фракционной линии. Польская охранка в своих целях использовывает фракционную борьбу.

Такое положение не могло быть терпимо, ибо фракционная борьба превращала КПП из большевистской партии с ее железной дисциплиной в блок борющихся группировок, что вело к ее развалу. В виду этого Политсекретариат ИККИ, еще раз обсудив положение внутри КПП, еще до июньского пленума ЦК КПП пришел к заключению, что «в целях изжития фракционной борьбы необходимо со всей строгостью проводить линию ИККИ, намеченную в открытом письме. Безусловное уничтожение фракций и прекращение фракционной борьбы является и сейчас основной задачей КПП». Конечно, ликвидация фракционной борьбы возможна только на почве правильной линии всей партии по основным вопросам, на почве осуждения правых ошибок, проявившихся в КПП, и борьбы против них и примиренчества с ними, на почве здоровой товарищеской критики и самокритики. Наконец, ИККИ указал, что необходимо во что бы то ни стало добиться того, чтобы руководящие органы партии не запаздывали с ответами на важнейшие политические вопросы дня.

Последний пленум ЦК КПП, чтобы сделать более работоспособным ПБ и обеспечить его от правых ошибок, несколько изменил его состав. При этом необходимо отметить, что тезисы июньского пленума, решительно осуждающие правые ошибки тт. Кощевы и Стефанского, были приняты единогласно, в том числе и голосами тт. Кощевы и Стефанского. Однако, заявления, которые они сделали по поводу голосования, пленум признал неудовлетворительными, особенно заявление т. Кощевы, которая по существу не признала своих ошибок, а лишь формально присоединилась к тезисам. Это свидетельствует о том, что правая опасность в КПП, даже в руководящем ее органе, вовсе не изжита. Чтобы избежать ее рецидивов нужна решительная критика и преодоление допущенных правых ошибок во всей партии сверху донизу.

Но в общем последний пленум ЦК КПП сделал большой шаг вперед в деле консолидации партии. Он по существу взорвал старые фракционные группировки. Несколько товарищей из сторонников бывшего большинства решительно выступали на нем против ошибочной установки тт. Кощевы и Стефанского. Надо надеяться, что на этот раз вся партия, разодранная фракционной борьбой на две почти равные части и терзаемая ею в течение нескольких лет, не на словах, а на деле начнет искать путей к консолидации на основе правильной линии и борьбы против правых ошибок. Конечно, полное уничтожение фракций и фракционной борьбы, продолжавшейся в КПП в течение нескольких лет, дело нелегкое. Однако внутреннее и международное положение Польши настойчиво требует этого. Партия может и должна сплотиться вокруг линии Коминтерна и повести решительную борьбу против правой опасности и примиренчества с ней, за здоровую товарищескую критику и самокритику, за честное признание своих ошибок и критику их, против продолжения фракционной борьбы, откуда бы она ни исходила.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Отмечая неразработанность отдельных положений настоящей статьи и неточность ряда формулировок, редакция помещает ее в виду актуальности темы.

За большевистскую историю профдвижения.

История профессионального движения принадлежит к числу тех дисциплин, изучение которых долгое время находилось в руках либералов и меньшевиков.

Концепции буржуазных и меньшевистских историков настолько получили свое распространение, что ряд большевистских историков частично воспринял их идеи. Разбор их приобретает в настоящее время насущную потребность.

Родоначальником историков профессионального движения является Прокопович [1]), выпустивший в 1905 году книгу «К рабочему вопросу в России».

Широкий читатель книгу эту почти совсем забыл, но историческая концепция Прокоповича воспринята очень многими историками. Ее можно встретить не только на страницах либеральных и меньшевистских историков, но и некоторых историков—членов нашей партии. Теория его заключается в следующем. Профессиональные организации до первой революции уже существовали, так как функции профсоюзов выполняли кассы взаимопомощи. При этом Прокопович проводит мысль, что кассы взаимопомощи не сразу стали профессиональными союзами, но проделали медленную эволюцию от полухозяйских организаций, защищающих интересы пролетариата.

Эта теория с головой выдает автора и доказывает с глубокой убедительностью, интересы какого класса он защищает.

Буржуазным идеологам, исходя из интересов своего класса, совершенно невыгодно было доказывать, что революционные рабочие организации возникают в процессе революционной борьбы. Им выгоднее было отстаивать мысль, что развитие исторического процесса шло путем эволюции от более отсталых форм к более высшим формам. Отсюда вытекают и тактические выводы для современности. Отказ от революционной борьбы и предпочитание ее классовому миру.

В том же году, когда вышла работа Прокоповича, был напечатан и первый труд Пажитнова «Положение рабочего класса в России». Эта же работа в переделанном виде была им издана вновь в 1924 году.

---

[1]) Прокопович — один из основоположников экономизма. После II с'езда партии он окончательно разрывает с социал-демократами и переходит к либерализму. В 1904 г. Прокопович принимал близкое участие в работе «Собрания русских рабочих». Во время возникновения профессиональных союзов он принимал участие в работе питерского центрального бюро профессиональных союзов. В 1917 году он занимал министерский пост в правительстве Керенского. В настоящее время находится в эмиграции.

В своем труде (изд.1924 г.) Пажитнов совершенно не проводит разницы между классовой сущностью государства дореволюционного и советского. Благодаря этому, получается впечатление, что Октябрьская революция не внесла никаких изменений в положение рабочего класса. 8-часовой рабочий день существовал и при временном правительстве, имеется он в западноевропейских странах. Заработная плата сравнительно с дореволюционным временем почти не увеличилась. Следовательно, получается, что никакого улучшения рабочим революция не принесла. Отсюда недалеко до вывода, стоило ли вообще делать революцию.

Рабочими организациями Пажитнов считает артели, кооперативы и профессиональные союзы. Тут сквозит народническая постановка вопроса, которая не видит разницы между пролетариями и мелкой буржуазией, живущей своим личным трудом.

Сравнивая профессиональное движение Англии и СССР, Пажитнов находит, что профессиональное движение в России, несмотря на достигнутые им успехи, все же слабее, чем в Англии: «То, что в Англии явилось результатом долгой неторопливой эволюции, растянувшейся на 150 лет, у нас было проделано наспех на протяжении менее, чем двух десятилетий. Там работа шла от частной к общей, и опыт ряда поколений профессиональных работников на местах медленно выкристаллизовывался в принципы строительства и было сильное централистическое течение, стремление к насаждениям сверху тактики профессионального движения. У нас же с самого начала в последнем было сильное централистическое течение, стремление к насаждениям сверху и увлечение стройными системами. В этом источник силы, но здесь же и слабость нашего движения. Миллионные массы членов могут считаться только лишь состоящими на учете» (Пажитнов «Положение рабочего класса»). Это—по сути дела, утверждение в том, что у нас в стране нет профессиональных союзов, а есть канцелярии по профсоюзным делам, и что профессиональное движение может успешно развиваться только при условии, если оно проходит долгую и неторопливую эволюцию.

В 1906 г. вышла книга по истории профессионального движения в России, написанная В. С. Святловским [1]). В 1924 году она была им переработана и вновь издана.

По вопросу о возникновении профсоюзов и о роли касс взаимопомощи Святловский развивает и углубляет Прокоповича. «Рабочие организации,—пишет Святловский, — первоначально робкие и нерешительные, переходят на открытую легальную позицию—это период создания касс и обществ взаимопомощи. Самодержавный режим встревоженно считается с новой революционной силой» (Святловский, стр. 5).

Следовательно, Святловский общества и кассы взаимопомощи, в которых почетными членами нередко состояли такие от'явленные монархисты, как Победоносцев, Иоанн Кронштадтский и вел. князь Сергей Александрович Романов, зачисляет в разряд крупных революционных организаций.

---

[1]) В. С. Святловский в пятом году был приват-доцентом петербургского университета и одновременно служил в министерстве торговли и промышленности. Когда в 1905 году начали создаваться профессиональные союзы, он принял в их организации активное участие. В своих выступлениях на собраниях Святловский высказывался против 8-часового рабочего дня и против допущения социал-демократов к руководству профессиональными союзами. Повидимому, Святловский проводил политику министерства финансов. Многие профорганизации еще в середине пятого года, когда Святловский только начал выступать в роли организатора, выносили резолюции, в которых говорилось, что со ставленником правительства они не намерены иметь дело. Несмотря на это, он был введен в петербургское центральное бюро профессиональных союзов. Меньшевистское центральное бюро не гнушалось сотрудничать со Святловским. В годы реакции Святловский отошел от работы в профессиональных союзах, участвовал на дворянских с'ездах, на которых выносились верноподданнические резолюции.

Классовая подоплека в этом утверждении еще более ярко сказывается, чем в работах Прокоповича. Тут ясно виден буржуа, не сумевший разглядеть истинно-революционных организаций и посчитавший таковыми об'единения, по своему направлению приближающиеся к его идеологии.

Закон о фабричных старостах (в 1903 году), который правительство издало с целью отвлечения рабочих от классовой борьбы, о котором II с'езд партии в резолюции сказал, «что новый закон о фабричных старостах по мысли правительства является средством укрепления полицейской опеки над рабочим классом»,—Святловский считает «первой брешью в гранитной многовековой стене политического бесправия» (стр. 255).

Прокопович, Пажитнов и Святловский в основном составляют по направлению единую группу. Все они предпочитают эволюцию революции и отдают предпочтение таким формам организации рабочих, в которых отсутствует всякая революционность. Прокопович считает кассы взаимопомощи профессиональными союзами, Пажитнов заявляет, что наши профсоюзы слабее, чем английские, и главную причину этого видит в том, что у нас все делалось «наспех», т.-е. революционным путем, а в Англии все протекало медленно, эволюционно. Святловский же считает революционными только такие организации, которые на деле ими никогда не были, — кассы взаимопомощи. В своих работах они все стараются смазать классовую борьбу, подчеркивая с особой старательностью моменты, когда им кажется, что происходит примирение классов.

Из выдвинутых ими положений вполне понятно, идеологию какого класса они отображают. Кому выгодно воспитывать рабочих в необходимости отказаться от всяких революционных действий, пропагандировать такие рабочие организации, которые никаких революционных мероприятий не принимают? Именно буржуазии, но буржуазии передовой, которая поняла, что исторически неизбежно возникновение рабочих организаций.

Ленин в свое время дал блестящую характеристику буржуазных идеологов, стремящихся в интересах своего класса извратить историю: «Организаторское творчество народа, особенно пролетариата, а затем и крестьянства, проявляется в периоды революционных вихрей в миллионы раз сильнее, богаче, продуктивнее, чем в периоды, так называемого, спокойного (гужевого) исторического прогресса. Обратное мнение господ Бланков есть буржуазно-чиновничье искажение истории (разрядка наша). Доброму буржуа и честному чиновнику кажутся «настоящими» организациями только такие, которые хорошенечко зарегистрированы в полицейских книгах и сообразованы тщательно со всякими «временными правилами». Без временных правил он не может себе мыслить планомерности и систематичности». (Н. Ленин, собр. соч., т. VII, часть 1, стр. 136).

Эта характеристика целиком подходит к разбираемым нами авторам.

* * *

Следующей, вышедшей в свет работой по истории профессионального движения после Святловского, является книга Гриневича[1]) «Профессиональное движение рабочих в России» (1908 г.), второе издание которой вышло в 1922 г.

---

[1]) Автор сначала был экономистом, после раскола партии на большевиков и меньшевиков он примкнул к последним. С момента возникновения профессиональных союзов Гриневич принимал активное участие в их работе. В 1917 году на III всероссийской конференции Гриневич был выбран во временный ВЦСПС, где занял пост председателя. В настоящее время он находится за границей, где выпустил в новом издании историю профессионального движения.

Гриневич по своим историческим взглядам стоит далеко от марксизма. В своей книге он развил и углубил работу Святловского. «Идеализм эпохи великих реформ,—пишет он,—улетучился в рабочем вопросе так же быстро, как и во всех других вопросах социально-политической жизни. Из защитницы эксплоатируемых государственная власть превращается очень скоро даже не в нейтрального наблюдателя отношений между трудом и капиталом, а в страстного защитника и покровителя российского капитализма» (стр. 3). Получается, что крестьянская реформа (1861 г.) проводилась в интересах трудящихся внеклассовым государственным аппаратом, который только впоследствии стал защитником интересов буржуазии. Совершенно неправильное толкование дает Гриневич разногласиям экономистов и искровцев. Последних он обвиняет, что они «отодвигали экономическую борьбу на задний план, умаляя значение ее в пролетарской борьбе», и «вместо организации рабочих на очередь дня была поставлена организация людей, профессионально занимающихся революционной деятельностью». Последние слова относятся и к В. И. Ленину и к взглядам, которые он развил и обосновал в своей работе «Что делать».

Нет нужды доказывать, что Ленин не только не отрицал необходимости ведения экономической борьбы, но одним из первых выдвинул положение, что на ряду с политическими организациями социал-демократам необходимо заняться организацией профессиональных союзов.

Также неверно Гриневич оценивает результат победы искровцев над экономистами. «Проведение знаменитого плана организации партии вокруг газеты,—пишет Гриневич,—как центра с разветвлениями в виде ее «сотрудников» или «агентов» повело к организационным «государственным переворотам» на местах и к целому ряду печальных столкновений между «рабочими организациями» и «комитетами партии». Победителями, по большей части, оказывались комитеты, как сплоченные, опытные, приспособленные к конспиративным условиям организации. Однако, результаты побед оказывались самыми печальными для победителей. Лучшие элементы рабочих уходили из организации». (Гриневич—«Проф. движение рабочих в России», стр. 19).

Так пишет Гриневич, а факты говорят обратное. Стачки 90-х годов доказали рабочим, что одной экономической борьбой они совершенно не улучшат своего положения, и сплошь да рядом даже без содействия социал-демократических комитетов, многие из которых стояли тогда на точке зрения экономистов, от экономической борьбы переходили к политической.

Это политическое движение рабочих и заставило многих социал-демократов уйти от экономизма.

Именно в то время наблюдался большой приток в партию и главным образом со стороны рабочих.

По вопросу об отношении большевиков к профессиональным союзам Гриневич пишет: «Недоверие к профессиональному движению рабочих характеризует большевистское направление в русской социал-демократии и в более поздние периоды, почти вплоть до настоящего времени» (стр. 174). Дальше он говорит, что раньше по отношению к профсоюзам большевики были нейтралистами самого худшего сорта, и только надвинувшаяся контрреволюция изменила их взгляды на 180 градусов, превратив их в сторонников партийности профсоюзов. Вождь же партии большевиков Ленин не имел своего определенного взгляда на профсоюзы и постоянно колебался от одной крайности к другой. В доказательство этого Гриневичем даже приводится выдержа из предисловия Ленина к сборнику своих статей «За 12 лет», где говорится: «Только лондонский с'езд РСДРП и штутгартский международный социалистический конгресс заставили меня притти к выводу, что

нейтральность принципиально отстаивать нельзя». (Н. Ленин, «За 12 лет», Г. 1925, стр. 15).

В этих своих суждениях Гриневич представляет в абсолютно искаженном виде сущность ленинского учения о профсоюзах и всю тактику большевиков.

Чтобы доказать неверность утверждений Гриневича, нам необходимо разобраться, что же понимал Ленин под словом нейтральность и можно ли Ленина назвать нейтралистом.

Еще в 1895 году в проекте об'яснений программы с.-д. партии Ленин писал: «Вот в чем должна состоять та помощь, которую может оказать с.-д. партия классовой борьбе рабочих: в развитии классового самосознания рабочих посредством содействия им в борьбе за свои насущные нужды.

Вторая помощь должна состоять, как говорится в программе, в содействии организации рабочих. Та борьба, которую мы сейчас описали, требует необходимой организации рабочих. Организация становится необходимой и для стачки, чтобы успешнее вести ее, и для сборов в пользу стачечников, и для устройства рабочих касс». (В. Ленин, т. I, стр. 467).

Из этой цитаты мы видим, что Ленин считал необходимым, чтобы социал-демократы помогали рабочим организациям, организовывали стачечные кассы и вообще руководили всем рабочим движением.

Нейтралисты говорят как раз обратное и считают, что политические организации рабочего класса не должны вмешиваться в его экономическую борьбу.

В своей статье «Попятное направление в русской социал-демократии» (1899 г.) Ленин развивает свою мысль и говорит, что первое пробуждение масс рабочего класса произойдет в легальных организациях: «Для партии очень важно использовать эту деятельность, направлять ее именно туда, где она наиболее требуется, направлять легальных деятелей на распашку той нови, которую засеют потом социал-демократические агитаторы». (В. Ленин, т. II, стр. 575).

Оформил свою теорию о профессиональных союзах В. И. Ленин в работе «Что делать». Здесь он пишет, что организациями рабочих для экономической борьбы должны быть профессиональные союзы и что социал-демократы должны заняться их созданием. Профессиональные союзы станут весьма важным пособником партии в деле борьбы с самодержавием.

Итак, мы видим, что Владимир Ильич считал необходимой прочную связь партии с профсоюзами и участие последних под руководством партии в освободительной борьбе рабочего класса.

Ничего нейтралистического тут нет.

На 2-м с'езде профсоюзов Ленин, характеризуя нейтралистов, говорил: «Они старались экономическую борьбу, являющуюся основой профессионального движения, сделать независимой от политической борьбы».

Нейтралисты утверждали, что профсоюзы ведут борьбу за улучшение экономического положения в рамках существующих условий, партия же ведет политическую борьбу, при чем обе организации равноправны и не вмешиваются в деятельность друг друга. Но нейтрализм заключается не только в противопоставлении профсоюзов партии, а в противопоставлении членов партии, работающих в профсоюзах всей партии в целом. Например, в Германии, где всегда наиболее сильны были нейтралисты, во главе профсоюзов стояли члены социал-демократической партии. Когда партия считала необходимым празднование первого мая, профсоюзные вожди, те же социал-демократы, боясь репрессий, отказывались от этого. Следовательно, тут не только противопоставление партии профсоюзам, но отказ членов партии профработников выполнить партийную директиву, т.-е. противопоставление себе всей партии в целом.

На такой точке зрения Ленин никогда не стоял.

В связи с вышеизложенным возникает вопрос: почему же Ленин сам себя называл нейтралистом. На этот вопрос в свое время правильный ответ дал Ю. Милонов, который писал: «В чем же состоял нейтрализм, о котором говорит Ленин в предисловии к своей книге «За 12 лет». На этот вопрос дает ответ одна из его же статей, посвященная работам штутгартского конгресса. В ней Ленин пишет, что в начале политического и экономического движения «можно было отстаивать нейтральность союзов, как средство расширить первоначальную базу пролетарской борьбы в эпоху ее сравнительной неразвитости и отсутствия систематического буржуазного воздействия на союзы». Далее, раз'ясняя резолюцию штутгартского конгресса, он доказывает, что конгресс не запрещал «профессиональным союзам об'являть о своей тесной связи с социал-демократической партией или проводить на деле в жизнь такую связь». Из этих двух выдержек ясно, в чем заключался нейтрализм Ленина до лондонского с'езда. Все дело сводилось лишь к вопросу о формальном выражении и закреплении руководящей роли партии в профессиональных союзах, необходимость которой Ленин всегда признавал и доказывал».

Партийность профессиональных союзов, которую защищал Ленин, нельзя понимать, как пишет Гриневич, что большевики чуть не хотели требовать от каждого члена профсоюза признания партийной программы. «Партийность союзов должна быть достигаема исключительно работой с.-д. внутри союзов, что с.-д. должны образовывать сплоченные ячейки в союзах, что следует основывать нелегальные союзы, раз невозможны легальные» (Н. Ленин (В. Ульянов), т. XI, ч. I, стр. 20). Так раз'яснял Ленин смысл партийности профессиональных союзов. Дальше в той же статье он говорит, что партийности союзов не нужно добиваться путем нарушения единства профессиональных организаций.

Остается еще привести выдержку из письма Ленина Гусеву, в котором он о профсоюзах писал следующее: «Теперь, вероятно, как раз начнут скоро возникать профессиональные союзы. Надо не сторониться и пуще всего не давать повода думать, что надо сторониться, а стремиться участвовать, влиять и т. д. Ведь есть особый слой рабочих, пожилых, семейных, которые страшно мало дадут в политической борьбе теперь, но очень много в профессиональной. Надо этот слой использовать, направляя его лишь шаги в этой области. Российской социал-демократии важно в самом начале взять верную ноту о профессиональных союзах, сразу создать традицию социал-демократического почина по этой части, социал-демократического участия, социал-демократического руководства» (разрядка наша). («Ленинский Сборник» V, ГИЗ, 1926 г., стр. 520). Письмо датировано июль—октябрь 1905 года).

По этому письму мы снова можем убедиться, что принципиальной разницы во взглядах Ленина в 1905 и 1908 гг. не существовало.

В корне неправильно также утверждение Гриневича, что большевики в первый период организации союзов не принимали в последних никакого участия и некоторые их считали даже вредными. Факты говорят обратное. В Москве, Одессе и ряде других городов России организаторами профсоюзов сплошь и рядом были большевики.

Вторым видным меньшевистским историком является Колокольников [1]). В своих работах «Профессиональное движение в России», «Профес-

[1]) Б. член РСДРП (меньшевиков) в момент возникновении союзов принимал активное участие в их организации. В 1917 г. был товарищем министра труда в одном из составов временного правительства. В настоящее время состоит преподавателем в высших учебных заведениях.

сиональные союзы в Москве», «Первая и Вторая Всероссийская конференции профессиональных союзов» (составили Колокольников и Раппопорт с предисловием Колокольникова)—Колокольников по вопросу о роли партии развивал те же самые взгляды, что и Гриневич, повторяя его утверждение, что у большевиков не было никаких партийных директив насчет профессиональных союзов, и вообще большевики не играли в профдвижении никакой роли.

К историкам-меньшевикам следует еще причислить Ельницкого. Первая его работа была выпущена в 1906 году под названием «Первые шаги рабочего движения». В 1917 году им была издана книга «История рабочего движения», которая переиздавалась в 1923 и 1925 гг.

Все работы Ельницкого представляют летописное изложение фактов без всякого об'яснения причин, вызывающих те или иные явления.

Меньшевистское понимание событий сказывается в его утверждении, что «организационный устав, принятый незначительным большинством с'езда (II с'езд РСДРП. *З.* и *Ш.*), был строго централистичен и превращал комитеты в тесные кружки, деспотически управлявшие местными организациями: меньшинство же требовало демократизировать комитеты и приблизить их к рабочим массам» (Ельницкий — «История рабочего движения в России», стр. 151). Приходится только удивляться, как подобные утверждения могли быть напечатаны в 1925 году. Деспотические кружки не могли бы превратиться в миллионную организацию и довести пролетариат до окончательной победы над буржуазией.

По вопросу о роли закона 4 марта Ельницкий стоит на точке зрения буржуазных историков. Он утверждает, что закон 4 марта, который в течение 11 лет тормозил развитие профессионального движения, является большим толчком к развитию профессионального движения. «Опубликование этого закона,—пишет он,—а также наступившее вскоре общественное оживление в связи с созывом первой государственной думы,—вызвали новое оживление в деятельности профессиональных союзов» (Ельницкий—«История рабочего движения в России», стр. 216).

Гриневич и Колокольников являются главными представителями существующей у нас меньшевистской школы историков. Они, в отличие от буржуазных историков, скрывающих свои настоящие взгляды под ширмой об'ективности открыто выступают в защиту своих политических взглядов и стараются на страницах истории свести счет со своими старыми политическими врагами—большевиками. В основном их взгляд на профессиональное движение заключается в следующем. Профсоюзы возникли в пятом году в результате стачечного движения рабочих. Организаторами же их явились социал-демократы (меньшевики), у которых была стройная теория на задачи профсоюзов. Большевики недоверчиво относились к профсоюзам, считали их ненужными и вредными организациями. Недоверие большевиков к профсоюзам—не случайное явление, а характерная особенность большевистской партии «вплоть до настоящего времени». Во время зарождения профсоюзов партийные инстанции совершенно не интересовались профессиональным движением и не давали соответствующих директив. Рядовые члены партии, не имея соответствующих директив, бросались от одной крайности к другой. Вождь же партии, Ленин, характерен, как показатель непонимания задач профсоюзов большевиками. Он колебался от злостного нейтрализма до признания партийности союзов. Ельницкий по многим вопросам расходится с меньшевистской школой историков и ближе к буржуазным историкам. Общее у него с меньшевиками—это неприкрытая критика тактики большевистской партии. Другими словами,—он служит тем мостиком, который соединяет обе школы историков.

Обособленную позицию от меньшевистских историков занимает Айнзафт [1]), который старается создать «об'ективную историю», свободную от «публицистических искажений». Основным методом работы он считает собирание фактов. Айнзафт свой взгляд на историю сформулировал на последнем научном совещании Истпрофа (февраль 1928 г.), который в основном сводится к следующему: история есть только фактическая история. Главными работами Айнзафта являются: «Первый этап профессионального движения» и «Зубатовщина и Гапоновщина».

Посмотрим, какова «об'ективность» Айнзафта. Вот как он об'ясняет разногласия большевиков и меньшевиков по вопросу о взаимоотношениях профсоюзов с партией: «Присматриваясь поближе, мы видим, что, несмотря на существование будто бы резких разногласий между обеими фракциями в вопросе о взаимоотношениях союзов и партии, фактически никаких существенных разногласий в этом вопросе между ними не было (разрядка наша). По существу же, ратуя—первые за партийность, вторые за нейтральность, они фактически придерживались одинаковых взглядов по вопросу о взаимоотношениях союзов и партии. И те и другие полагали, что союзы должны быть массовыми организациями, по возможности охватывающими всю рабочую массу; и те и другие полагали, что союзы не должны ограничиваться задачами борьбы за пятачок и должны вести выдержанную линию классовой борьбы».

Дальше Айнзафт пишет: «Мы видим, что самый будто бы спорный вопрос в российском профессиональном движении изучаемого периода—вопрос о партийности и непартийности союзов—по существу разногласий не вызвал. Спор по существу шел только о словах—то, что большевики называли партийностью союзов, меньшевики называли нейтральностью и наоборот; одни и те же отношения между союзами и партией одни называли одним именем, другие—другим именем (разрядка наша). И в этом по существу было содержание спора». (Айнзафт «Первый этап профессионального движения», стр. 152—153).

По существу такое об'яснение есть не более, как тенденция смазать основные разногласия между обеими партиями и показать, что меньшевики—такая же революционная партия, как и большевики.

Автор совершенно упускает из вида, что большевики признавали экономическую борьбу чрезвычайно важной, но все же подчиненной задачам политической борьбы. Меньшевики же признавали равноценность экономической и политической борьбы.

Только в одном вопросе Айнзафт стоит на вполне правильной позиции, он в своей работе и на дискуссионных собраниях Истпрофа выступал с опровержением буржуазно-демократического взгляда о происхождении профсоюзов.

Про вторую работу Айнзафта «Зубатовщина и Гапоновщина» в свое время М. Н. Покровский сказал, что по Айнзафту «зубатовщина и гапоновщина суть две фазы стихийного рабочего движения, которое полиция пыталась использовать, но в конечном счете для себя неудачно...

Дальнейшим логическим выводом было бы то, что и революционная рабочая партия в России выросла путем дальнейшей трансформации в том же направлении из гапоновщины, а что большевики лишь так же использовали стихийное рабочее движение, как в первой стадии Зубатов, а во второй Гапон. В большевизме это движение нашло окончательную свою формулировку или, по крайней мере, формулировку наиболее долговечную.

---

[1]) Б. бундовец, в настоящее время научный сотрудник Истпрофа ВЦСПС.

Всего этого Айнзафт **н е** говорит,—**н о э т о** логически вытекает из его постановки». («Вестник Социалистической Академии» № 2, 1923 г.).

Из всего изложенного видно, что все работы Айнзафта сводятся к косвенной защите оппортунистических партий и попытке изобразить революцию пятого года завершением этапа полицейского социализма. Все это говорится не открыто, а прикрывается об'ективным изучением фактов и документов.

Приступая к разбору историков-коммунистов, мы считаем необходимым сказать, что большевистской школы историков еще не имеется. Есть ряд историков профдвижения, членов партии, как-то: Чекин-Яроцкий, Антошкин, Милонов, Деготь [1]), Панкратова, Томский и Лозовский, каждый из которых имеет свой собственный взгляд на развитие профессионального движения.

Чекин-Яроцкий является главным образом историком мирового профессионального движения.

В области истории профессионального движения в России он во многих вопросах стоит на позиции мелкобуржуазных историков.

В своем предисловии к сочинениям Ленина о профессиональных союзах он писал: «Но существует ли в учении В. И. Ленина целостная, стройная т е о р и я п р о ф е с с и о н а л ь н о г о д в и ж е н и я?

Нет. Своих взглядов на профессиональное движение В. И. Ленин не оформил в стройной системе. При изучении ленинизма в профессиональном движении п р и х о д и т с я н а ч и н а т ь с п о с л е д н и х, а н е с п е р в ы х р а б о т» (стр. 9, разрядка наша). Если это так, то совершенно непонятно, откуда же появилась та очень стройная и целостная теория профессионального движения, которую большевики противопоставляли меньшевистским взглядам, начиная с 1905 года. И невольно возникает вопрос, уж не прав ли тогда Гриневич в своем утверждении, что Ленин, как и вся партия большевиков в момент возникновения профессиональных союзов, не имел определенного взгляда на профессиональные союзы и только меньшевики таковой имели.

По вопросу о зарождении профсоюзов он пишет следующее: «Фактически, разумеется, и в России возникновение профессионального движения может быть отнесено ко времени появления наемных отношений в хозяйственном строе. Расслоение натурального хозяйства и соответствующее расслоение классов на новые образования начинается здесь еще в конце XVII — начале XVIII века» (Чекин-Яроцкий, «Введение в изучение профессионального движения», стр. 108). Следовательно, получается, что профсоюзы зародились чуть ли не в XVII столетии. В другом месте Яроцкий пишет: «Необходимо истоки профессионального движения искать не в огне и буре 1905 года, создавшего в конечном счете профессиональные союзы, а в гораздо более раннем периоде, отходящем к м о м е н т у п о я в л е н и я п е р в ы х о б щ е с т в и к а с с в з а и м о п о м о щ и» (разрядка наша).

Из этого мы видим, что Яроцкий считает, что профессиональные союзы зародились даже не из касс взаимопомощи, а еще гораздо раньше, еще до появления первых обществ и касс взаимопомощи. И вполне был прав Рязанов, когда, критикуя на диспуте точку зрения Яроцкого, сказал: «Источником профдвижения в России является революционное движение рабочего класса. Вы можете самым скрупулезным образом выяснять всякие классы и проч., но это имеет к профдвижению в количественном отношении такое же отношение, как один соврубль ко всей массе соврублей, выпущенных за все время. Профдвижение, повторяю, является прямым продуктом революционного движения рабочего класса, в этом отношении несравненно рациональнее видеть исток нашего российского профдвижения со всеми его особенностями в русском рабочем революционном движении» (стр. 24 стенограммы дискуссионных собраний, устроенных Истпрофом ВЦСПС 14/28 февраля 1924 г.).

[1]) Работы т. Деготя нами не разобраны, так как по всем вопросам истории и теории профессионального движения у нас с ним общие взгляды. Во время составления этой работы он своими советами и указаниями принимал в ней участие. Поэтому, во избежание обвинения нас в пристрастности, мы его преднамеренно пропустили.

В своей работе «Введение в изучение профессионального движения» Яроцкий заявляет, что историю профессионального движения «в общем и целом» можно разделить на следующие этапы:

1) Зарождение движения (с 20-х до 90-х годов XIX столетия);
2) «Экономизм» и «рабочедельство» (с 1897 по 1903 гг.);
3) Зубатовщина и гапоновщина (с 1902 по 1905 гг.);
4) Упадок движения (с 1906 по 1911 гг.);
5) Революционизирование движения (с 1911 по 1918 гг.);
6) Диктатура пролетариата и союзы (с 1918 г.—1-й с'езд союзов);
7) Союзы во время военного коммунизма (1918 по 1921 гг.);
8) Союзы в условиях новой экономической политики (с 1921 г.).

Выходит, что период с 1897 по 1903 гг. характеризуется работой только экономистов, а между тем это была пора, когда зародилась большевистская партия и впервые выступил со своим учением Ленин и партия отмежевалась от экономизма.

Второй этап также неверен и насквозь пропитан оппортунизмом. Из характеристики второго этапа вытекает, что первая русская революция есть завершение зубатовщины и гапоновщины.

Годы упадка у Яроцкого начинаются с 1906 года, между тем 1906 и начало 1907 года было временем наибольшего развития профессионального движения. Характеристика — «диктатура пролетариата» (с 1918 г. первый с'езд профсоюзов) относится одинаково ко всем ниже упомянутым периодам. Если придерживаться иного определения, то ведь может получиться впечатление, что диктатура пролетариата началась в 1918 г. и кончила свое существование после первого с'езда профсоюзов. Нужно полагать, что Яроцкий так не думает, но логически получается так.

В заключение остается осветить, как понимает Яроцкий деятельность союзов в эпоху диктатуры пролетариата. Он пишет следующее: «Тезис — «строительство союзами всей промышленности» сменился антитезой—выдвиганием на одно из первых мест в союзной работе защиты экономических интересов рабочего у станка» (Чекин-Яроцкий, «Введение в изучение профессионального движения», М., изд. ВЦСПС, 1925 г., стр. 107).

Если понимать термины тезис и антитезис в том смысле, как их употреблял Маркс, т.-е. считать антитезу отрицанием тезы, то выходит, что союзы в период военного коммунизма ставили перед собой исключительно задачу организации и управления промышленности, а в годы нэпа—только защиту экономических интересов рабочих. Это неверно, так как в годы военного коммунизма никогда не выставлялось положения, что профсоюзы занимаются самостоятельно организацией хозяйства. Ленин по этому вопросу писал следующее: «Оставаясь формально самостоятельными организациями, профсоюзы могут и должны, как выражается одно из положений предлагаемой вам резолюции, «принимать энергичное участие в работе советской власти путем непосредственной работы во всех государственных органах, организации массового контроля над их действиями и т. п., создания новых органов учета, контроля и регулирования всего производства и распределения, которые покоятся на организованной самодеятельности самих заинтересованных широких трудящихся масс» (2-й Всерос. с'езд профсоюзов,

стенографический отчет «О задачах профессиональных союзов», доклад В. И. Ленина, стр. 52).

Участие профсоюзов в организации производства Ленин понимал как помощь в этом деле советскому государству. Раз'ясняя на 2-м с'езде профессиональных союзов смысл, вкладывавемый в это понятие комфракцией с'езда, он говорил, «что если бы сейчас профессиональные союзы попробовали самочинно взять на себя функции государственной власти, из этого вышла бы только каша». (Н. Ленин. Собрание сочинений, т. XVI, стр. 22).

В условиях новой экономической политики союзы попрежнему не отказались от участия в содействии организации народного хозяйства. Если бы в действительности было так, как выразился Яроцкий, то политика партии не соответствовала бы учению Ленина о профессиональных союзах, который считал, что параллельно с борьбой с бюрократическими извращениями профсоюзы должны принимать участие в организации промышленности. Партия все время боролась против сужения работы профессиональных союзов в рамках защиты экономических интересов, когда эта «защита» рассматривалась как отрицание участия в организации промышленности.

Переходя к разбору другого большевистского историка Антошкина, следует сказать, что он в своей работе является более большевистски выдержанным, чем Чекин-Яроцкий.

Д. Антошкин дал правильный анализ значения касс взаимопомощи. В противоположность ряду историков он считает, что кассы и общества взаимопомощи «ни формально, ни по существу, ни по своему составу, ни по своей деятельности не являлись классовыми организациями, не были организациями классовой борьбы и стояли в стороне от нее». Другими словами, они не только не являлись предшественниками профессиональных союзов, а, наоборот, являлись тормозом их развития.

В своей работе Антошкин опроверг неправильное положение Айнзафта («Первый этап российского профессионального движения»), что профессиональные союзы возникли в крупном производстве позднее, чем в ремесленном, потому что пролетариат в крупной промышленности по своему составу был не однороден. Антошкин же считает, что «как только представилась возможность организоваться, ремесленные рабочие приступили к организации профессиональных союзов, чтобы через них вступить в борьбу с хозяевами за улучшение своего положения. Фабрично-заводские рабочие могли на первых порах развернуть—и развернули — борьбу без профессиональных союзов, пользуясь для об'единения своей борьбы, когда это надо было бы, другими формами организации, в том числе и политическими в лице российской соц.-дем. рабочей партии» (стр. 83).

Антошкин первый заявил, что «меньшевики совершенно напрасно приписывают себе исключительную роль в профессиональном движении на первых шагах» (стр. 154), правда, не доказав это фактами.

Но в одном вопросе автор делает крупную ошибку, — он повторяет меньшевистскую легенду о нейтрализме Ленина. «Владимир Ильич Ленин,— писал Антошкин,—еще до пятого года высказывался за нейтральность профессиональных союзов». Дальше, приводя цитаты Ленина, где он себя называет нейтралистом, он пишет следующее: «Линия партийности союзов решительно и наиболее планомерно проводилась московскими большевиками уже в первый момент возникновения профессиональных союзов, в то время как петербургские большевики воздерживались формально об'являть союзы партийными. В сущности их работа в союзах была направлена к овладению союзами, как и в Москве. Вопрос о партийности союзов окончательно был решен на конференции в Куоккало летом 1907 г., на которой принцип нейтральности был окончательно отвергнут большевиками: точка зрения партийности союзов стала официальной линией партии после Штутгартского конгресса, но проводилась она в жизнь только большевиками» («Вестник Труда» за 1923 г., № 3, статья Ногина, стр. 234).

Из этой цитаты мы видим, какую вторую недопустимую ошибку делает Антошкин. Здесь сквозит попытка отделить деятельность партии от Ленина. По Антошкину получается, что партия стояла на точке зрения партийности союзов, а Ленин—за нейтральность.

Лозовский является историком мирового профессионального движения. По истории профдвижения в России им написана работа «Профессиональные союзы в Советской России» (изд. ВЦСПС, М., 1920 г.). В предисловии к своей работе Лозовский пишет: «Настоящая брошюра есть введение к сборнику «Профессиональные союзы Советской России», написанному всероссийскими профессиональными об'единениями для английских рабочих в связи с приездом в Россию делегации от английских трэд-юнионов».

В своей брошюре Лозовский описывает, как возникли профсоюзы, как протекала первая и вторая Всероссийская конференция, но ни слова не упоминает, какая происходила в союзах до 17-го года борьба между меньшевиками и большевиками, какой взгляд был у партии на задачи профсоюзов в момент их возникновения. У прочитавшего эту работу английского рабочего, наверное, сложилось впечатление, что до 17-го года никаких разногласий между большевиками и меньшевиками не было и что большевики и меньшевики раньше имели один общий взгляд на роль и задачи профсоюзов. Некоторые положения Лозовского, написанные весьма категорически, неверны. Он пишет: «Русские профессиональные союзы имеют отроду 3 года (накануне Февральской революции в России было 3 профессиональных союза с общим количеством членов в 1.385 человек)» (Лозовский, «Профсоюзы в Советской России», стр. 61).

По имеющимся неполным данным, к концу войны существовали профоб'единения в Москве: союз металлистов, золотосеребренников и бронзовщиков, рабочих мануфактуристов, строителей, деревообделочников, печатников, булочников, кондитеров, рабочих по изготовлению обуви, портмонетчиков и сумочников, швейников, рабочих по обработке фарфора и стекла, торгово-промышленных служащих, кооперативных, коммерческих, официантов, товаров и всероссийский союз фельдшеров и акушерок.

Сохранились союзы также в Петрограде, Самаре, Саратове, Киеве, Харькове и т. д.

Во время войны издавалось до 12 печатных профессиональных органов.

Утверждение о том, что профсоюзы вновь возникли только в 1917 году просто не соответствует истине. Можно еще указать на то, что нелегальное Московское центральное бюро профсоюзов после Февральской революции реорганизовалось в Совет Профсоюзов, что организационная комиссия по созыву Всероссийского с'езда, избранная на 2-й конференции, делала отчет на 3-й конференции.

В постановке вопроса, что профсоюзы вновь возникли только в 17-м году, звучит тенденция, имеющаяся у многих профработников, начавших работать в профсоюзах только с 17-го года, представлять, что будто бы только с этого момента началась профсоюзная деятельность. Это смахивает на тенденцию Троцкого, который, начав работать в большевистской партии только в середине 17-го года, проводил в «Уроках Октября» мысль, что история партии начинается с Октябрьской революции.

Глубоко неверна также попытка Лозовского изобразить, что в 17-м году профсоюзы и фабрично-заводские комитеты представляли нечто целое и неразрывное и что они проводили одинаковую революционную тактику. «Ожесточенная война,—пишет он, — между профессиональными союзами и предпринимателями шла, как мы видим, на каждой фабрике, на каждом за-

воде еще задолго до Октябрьской революции. Профсоюзы и органы их, фабрично-заводские комитеты, на опыте на практике убедились в необходимости насильственного низвержения буржуазии (разрядка наша). Вот почему в октябрьские дни они шли в первых рядах в борьбе против Временного правительства и коалиции» (стр. 21).

Во-первых, в 1917 году фабзавкомы не являлись органами профсоюзов и были во многих местах вполне самостоятельными организациями, имевшими свои центральные советы (только после первого с'езда профсоюзов фабзавкомы были ликвидированы, как самостоятельные организации). Во-вторых, профсоюзы в период Февральской и Октябрьской революций не играли такой революционной роли, как фабзавкомы. В то время как в Петрограде центральный совет фабзавкомов принимал активное участие в октябрьском перевороте, петроградский совет профсоюзов занимал половинчатое положение, и когда революция совершилась, он поддержал требование группы Зиновьева и Каменева о необходимости организации правительства из всех социалистических партий.

Основной работой М. П. Томского является «Принципы организационного строительства профессиональных союзов» (М. 1919 г.). Заслугой тов. Томского является то, что он применил диалектический метод в изучении профессионального движения. До сих пор еще большинство историков профессионального движения придерживаются описательного метода. Тов. Томский изменение тех или иных организационных принципов об'ясняет изменением производственных отношений и политикой предпринимателей и правительства. Причиной организации цеховых союзов он считает: «1) слабо развитый машинный способ производства, при котором основной базой производства являлся ремесленный труд, основанный на ловкости, выучке и ограниченный кругом специалистов, и 2) почти полное отсутствие боевых организаций капиталистов» (стр. 14). Причину перехода от цеховых союзов к производственным он видит в следующем: «В процессе развития экономической борьбы в связи с ростом машинного производства, с вытеснением ремесленного труда и низведением его из основного фактора производства в подсобный, рабочие, наталкиваясь в своей борьбе на сопротивление организованных предпринимателей, принуждены были перевести свою борьбу из области групповых, цеховых забастовок в область общепроизводственную».

Сообразно этому перестраиваются и рабочие союзы, об'единяя разрозненные по разным союзам родственные цеха и профессии и, наконец, охватывая всех рабочих, занятых в данной отрасли промышленности, без различия их профессии.

На этой стадии развития профессиональных организаций рабочие уже вплотную подходят к строению союзов по отраслям промышленности, к тому, что мы теперь называем «производственный союз» (стр. 14).

Но и к теории Томского необходимо внести следующие поправки. Не всюду и везде союзы возникают благодаря слабо развитому машинному способу производства. В России цеховые союзы в 1905 году возникли, главным образом, благодаря сохранившимся у некоторых групп рабочих цеховых традиций и, как указал Томский, в связи с полным отсутствием организаций капиталистов, но не благодаря слабо развитой технике. С возникновением предпринимательских организаций уже в 1906 году начался переход к производственному принципу.

В одном вопросе Томский делает крупную ошибку: «Первые профессиональные организации рабочих дореволюционной России (до 1905 года),— пишет он,—живя в обстановке полицейского гнета, не только не могли ставить себе широких организационных задач, но вынуждены были всячески скрывать и прятать свое истинное лицо, затушевывать свои цели и задачи. Эти слабые ростки будущих классовых организаций, независимо от преследуемых ими «легально» целей, самым фактом своего существования имели для того периода столь громадное воспитательное значение, что самосохранение является для них основной задачей и на это уходит вся их энергия. Наиболее развитый, обычный тип этих организаций—касс взаимопомощи. Слабые силами и средствами, они принуждены прикрывать себя от репрессий полиции и прибегать к покровительству наиболее, «благонадежных» элементов в лице либерально настроенных представителей крупной администрации и т. п., вводя их в свои организации в качестве «почетных членов» (стр. 1). Совершенно неверно, что кассы взаимопомощи имели «громадное» воспитательное значение, что они якобы были вынуждены прикрывать себя от репрессий полиции. Во главе касс и обществ взаимопомощи стояли реакционные элементы, относящиеся враждебно ко всякой революционной борьбе. Царский гимн и приветственную телеграмму царю с'езд обществ взаимопомощи приказчиков посылал не для того, чтобы скрыть свое революционное лицо, а потому, что они были искренними монархистами.

Надвинувшаяся революция 1905 г. толкнула некоторые кассы на революционный путь. Но после того, как революционная борьба спала, они вновь заняли реакционные позиции. Большинство из них относилось враждебно к профессиональным союзам и если играло в нашем рабочем движении какую-либо роль, то только такую, какую выполняют желтые и христианские профсоюзы на Западе по отношению к классовым профессиональным союзам.

Сейчас нам остается осветить работы А. М. Панкратовой и Ю. Милонова. Основные труды Панкратовой: «Фабзавкомы в России в борьбе за социалистическую фабрику», «Роль фабзавкомов в германской революции», «Политическая борьба в российском профдвижении». Первая ее работа является одной из лучших работ по данному вопросу, хотя в ней проскальзывает тенденция умалить значение фабрично-заводских комитетов, как революционного фактора. Это видно из следующего: «Рабочий комитет в России предшествовал профессиональному союзу. Но даже если обе организации возникали и существовали одновременно, то русские профессиональные союзы отличались таким же боевым закалом, революционным характером и социалистическими тенденциями, как и рабочая фабрично-заводская организация. И уже одно это обстоятельство резко отличает русские союзы и завкомы от аналогичных организаций в Западной Европе» (А. Панкратова—«Фабзавкомы в России в борьбе за социалистическую фабрику», стр. 312). Исторически это неверно. В 1917 году многие профсоюзы не имели такого «революционного закала», выражаясь словами Панкратовой, как фабзавкомы. Фабзавкомы в то время выделили самостоятельные организации со своими центральными советами, главным образом, в тех городах, где в межсоюзных об'единениях стояли меньшевики и колеблющиеся элементы из большевистской партии, как, например, в петроградском совете профессиональных союзов. В Москве же, где во главе профсоюзов еще со времени империалистической войны стояли большевики, фабзавкомы не играли самостоятельной роли.

В своей работе «Политическая борьба в российском профессиональном движении» Панкратова пишет: «Большая часть работников профессионалистов, имевших опыт хотя бы только небольшого прошлого, какое имели русские профсоюзы, были также меньшевиками, ибо во времена глухой царской реакции в профсоюзах могли работать только лишь меньшевики-ликвидаторы, отказавшиеся от нелегальной партийной борьбы» (стр. 24).

Тут Панкратова не критически повторяет меньшевистскую легенду, что в профсоюзах работали одни только меньшевики, в то время как именно во времена глухой реакции большевики работали в профсоюзах. В 1912 и 1914 гг. профессиональные союзы в Москве и Петербурге были завоеваны большевиками. Во время войны в профсоюзах Москвы и Петрограда работали исключительно большевики. Партия с ее вождем Лениным вели активную борьбу с ликвидаторами слева (отзовисты), считавшими ненужным вести работу в легальных организациях.

Слишком категорично также утверждение Панкратовой, что «Февральская революция застала рабочий класс в состоянии полнейшей дезорганизации» (стр. 21). Нельзя назвать класс дезорганизованным, в то время как, начиная с 1915 г., окрепла и усиленно проводила свою работу его партия (большевики). Кроме того, начиная с 1915—1916 годов уже активно работали больничные кассы, профессиональные союзы, издавалась рабочая печать.

Ю. Милоновым написаны работы: «Как возникли профессиональные союзы» и «Партия и союзы», в которой он опроверг меньшевистскую легенду, что Ленин был нейтралистом. Также им была опровергнута другая меньшевистская версия, что в момент возникновения профессиональных союзов партия большевиков относилась к ним недоверчиво, а некоторые вообще считали их ненужными, даже вредными, и что в то время у партии не было общепартийной директивы о работе в профсоюзах. Он привел данные, что с первых дней возникновения профессиональных союзов большевики вели активную работу в последних. Дальше им доказано, что партийная инстанция и центральный орган партии («Вперед») давал на места руководящий материал о работе профсоюзов.

Как историк, Милонов до последнего времени придерживался описательного метода. В своей работе «Как возникли профессиональные союзы» он это об'ясняет отсутствием достаточного материала для аналитических выводов. Конечно, это не может служить оправданием. М. Н. Покровский писал историю России в более худших условиях, однако, это не мешало ему придерживаться диалектического метода.

Подводя итоги работам историков-большевиков, необходимо еще раз повторить, что большевистской школы историков еще не имеется, но основные вехи ее уже намечаются. В основном они сводятся к следующему: признание единственно правильным методом работы—диалектического метода; борьба против либеральных и меньшевистских историков, в частности, против их взглядов, что профсоюзы возникли из касс взаимопомощи и закон 4 марта удовлетворил желание рабочего класса, послужив в то же время толчком к развитию профессионального движения; разоблачение меньшевистских утверждений, что Ленин был нейтралистом и что партия большевиков не имела своего определенного взгляда на профсоюзы и вплоть до 1917 года не играла в них никакой роли.

Однако, как указано выше, далеко не все историки-партийцы придерживаются таких взглядов.

Ленин хотя никогда специально не занимался историей профессионального движения, но в отдельных своих работах и речах дал единственно верную установку о происхождении профсоюзов. На всероссийском с'езде текстильщиков он сказал следующее: «Многие из вас помнят или знают от своих отцов, как рабочие несколько лет тому назад, попадая на фабрику, говорили, что фабрика «народ кормит», и думали, что фабрикант является их благодетелем. Тогда рабочие еще не понимали эксплоатации их капиталистами. Рабочие всех капиталистических стран так смотрели на дело. От этого первоначального неведения, бессознательности рабочие постепенно переходили к сознанию своего положения. К этому времени относится начало стачек. Рабочие начали чувствовать свою силу, стачки научили рабочих тому, что будучи беспомощными в одиночку, в соединении с другими они являются силой. Вместе с ростом стачек, росло и профессиональное движение». (Разрядка наша).

В своей брошюре «Победа кадетов и задачи рабочей партии» он писал: «Возьмем профессиональные организации, и мы увидим, вопреки всем филистерским сплетням об игнорировании их в революционный момент, что в России никогда не создавалось такой бездны профессиональных рабочих организаций, как в эти дни. Страницы социалистических, именно социалистических, газет и «Новой Жизни», и «Начала» были переполнены сведениями о новых и новых профессиональных организациях. Такие отсталые слои пролетариата, которые в течение десятилетий едва удается раскачать в периоде планомерного и систематического мещанского прогресса, в роде домашней прислуги, проявляли величайшую склонность и способность к организации» (Ленин, Собр. соч., т. VII, ч. I, стр. 135).

Из этой цитаты видно, что Ленин считал, что с момента возникновения профсоюзов большевики принимали в их организации активное участие. В другой своей работе «Детская болезнь левизны в коммунизме» Ленин писал, что большевики не только занимались работой в профессиональных союзах, когда они возникли, но что еще раньше, когда не существовали профессиональные союзы, если только представлялась малейшая возможность работать в легальных организациях, члены партии там работали. «При царизме,—писал он,—до пятого года у нас не было никаких «легальных» возможностей». Но когда Зубатов, охранник, устраивал черносотенные рабочие собрания и рабочие общества для ловли революционеров и для борьбы с ними, мы посылали на эти собрания и в эти общества членов нашей партии (я, лично, помню из числа их т. Бабушкина, выдающегося питерского рабочего, расстрелянного царскими генералами в 1906 г.), которые устанавливали связь с массой, изловчались вести свою агитацию и вырывали рабочих из-под влияния зубатовцев». (Н. Ленин, собр., т. XVII, стр. 145).

Итак, мы видим, что большевистская концепция возникновения профессионального движения и роли в ней партии в основных чертах имеется уже в трудах Ленина.

Из всего нами сказанного видно, что несмотря на то, что схема по истории профессионального движения набросана Лениным и что у нас имеется комиссия по изучению истории профдвижения, которая работает уже 9 лет,—марксистско-ленинской истории пролетариата не имеется. Одна из основных причин этого заключается в том, что в истпрофах работали и продолжают еще работать идеологически чуждые нам лица (члены б. соц. партии); коммунисты же, работающие в истпрофах, сплошь и рядом подпадают под влияние чуждой идеологии или же совершенно не занимаются научной деятельностью, выполняя одну только организационную работу. Слабо также работает культотдел ВЦСПС, который до сих пор не только печатает меньшевистских авторов, но и всюду их рекомендует.

Чтобы не быть голословными, приведем следующие примеры: РИО ВЦСПС в настоящее время, издавая серию популярных брошюр по истории профессионального движения, заключает договор ни с кем иным, как с Ельницким, который еще в 1925 году в своих работах писал пасквиль на нашу партию. Б. Мартов в своей книге «Изучение профессионального движения» (издание 4-е 1926 г. РИО ВЦСПС), по курсу истории и теории профессионального движения рекомендует следующих авторов:

1) Прокопович, 2) Пажитнов, 3) Ельницкий, 4) Колокольников, 5) Гриневич, 6) Айнзафт, 7) Гордон, 8) Святловский и др.

При этом небезынтересно отметить, как Б. Мартов дает отзывы об авторах, идеологически нам чуждых.

С. Прокопович.—«К рабочему вопросу в России». Изд. 1907 года, гл. II, III и IV.

Сухо написано. Много цифрового и фактического материала.

К. Пажитнов.—«Положение рабочего класса в России». Изд. 1907 г., ч. I.

Обстоятельная работа, богатая фактическим материалом.

А. Ельницкий.—«История рабочего движения в России», т. I, гл. I—II, изд. ВЦСПС

Довольно популярная, живо написанная работа, охватывающая всю историю.

Перед нами сейчас стоит задача повести энергичную и решительную борьбу за завоевание этой дисциплины. Для этого коммунисты-историки должны обдумать все ими написанное и отказаться от всех своих ошибок.

Президиуму ВЦСПС необходимо приступить к реорганизации истпрофа ВЦСПС, вычистив оттуда идеологически чуждых работников.

Кстати сказать, правильно было бы истпрофы, как и истпарты, слить с Институтом Ленина, так как изучение истории пролетариата без истории партии и ленинизма совершенно немыслимая вещь.

Так же необходимо в Ранионе и в Институте красной профессуры усилить изучение рабочего и профессионального движения.

В. Злотин и И. Щипицын.

Опечатка:

В № 11 «Большевика» заголовок ст. тов. Г. Смолянского напечатан так: «К профсоюзным проблемам «п е р и о д а т р е т ь е г о», должно быть как это напечатано в содержании и в колон-титулах: «К профсоюзным проблемам «третьего периода».

Издательство „ПРАВДА“

ЧТО ДАЕТ ПАРТИЙЦУ ПРОЖЕКТОР?

«ПРОЖЕКТОР» откликается на все ВАЖНЕЙШИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ КАМПАНИИ и в живой литературной форме, — в очерках, фельетонах, в карикатурах и рисунках, исполненных лучшими художниками, в высокохудожественных злободневных снимках, показывает как положительные, так и отрицательные стороны нашего строительства и быта.

«ПРОЖЕКТОР» является единственным в СССР художественным журналом, в котором поставлена ИСКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ПО РАЗНООБРАЗИЮ ИНФОРМАЦИЯ о заграничных политических событиях, о революционной борьбе в капиталистических странах. В этой области журнал дает читателю то, чего не даст газета: непосредственные впечатления очевидцев, живую информацию с мест, бытовые зарисовки. Сеть иностранных корреспондентов «Прожектора» состоит из высококвалифицированных журналистов, близких нам по своей идеологии и настроениям.

Журнал ориентирует читателя во всех значительных явлениях КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ (литература, театр, живопись и пр.).

Основная установка журнала: полный и решительный отказ от приспособленчества к мещанским вкусам, борьба за повышение культурного уровня читателя, выработка нового, коммунистического отношения к явлениям культурно-бытового порядка

ПОДПИШИТЕСЬ на 2-е ПОЛУГОДИЕ на „ПРОЖЕКТОР“.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 1 мес. — 1 руб., на 3 мес. — 3 руб., на 6 мес. — 6 руб., на 12 мес. — 12 руб.

Цена отдельного номера снижена до 25 коп.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПРИЕМ ПОДПИСКИ на 2-е ПОЛУГОДИЕ 1929 г.

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

РЕВОЛЮЦИЯ и КУЛЬТУРА

РЕВОЛЮЦИЯ И КУЛЬТУРА рассчитана на широкий актив партии, комсомола, на передовые слои беспартийных рабочих, крестьян и советской трудовой интеллигенции.

К участию в журнале РЕВОЛЮЦИЯ И КУЛЬТУРА привлечен весь основной кадр теоретических и культурных сил партии и широкие круги беспартийных ученых, литераторов, культурников, стоящих на материалистических позициях.

Задачи журнала РЕВОЛЮЦИЯ И КУЛЬТУРА: Освещение важнейших вопросов культурной революции (вопросов культурного строительства, вопросов быта и т. д.). Разработка и популяризация теории Маркса, Энгельса, Ленина. Борьба против враждебных и чуждых идеологических воззрений, против упадочничества и мещанства. Информация о культурной жизни в СССР и за границей. Освещение основной литературы по различным отраслям науки и искусства, выходящей в СССР и на Западе. Содействие сближению научных работников с трудящимися.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, Тверская, 48. Тел. 2-82-13.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: 1 месяц—80 коп., 3 мес.—2 р. 40 к., 6 мес.—4 руб. 80 коп.

Цена отдельного номера—50 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: в Главной конторе изд-ства „Правда“ (Москва, 9, Тверская, 48) и во всех провинциал. отделениях „Правды“ и „Рабочей Газеты“, почтово-телеграфных конторах, контрагентами и письмоносцами.